электронный научный журнал

Регионалистика

2019 Том 6 №3

regionalistica.org

В номере:

Развитие Дальнего Востока: необходимое разнообразие

Рейтинги инновационного развития стран и регионов

Экономическая интеграция в АТР

DOI: 10.14530/reg.2019.3

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2019 Том 6 № 3

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

■ ■ ■ ■
Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

■ ■ ■ ■
Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Н. Демьяненко,

д-р геогр. наук, профессор

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)

д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)

д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

д-р полит. наук М.Ю. Урнов (Москва, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

Редакционный совет

Председатель:

П.А. Минакир,

академик РАН

д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

д-р полит. наук С.В. Севастьянов (Владивосток, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Сулов (Новосибирск, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Демьяненко А.Н.

Несколько слов о проекте Национальной программы развития Дальнего Востока 5

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ

Бляхер Л.Е., Обирин А.И.

Дальний Восток: инструкция по использованию, или Зачем России Дальний Восток 13

*Антонова Н.Е.*Возможности для развития несырьевого экспорта лесного комплекса
приграничных регионов 31*Домнич Е.Л.*

О типичных рейтингах инновационного развития стран и регионов 42

*Томилов М.В.*Оценка торговых барьеров в перспективных интеграционных объединениях
стран Азиатско-Тихоокеанского региона 66*Дашибалова И.Н.*Отношение населения Бурятии к гражданам Китая:
представления, взгляды, социальная дистанция 80

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Украинский В.Н.

Досуг в тени большого города: постановка исследовательских вопросов 89

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

Краснопольский Б.Х.

Арктика – территория диалога и океан возможностей 100

*Заостровских Е.А.*Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство
и его XXIV ежегодное заседание 104

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Demyanenko A.N.

A Few Words about the Draft of National Program for the Development of the Russian Far East	5
---	---

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS

Blyakher L.E., Obirin A.I.

Far East: Instructions for Use, or Why Does Russia Need the Far East	13
--	----

Antonova N.E.

Opportunities for Development of Non-Row Export in the Forest Complex of Border Areas	31
---	----

Domnich Y.L.

On Typical National and Regional Innovation Indexes	42
---	----

Tomilov M.V.

The Assessment of Trade Barriers within Prospective Integration Unions in the Asia-Pacific Region.....	66
--	----

Dashibalova I.N.

Attitude of the Residents of Buryatia to the Citizens of China: Views, Attitudes, Social Distance	80
---	----

INVITATION TO DISCUSSION

Ukrainsky V.N.

Leisure in the Shadow of Big City: Research Questions	89
---	----

SCIENTIFIC CHRONICLE

Krasnopol'ski B.Kh.

The Arctic – Territory of Dialogue and an Ocean of Possibilities	100
--	-----

Zaostrovskikh E.A.

Russian-American Pacific Partnership and Its 24 th Annual Meeting	104
--	-----

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 332.1

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Настоящая работа представляет собой критические «заметки на полях» проекта «Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 года». Указанный проект рассматривается с позиций соответствия критериям «хорошей стратегии», качества анализа проблемного поля, корректности формулирования целевых установок.

Дальний Восток, региональное развитие, стратегическое планирование

A FEW WORDS ABOUT THE DRAFT OF NATIONAL PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST

This work is a critical «notes on the margins» of «The National Program for the Development of the Far East until 2025 and to the future until 2035» project. This project is considered from the standpoint of meeting the criteria of a «good strategy», the quality of analysis of the problem field, the correctness of the formulation of targets.

Russian Far East, regional development, strategic planning

Введение

Не так давно появился очередной документ, имеющий целью обеспечить развитие Дальнего Востока. Я имею в виду проект Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года и на перспективу до 2035 года (далее – Программа). К сожалению, у меня просто не было времени детально проанализировать этот почти стостраничный документ, поэтому предлагаемый читателю текст – не более чем своего рода «заметки на полях».

Эти «заметки» сгруппированы следующим образом: место Программы в той совокупности институтов стратегического планирования, которая была сформирована в РФ в последние годы; рассмотрение концептуальных положений Программы и соответствие их представлениям, которые сложились в научном сообществе относительно того, что есть стратегии (прежде всего государственные).

Национальная программа в контексте новаций последних лет в сфере стратегического планирования

Начнём с того, что авторы Программы, несомненно, рассматривают её как документ стратегического планирования. Относительно самой системы регионального стратегического планирования автор имел возможность не раз и не два выказать своё мнение [1; 18; 19], поэтому, не повторяя сказанного, хотел бы обратить внимание читателей на два аспекта стратегирования.

Во-первых, что есть хорошая стратегия, и, соответственно, что есть стратегия плохая? Здесь в качестве отправной точки возьмём монографическое исследование Ричарда Румельта «Хорошая стратегия, плохая стратегия» [11].

В этой работе содержится много чего интересного и поучительного. В частности, автор отмечает, что «хорошая стратегия подразумевает умение честно и открыто признать трудности и проблемы, с которыми мы сталкиваемся, и выработать конкретные методы их преодоления» [11, с. 16]. Тогда как плохая стратегия «пренебрегает важностью выбора и чёткой концентрации внимания, стараясь вместо этого примирить огромное множество требований и интересов, явно конфликтующих друг с другом» [11, с. 16–17].

Если обратиться к тексту Программы, то её авторами проблема видится только в том, что ускоренное развитие Дальнего Востока, объявленное национальным приоритетом на весь XXI век в 2013 г., в 2019 г. явно не получилось обеспечить¹. Возможно, это действительно проблема, но не экономики Дальнего Востока, а скорее регулятора. А вера в то, что приняв Программу или ещё какой-либо закон, мы автоматически можем решить проблему, ничего кроме удивления вызвать не может².

Далее следует отметить, что хорошая стратегия – дело многотрудное и требующее от разработчиков немалых знаний и относительно проблемы, и относительно инструментария её решения. К тому же «хорошая стратегия», в том числе и стратегия развития региона, – всегда

¹ Что и почему не удалось в ходе реализации Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждённой распоряжением Правительства РФ № 466-р от 29 марта 2013 г., на смену которой, судя по всему, и должна прийти рассматриваемая Программа, достаточно подробно освещено в статье П.А. Минакира [6].

² Как тут не вспомнить слова Дж. Стиглера: «...я предполагаю, что принять закон не означает решить проблему» [15, с. 53].

«штучный товар», она всегда индивидуальна. Увы, но сложившаяся в современной России практика массового производства стратегий, в том числе и региональных, свидетельствует скорее об обратном¹.

Во-вторых, мы должны определиться с тем, что представляет собой сам процесс «делания» стратегии. И здесь опять-таки обратимся к ставшей уже классической работе Джеффа Малгана «Искусство государственной стратегии» [3]. Вновь приходится констатировать, казалось бы, очевидное: «любая стратегия предполагает выбор приоритетов: тщательное определение того, что важнее всего, и концентрацию усилий на достижимых целях» [3, с. 14]. А вот для того, чтобы должным образом концентрировать усилия и добиваться желаемых результатов, государственным органам, ответственным за разработку стратегии, следует уделить внимание: «ЦЕЛЯМ – *почему* те или иные действия являются первоочередными... ВНЕШНИМ УСЛОВИЯМ – *где* предполагается достичь обозначенных целей...» [3, с. 14].

Именно от того как мы отвечаем на эти два вопроса – «почему?» и «где?», зависит определение правительством и его планирующими структурами того, каковы желаемые и достижимые цели, приоритет и их очередность. И лишь после того, как удалось определиться с ответом на вопрос «*Чего* стремятся достичь правительство и его органы?», следует обратиться к разработке того, что обычно обозначают как механизмы реализации. В общем и целом всё вышеперечисленное в той или иной мере присутствует в Программе, а вот что отсутствует, так это то, что Дж. Малган обозначил как «обучение». По Малгану, обучение – это создание «систем формирования представлений не только о том, какие усилия оказались действенными или провалились, но также позволяющих осознать необходимость пересмотра целей, результатов анализа и избранных направлений» [3, с. 15].

Удивительно, но факт: предлагаемая Программа (далеко не первая и даже не вторая попытка ускоренного развития Дальнего Востока) не содержит даже намека на обучение через выявление того, почему предшествующие программы оказались малоуспешными и почему вновь и вновь решается одна и та же проблема². Возникает ощущение, что авторы Программы твёрдо знают всё, что имеет отношение к экономическим, а заодно и социальным, экологическим и всем иным проблемам Дальнего Востока. Более того, они уверены в том, что государство располагает всем необходимым для достижения целей инструментарием (при явном предпочтении законам, распоряжениям и т.п.). И это при том, что территориально-отраслевая структура экономики Дальнего Востока (как, впрочем, и любой другой пространственной экономической системы первого уровня делимитации национального экономического пространства) отличается высоким уровнем инерционности, а внешняя среда экономики региона находится в состоянии высокого уровня неопределённости³.

¹ Конечно, индивидуальный подход к решению стратегических, в том числе и региональных, проблем вовсе не следует абсолютизировать. Скорее всего, прав Дж. Малган: «Стратегическая деятельность, однако, немыслима без некоторого элемента стандартизации и рутинизации, а также без определённого понимания принципов разработки долгосрочных планов...» [3, с. 46].

² Это тем более удивительно, что существует целый ряд исследований, в которых не только содержится анализ эффективности программ развития Дальнего Востока, но и предложения по их совершенствованию [4; 5; 6; 7; 10; 12; 17].

³ Подробно эти вопросы освещены в [1; 2; 8; 9].

Некоторые замечания относительно «общих положений», конкурентных преимуществ Дальнего Востока, «общих целей и направлений развития»

Прежде всего попробуем понять: насколько Программа есть стратегия? И с этой целью обратимся к «Общим положениям». Буквально первый абзац повергает в шок: «Дальний Восток России располагает уникальным набором конкурентных преимуществ. Близость к крупнейшему в мире быстрорастущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона, пролегающие на его территории глобальные транспортные коридоры, богатейшие природные ресурсы и чистейшая экология, промышленный и научно-образовательный потенциал могут быть конвертированы не только в ускорение его собственного развития, но и устойчивый экономический рост всей Российской Федерации».

Итак, по-порядку. Начнём с Дальнего Востока. С недавних пор стало признаком хорошего тона смешивать единицы административно-территориального деления (субъекты РФ, федеральные округа) и пространственные экономические системы, то есть экономические районы. И это можно было бы понять, если бы имело место полное огосударствление экономики. Но этого, несмотря на доминирование государства в экономике современной России, всё-таки нет. Авторы Программы, тем не менее, фактически придерживаются принципа единства экономического районирования и административно-территориального деления¹. И коль так, то совершенно не важно, что такое Дальний Восток, в каких границах мы его рассматриваем в качестве объекта стратегирования. И не важно, с Забайкальем или без Забайкалья, с Якутией или без оной и т.д. В результате мы получаем Дальневосточный макрорегион как некий конгломерат экономик субъектов РФ, занимающий более 40% территории России².

Кстати, о какой региональной идентичности можно вести речь, когда имеешь дело с таким пространственным конгломератом? Как тут не вспомнить слова Л.В. Смирнягина: «идентичность как таковая обладает мощным потенциалом для сплачивания людей в устойчивые группы, объединённые общими системами ценностей, сходной реакцией на социальные процессы и единой волей к социальному действию. Она не раз становилась основой для мобилизации общественных сил, притом в целях как созидательных, так и разрушительных» [13, с. 24].

Дальний Восток, как он представлен в Программе, – конгломератное пространственное образование, отдельные части которого (субъекты РФ или группы смежных субъектов РФ) обладают не только различными экономическими интересами, но и различными условиями (природными, социальными, культуральными) ведения экономической деятельности. Это, конечно, не означает, что в отношении столь специфичного объекта невозможна разработка системных действий, то есть стратегии, но таковая обязательно должна учитывать специфику объекта регулятивного воздействия. А именно этого в предлагаемой Программе и нет.

Теперь о конкурентных преимуществах Дальнего Востока, которые могут быть конвертированы, по мысли авторов Программы, не только в ускоренный рост макрорегиона, но и в

¹ Впрочем, здесь они не оригинальны. Если мы обратимся к «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», обнаружим там то же самое.

² И это невольно наводит на мысль: а есть ли объективные основания разделять всю территорию РФ на макрорегионы? Может быть, есть территориальные образования, в пределах которых процессы районообразования могут лишь в отдалённом будущем привести к формированию пространственных экономических систем макроуровня, то есть экономических районов макроуровня. Скорее всего, прав Л.В. Смирнягин, когда в качестве первого этапа районирования ставит поиск ответа на вопрос о районируемости территории [14]. Попытки найти ответ на этот вопрос применительно к Дальнему Востоку привели автора данных строк к осознанию того факта, что экономические районы мезоуровня перемежаются лакунами. И чем дальше мы движемся на Север, тем лакуны всё больше [1].

устойчивый рост всей России. Как справедливо отметили П.А. Минакир и О.М. Прокапало, набор как позитивных, так и негативных факторов экономического развития Дальнего Востока давно и хорошо известен. Однако при этом остаётся открытым вопрос, почему «экономическое развитие региона неустойчиво в смысле чередования периодов относительного процветания и провалов темпов роста и уровня развития» [10, с. 146].

Искать в Программе ответа на этот вопрос не приходится, хотя бы в силу того, что её авторы вместо диагностики проблемы, понимания причин её возникновения (ретроспективный анализ) фактически свели всё к использованию SWOT-анализа (в его крайне упрощённой форме). Кстати, искать что-либо конкретное относительно конкурентных преимуществ Дальнего Востока и его отдельных субрегионов также не стоит: этого просто нет. Вместо этого есть данные о численности населения стран АТР, данные о расстоянии от Владивостока до Пекина, Сеула и Токио, упоминание о запасах отдельных видов минерально-сырьевых ресурсов. Кроме того, есть указание на то, что по территории Дальнего Востока проходят Транссиб и БАМ; оказывается, есть ещё и морские порты¹. Иначе говоря, вместо выявления источников конкурентоспособности, их локализации, оценки их устойчивости – двухстраничная справка, которая завершается следующей фразой: «Потенциал Дальнего Востока России огромен, и его роль в АТР будет возрастать с каждым годом».

Наконец, автор этих строк не мог пройти мимо раздела «Общие цели и направления социально-экономического развития Дальнего Востока России до 2025 г.». В этом разделе есть упоминание и о новой модели развития макрорегиона, и о том, что запущены новые механизмы развития Дальнего Востока, и об успехах в экономике, достигнутых благодаря запуску этих механизмов, и пр. Не стоит искать лишь обоснования системы целей Программы. Но есть прекрасная по лаконичности итоговая фраза: «...целями социально-экономического развития Дальнего Востока до 2025 г. являются: ускорение темпов экономического роста Дальнего Востока до 6% в год; повышение качества жизни на Дальнем Востоке до уровня выше среднероссийского».

Ну что тут скажешь? Есть только вопросы: А почему не 6,5% или ещё выше? А не напоминает ли достижение уровня, который выше среднероссийского, поиск средней температуры, причём не по палате, а по больнице в целом?

Заключение

После ознакомления с Программой вспомнились следующие слова Р. Румельта: «К сожалению, хорошая стратегия всегда была скорее исключением, нежели правилом...» [11, с. 16]. И причин тому немало, поэтому остановимся только на двух.

Первая – крайняя сложность самой задачи. Здесь уместно вспомнить М. Сторпера: «Не стоит надеяться, что какая-либо область научных знаний сможет дать исчерпывающие ответы на все вопросы, особенно в такой сложной сфере взаимодействия человека и технологий, как пространственная экономика. Только поставив во главу угла изучение изменений и их причин, то есть изучая города и регионы как авангард развития, можно расставить приоритеты» [16, с. 20]. К сожалению, понимание того, что развитие пространственных экономических систем – крайне сложное и многоаспектное явление, которое «не может быть объяснено с помощью одной научной дисциплины или теории» [16, с. 20], всё ещё не осознано в полной мере авторами Программы. Конечно, «...в вопросах государственной политики источником концепций отнюдь не всегда становится теория» [3, с. 223], но знать теорию всё-таки совсем не лишне.

¹ С чувством глубочайшего удивления узнал, что на Дальнем Востоке России развиваются крупнейшие промышленные центры в области автомобилестроения.

Вторая – рискну предположить, что имеет место профанирование самой идеи государственного стратегического регулирования регионального развития. И трудно не согласиться со следующим тезисом Р. Румельта: «...самое прискорбное, что «стратегия» стала настоящим словом-паразитом; многие бизнесмены, преподаватели и чиновники употребляют его сегодня и к месту, и не к месту» [11, с. 17].

У автора нет готовых решений, как преодолеть проблему профанирования самой идеи стратегии в сфере регионального развития. Скорее всего, это тот класс проблем, которые нельзя решить, но следует решать. Хотя бы уже в силу того, что «плохая стратегия – это нечто большее, нежели отсутствие хорошей стратегии. Она живёт своей жизнью и по своим логическим законам. Плохая стратегия – фальшивое сооружение, возведённое на фундаменте ошибочных суждений» [11, с. 21].

Список литературы

1. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5
2. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25
3. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знаний по имя всеобщего блага. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 472 с.
4. Минакир П.А. Исследование экономики Дальнего Востока. 1975–2000. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 912 с.
5. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4
6. Минакир П.А. «Программная» экономика: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2019. № 2. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007-016
7. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
8. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
9. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54
10. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 146–155.
11. Румельт Р. Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 448 с.
12. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
13. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
14. Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Общественная география: многообразие и единство. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 55–82.
15. Стиглер Дж.Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.

16. Сторпер М. Ключи от города: Как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018. 368 с.
17. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с.
18. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 1) // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 3. С. 48–60. DOI: 10.14530/reg.2016.3
19. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 63–74. DOI: 10.14530/reg.2016.3

References

1. Demyanenko A.N. On the Decomposition of Economic Space within Far Eastern Macroregion. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2018.2.5 (In Russian)
2. Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. Economic Space of the Russian Far East: Post-Crisis Dynamics and Economic Security. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 5. Pp. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25 (In Russian)
3. Mulgan G. *The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good*. Moscow, 2012. 472 p. (In Russian)
4. Minakir P.A. *Studies of the Economy of the Far East. 1975–2000*. Khabarovsk, 2017. 912 p. (In Russian)
5. Minakir P.A. «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4 (In Russian)
6. Minakir P.A. «Program» Economy: The Far East. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2019. No. 2. Pp. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007-016 (In Russian)
7. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
8. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk, 2014. 272 p. (In Russian)
9. Minakir P.A., Demyanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and Disintegration in Russia's Economic Space: Methodological Aspects. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2018. No. 4. Pp. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54 (In Russian)
10. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Far East-Priority: Combinations of Investment and Institutes. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2018. No. 2. Pp. 146–155. (In Russian)
11. Rumelt R. *Good Strategy, Bad Strategy: The Difference and Why It Matters*. Moscow, 2014. 448 p. (In Russian)
12. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
13. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)
14. Smirnyagin L.V. Regionalization of Society: Methods and Algorithms. In: *Social Geography: Diversity and Unity*. Moscow – Smolensk, 2011. Pp. 55–82. (In Russian)
15. Stigler G.J. *The Citizen and the State: Essays on Regulation*. Moscow, 2017. (In Russian)
16. Storper M. *Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development*. Moscow, 2018. 368 p. (In Russian)
17. *The Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2010. 560 p. (In Russian)

18. Shvetsov A.N., Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Destructive Stereotypes of Russian Strategic Planning and Their Possible Consequences for Practice of Regional Strategy Development (Part 1). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 3. Pp. 48–60. DOI: 10.14530/reg.2016.3 (In Russian)

19. Shvetsov A.N., Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Destructive Stereotypes of Russian Strategic Planning and Their Possible Consequences for Practice of Regional Strategy Development (Part 2): From the General to the Particular. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 6. Pp. 69–80. DOI: 10.14530/reg.2016.6 (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Несколько слов о проекте Национальной программы развития Дальнего Востока // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 5–12. DOI: [10.14530/reg.2019.3.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.5)

For citing:

Demyanenko A.N. A Few Words about the Draft of National Program for the Development of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 5–12. DOI: [10.14530/reg.2019.3.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.5) (In Russian)

**БЛЯХЕР
Леонид
Ефимович**

Доктор философских наук,
профессор, заведующий
кафедрой

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

**BLYAKHER
Leonid
Efimovich**

Doctor of philosophy,
professor, head of department
Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

Leonid743342@mail.ru

УДК 314.74

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ИНСТРУКЦИЯ
ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ, ИЛИ ЗАЧЕМ
РОССИИ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК**

В статье рассматривается влияние административных, политических и социальных мифов на постсоветские программы развития Дальневосточного макрорегиона. Делается попытка проведения деконструкции этих мифологических представлений с тем, чтобы ответить на несколько принципиально важных вопросов: что такое Дальний Восток? что значит развивать Дальний Восток? как это развитие может быть организовано?

Дальний Восток России, развитие, инструменты развития, социальные и политические мифы, деконструкция

**FAR EAST: INSTRUCTIONS FOR USE,
OR WHY DOES RUSSIA NEED
THE FAR EAST**

The article discusses the influence of administrative, political and social myths on the post-Soviet development programs of the Far Eastern region. An attempt is being made to deconstruct these mythological ideas in order to answer several crucial questions: What is the Far East? What does it mean to develop the Far East? How can this development be organized?

Russian Far East, development, development tools, social and political myths, deconstruction

**ОБИРИН
Александр
Иванович**

Кандидат социологических
наук, доцент

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

**OBIRIN
Aleksandr
Ivanovich**

Ph.D. in sociology, assistant
professor

Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

lazoobirin@mail.ru

Введение

Огромные средства государства и аффилированных с государством компаний, которые выделены или предполагается выделить на развитие Дальнего Востока, всё чаще ставят перед государственными деятелями, экспертами, да и просто жителями России вопрос: а что, собственно, хотелось бы получить в результате всех вложений? Вопрос совершенно не праздный.

Ответ в стиле «динамично развивающийся регион, интегрированный в экономику АТР» [15] представляет собой, скорее, уход от ответа, поскольку вызывает десятки новых вопросов. От самых банальных — что значит «динамично развивающийся регион»? как его развить? — до гораздо более сложных: а зачем России нужен регион, интегрированный в АТР? не окажется ли интеграция в АТР формой «ухода» Дальнего Востока от России? Собственно, с этими не поставленными, но вполне ощущаемыми вопросами, по всей вероятности, связаны постоянные подозрения всех значимых региональных акторов в «сепаратизме» [13].

В этом тексте мы постараемся обозначить некоторые более или менее внятные «инструкции по применению» для того территориального образования, которое носит имя «Дальний Восток», выявить проблемы, которые существуют в «использовании Дальнего Востока». Но всё же начнём мы с попытки ответить на вопрос: что же мы все вместе собрались развивать?

Кажется, что вопрос этот — совершенно спекулятивный и не особенно актуальный. Ведь совершенно понятно, что существуют федеральный округ и субъекты РФ, которые к нему относятся. Они занимают вполне определённую территорию, которую, собственно, и предполагается развивать. Но это административное понимание. Развивать же предполагается не отчётные показатели администраций регионального уровня или не только их, но реальную территорию с реками, тайгой, тундрой, полями и болотами. С каким-то и как-то проживающим здесь населением. Причём развивать так, чтобы это развитие «потянуло» за собой всю страну.

Как только мы переходим от административной логики к логике реальности, данной в ощущениях жителям макрорегиона или внешним наблюдателям, возникает вопрос: а есть ли такое единство, которое уместно наделить общим именем «Дальний Восток»? С этого вопроса мы и начнём свой анализ проблемы, обозначенной в названии первого раздела настоящей статьи.

Сколько и каких «Дальних Востоков»?

Кажется, вопрос о том, что такое Дальний Восток, настолько праздный, что достаточно отослать задавшего его к любому справочнику¹. Из справочника мы узнаём, что Дальний Восток – это макрорегион России, занимающий 36% её территории. И именно здесь сосредоточены огромные запасы природных ресурсов и полезных ископаемых [5, с. 387, 410]. Почти все месторождения алмазов в стране, 80% запасов олова, более 50% разведанных запасов золота, основные запасы редкоземельных металлов, более 10% от общероссийских запасов железа, свинца, цинка и т.д. Не отстают и природные запасы: это почти 35% запасов леса в стране, до 40% запасов рыбы и морепродуктов. И всё это – далеко не полный перечень богатств, хранящихся в «кладовых» региона.

При этом богатейший Дальний Восток России населяет всего 4,9% жителей страны (6,2 миллиона человек). Макрорегион является лидером по депопуляции в стране, потеряв за постсоветский период более 2 миллионов жителей. И тенденция к депопуляции сохраняется. Если просто продолжить линии графиков роста (сокращения) населения, то выходит совсем грустно. Прогнозируется сокращение населения к 2050 г. ещё на 42%, до уж совсем незначительных цифр в районе 3,5 миллиона человек [10].

Собственно, исходя из этих не особенно сложных представлений о макрорегионе, и формулировалась задача весь постсоветский период. Нужно как-то остановить отток, откуда-то взять (приманить, привезти) население, чтобы эти самые богатства использовать в хозяйстве, поставлять на мировые рынки, получать прибыль и пополнять бюджеты всех уровней. Иными словами, потенциальные богатства макрорегиона нужно как-то превратить в реальные доходы. Но если в программах по развитию макрорегиона периода 1990-х гг., да и начала текущего столетия, в силу отсутствия средств преобладали благие пожелания («развить, улучшить, освоить» и т.д.), то в следующий период средства появляются. В эту не столь сложную модель («ресурсный регион») вкладываются гигантские суммы.

Проблема в том, что отдача от этих вложений пока остаётся достаточно символической, существующей больше в отчётах министерств и региональных администраций, если не «отрицательной». Даже если предположить (а так, скорее всего, и есть), что речь не идёт о сиюминутной прибыли, ситуация с «отдачей» от вложений всё же выглядит странно. Уровень жизни растёт (по крайней мере, в отчётах), а население макрорегиона реагирует на внимание государства «ногами». Всё более откровенно проявляется «зазор» между макрорегионом, представленным на «днях Дальнего Востока» в Москве, и оценками своего положения жителями макрорегиона. Так, при инициативном опросе жителей Хабаровска готовность переехать из региона отметило более 39% респондентов². Протоколы о намерениях, подписанные под светом софитов, достаточно слабо перерастают в инвестиции, а готовность пятой части россиян ехать в «процветающий регион», отмеченная ВЦИОМом³, не перерастает в сколько-нибудь массовое переселение.

Всё сильнее ощущение, что «с этим Дальним Востоком что-то не так». Что? Попробуем порассуждать. Первое, что бросается в глаза человеку, изучающему макрорегион не только с помощью карт и отчётных показателей – «ловушка» административного деления. Всё, что писалось выше о богатствах макрорегиона – абсолютная правда. Но только если считать макрорегион чем-то единым и целостным. Этого-то и нет [8]. Есть в разной степени освоенные

¹ <http://www.dfo.gov.ru/district/>

² Опрос проводился группой исследователей из числа работников ТОГУ под руководством Л.Е. Бляхера в октябре 2016 г. Генеральная совокупность – население Хабаровска старше 18 лет. Выборочная совокупность – 540 респондентов. Тип выборки – территориальная.

³ <https://minvr.ru/press-center/news/13232/>

анклавы и зоны, не особенно тесно связанные между собой. Между ними – гигантское неосвоенное или почти неосвоенное пространство. Различия начинаются уже на уровне географического описания.

Географы выделяют три качественно различные в природно-климатическом отношении зоны Дальнего Востока: Северо-Восточная Сибирь, Амурско-Сахалинская страна и Севернотихоокеанская страна. Первая включает в себя северо-восточную часть Якутии, Чукотку, континентальную часть Магаданской области. Вторая – Амурскую область, южную часть Хабаровского края, Приморский край и остров Сахалин. Последняя область – северную часть Хабаровского края, прибрежную часть Магаданской области, Камчатку и Курильские острова [5]. Но отличия здесь далеко не только климатические или рельефные. Различаются «богатства» территорий, тип расселения. Различны обеспеченность транспортными артериями, плотность заселения, наличие крупных городов, образовательных центров, социальной инфраструктуры.

При этом внутрирегиональная коммуникация, транспортная сеть развиты крайне слабо. Более или менее прилично обеспечена коммуникация только на узкой полоске вдоль Транссиба и Амура. Здесь есть железная дорога, сеть автомобильных дорог, связывающая эти районы Дальнего Востока между собой и с прилегающими районами Китая. Есть речное судоходство, выходы к морю с не особенно мощными (но всё же) портами.

Остальная же часть ДФО связывается с большой землёй («материком» – по местному выражению) категорически недостаточно. Авиация, немногочисленные и далеко не полностью заасфальтированные автомобильные дороги, «зимники», летняя навигация по рекам и морям тихоокеанского побережья. Впрочем, и с этими видами связи не всё благополучно. В период весенней распутицы даже федеральные трассы в Якутии и Магаданской области становятся непроходимыми. Не радует и морское сообщение. Регулярное пассажирское сообщение отсутствует, перемещение грузов минимально (в основном в рамках «Северного завоза»). Крайне слабо развито сообщение внутри отдельных зон и субъектов РФ, сообщение континентального Севера и северной части тихоокеанского побережья Дальнего Востока с югом.

Если отдельно отметить (выделить) освоенные территории, то есть такие пространства, где есть население, социальная и транспортная инфраструктура, организовано управление и т.д., то гигантский Дальний Восток сожмётся до совсем небольшой территории, вполне сравнимой с территорией средних размеров европейского государства¹. Да и население окажется вполне сравнимым. Но и эти населённые анклавы распределены неравномерно. Если рассмотреть их распределение по территории макрорегиона, то отмеченные три зоны выделяются совершенно явно.

При этом будет неожиданно обнаружено, что там, где есть условия для жизни, деловой активности, где имеются кадры необходимой квалификации, уже почти не осталось тех самых богатств, о которых говорилось выше. Ведь именно их эксплуатировали уже более столетия. Именно разведанные запасы полезных ископаемых, лесные массивы, морские и речные биоресурсы, находящиеся в относительной близости от транспортных путей, были основой расцвета Приамурья и Приморья на рубеже XIX–XX вв. Они же обеспечили выживание территории в 1990-е гг., когда регион был брошен на произвол судьбы.

Сегодня оставшиеся достаточно обширные лесные массивы, за редким исключением, находятся совсем не там, где есть дороги, перерабатывающие предприятия, кадры. Полезные

¹ Подобная работа проделана авторами. В основу расчёта бралась средняя плотность населения в европейской части России (27 человек на квадратный километр). Оценка велась по данным муниципальных районов. Площадь – 92 800 км².

ископаемые в основной массе расположены там, где нет ни сколько-нибудь удобных дорог, ни трудовых ресурсов, ни условий для жизни. Богатейшие месторождения в районе им. Полины Осипенко (Кирби), которые некогда дали толчок к развитию золотодобычи в Приамурье [12], были выбраны ещё к середине прошлого века. Постепенно заканчиваются запасы золота в Николаевском районе Хабаровского края. Остаётся пока активной добыча золота в Амурской области. Но и там основные месторождения эксплуатируются уже почти 150 лет, а новые участки дают всё меньшее содержание драгоценного металла на тонну руды. На севере же Хабаровского края, в Магаданской области, где находятся месторождения с высоким содержанием металла, и с транспортом, и с кадрами, и с условиями жизни не всё хорошо. Вывозить добытый и обогащенный металл можно. А вот завезти всё необходимое для добычи и обработки, регулярно доставлять продовольствие, снаряжение и т.д. выходит очень дорого.

Строго говоря, речь идёт о трёх к настоящему времени не очень связанных между собой регионах, объединённых только административно.

Во-первых, это заселённая и освоенная полоска вдоль ДВЖД и Амура, где расположены крупнейшие города Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Находка, Уссурийск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск). Здесь имеется образовательная инфраструктура, способная подготовить кадры сколько угодно высокой квалификации, в том числе два крупнейших вуза региона – ДВФУ и ТОГУ. Есть в достаточном количестве трудовые ресурсы, социальная, транспортная инфраструктура и т.д. Именно здесь проживает почти 85% населения Дальнего Востока. Да, климатические условия здесь, конечно, хуже, чем на Канарах, но в целом не особенно сильно отличаются от средних характеристик по стране.

Здесь выходят основные СМИ региона, здесь проводятся международные форумы различной направленности, от экономических до музыкальных и спортивных. Эта часть Дальнего Востока чаще попадает в федеральную повестку. Именно эта часть, как правило, предстаёт перед приезжими из столиц. Здесь издержки на развитие и управление ниже всего в регионе. Тем более что ведущим направлением хозяйства территории начиная с 1930-х гг. был ВПК [7]. Соответственно, остались, пусть не в полном объёме, система управления и система воспроизводства кадров. Здесь же расположены наиболее плодородные земельные угодья, традиционно бывшие житницей Дальнего Востока (Амурская область, ЕАО, южная часть Приморского края).

В этой части макрорегиона есть удобные маршруты для взаимодействия с южными и восточными соседями (Северо-Восточная Азия). Но по размерам «природных богатств» эта территория не особенно отличается от любой другой территории страны. Есть месторождения чёрных и драгоценных металлов. Но они не особенно велики. Почти выбраны лесные богатства. Всё больше проблем с рыболовством на Амуре. Исключение – остров Сахалин с его нефтью и газом, рыбными богатствами. До недавнего времени – это наиболее благополучная территория макрорегиона. Впрочем, транспортная обеспеченность и здесь под вопросом (паромная переправа через Татарский пролив периодически закрывается по погодным условиям).

Иная картина в районе северного побережья Тихого океана и Охотского моря. Это зона не особенно часто расположенных освоенных анклавов. Их связь между собой и с «большой землёй» оставляет желать лучшего. Рыбные богатства, которыми щедро наделены эти места, с огромным трудом перемещаются не только в наиболее заселённую, европейскую часть страны, но и внутри макрорегиона. Не случайно в Хабаровске чаще можно увидеть на рыбных прилавках «белорусскую форель», а не рыбу с Камчатки или Сахалина. Контакты с крупнейшим портом региона – Владивостоком – не столь регулярны, как хотелось бы, для жителей север-

ных приморских территорий, да и РЖД, вынужденной гнать «порожняк» из портов Дальнего Востока вплоть до Иркутска. Развитие Северного Морского пути, который мог бы стать выходом для этой части Дальнего Востока, пока остаётся только «перспективным направлением» в силу объективных обстоятельств (стоимость строительства порта-хаба на Камчатке и в Мурманске, приобретение судов ледового класса и т.д.). Да и рассматривается оно больше в международном контексте, как способ привлечь часть грузопотока из глобальной экономики, нежели в плане развития северных территорий.

В целом, морские богатства (рыба, морепродукты и их переработка) вполне обеспечивают эти не особенно многочисленные по населённости анклавы, несмотря на огромную стоимость поддержания жизнеобеспечивающей инфраструктуры. Однако говорить всерьёз о значимости этих территорий для страны пока довольно сложно. Они остаются *потенциально* значимыми. Огромные издержки по поддержанию жизнеобеспечения, недостаточные мощности для переработки улова, сложная логистика – всё это существенно затрудняет развитие. Да и уровень жизни здесь, как правило, ниже, чем в южной части макрорегиона.

Идея развития туризма на Камчатке пока осложняется отсутствием достаточного числа гостиниц, слабой пропускной способностью аэропорта, слабым развитием дорожной сети полуострова, почти полным отсутствием досуговой инфраструктуры. Работы в этом направлении ведутся: начата реконструкция аэропорта, расширяется сеть дорог, гостиниц. Но к настоящему времени туризм ещё не стал значимым направлением экономики Камчатского края, несмотря на все красоты природных ландшафтов.

Существует, наконец, самая большая по территории, самая богатая по наличию полезных ископаемых и самая слабозаселённая часть Дальнего Востока. Это почти две трети пространства макрорегиона, она охватывает северную часть Хабаровского края, Магаданскую область, большую часть республики Саха (Якутия) и Чукотку. Именно здесь сосредоточены наиболее значимые запасы алмазов, золота, редкоземельных металлов, о которых говорят справочники. Но именно здесь меньше всего населения, отсутствуют или только строятся железнодорожные пути, в зачаточном состоянии находится сеть автомобильных дорог, крайне слабо развита социальная инфраструктура.

Климатические условия здесь действительно суровые. Поддержание элементарных условий для жизнедеятельности превращается на этой территории в сложнейшую проблему, фантастически удорожает себестоимость любой продукции. А если добавить сюда издержки завоза к месту добычи и обработки всего – от трудовых ресурсов до аппаратуры, инструментов, одежды и продовольствия, издержки контроля и транспортные издержки, то добыча только совсем ограниченного круга полезных ископаемых окажется рентабельной.

Не случайно многие золотоносные участки в Магаданской области с высоким содержанием металла на тонну руды остаются «замороженными». Разработка их с учётом завоза всего необходимого оказывается дороже, чем стоимость добытого золота. Связь между этой территорией и обжитой частью страны и даже южной частью Дальнего Востока не лучше, а порой и хуже, чем в прибрежных северных районах: авиация, летняя навигация по рекам, немногочисленные автомобильные дороги низкого качества, весной и осенью становящиеся непроходимыми. Даже трассы федерального значения не имеют асфальтового покрытия, отсутствуют мостовые переправы (зимние переправы по льду).

Таким образом, можно заключить, что Дальний Восток России представляет собой *три не особенно связанные между собой региона*, находящиеся в качественно различных условиях, обладающие разным набором проблем и разными механизмами их разрешения. Единая программа развития Дальнего Востока в условиях, когда единый Дальний Восток России

существует только в качестве административного образования, не особенно осмысленна. Точнее, смысл есть, но только бюрократический: так удобнее отдавать распоряжения и отчитываться.

Именно поэтому, видимо, понимание качественных внутрирегиональных различий исчезает (не полностью, но в очень большой мере), как только речь идёт о «программе развития Дальнего Востока»¹. Ведь административные решения принимаются относительно всего гигантского округа, «спускаются» на уровень субъектов РФ и там берутся к исполнению. Концептуализировать и воплотить в программе наличие «разных Дальних Востоков», расположенных часто в пространстве одного и того же субъекта РФ, пока не выходит.

Распространение же на весь макрорегион какой-то, пусть даже вполне осмысленной, программы делает её нереализуемой или, по крайней мере, крайне сложно реализуемой. Ведь расходятся не только интересы разных федеральных структур, обозначенных в качестве исполнителей в программе развития макрорегиона (скажем, интересы Минвостокразвития и РЖД). Есть различия в интересах Владивостока и Сахалина, собственные интересы есть и у рыболовов Камчатки и Николаевска-на-Амуре. Это создаёт существенные, труднопреодолимые проблемы, переносящие акценты с практических действий на сложнейшие аппаратные игры.

Пожалуй, наиболее остро это сказывается на программах переселения (привлечения населения) на территорию. Ещё с рубежа XX и XXI вв. предпринимались попытки «переселить соотечественников», привлечь переселенцев из европейской части страны, из бывших союзных республик, предоставить места для жительства и работы беженцам с Украины. Но примеров успешного переселения хватало только на картинки для СМИ. Абсолютные цифры упоминались редко, поскольку речь шла даже не о тысячах, а о сотнях людей.

Вполне понятно, что привлекаемые чаще всего поселялись или стремились переселиться туда, где уровень жизни выше, а комфорта больше, то есть в южную, обжитую часть Дальнего Востока. Но здесь особых проблем с постоянным населением нет. По крайней мере, не было до недавнего времени. Здесь хватает и квалифицированных специалистов, и просто работников. Более того, в условиях сворачивания малого бизнеса рабочие места становятся проблемой не только для приезжих, но и для местных жителей. Привлекаемые трудовые ресурсы здесь оказываются конкурентами местному населению. По мнению респондентов-дальневосточников², высказываемому на протяжении всего XXI в., переселенцы, особенно временные работники, способствуют снижению заработной платы в макрорегионе, ухудшению условий жизни. Это отмечалось респондентами применительно к сфере торговли и общепита, области ремонта и строительства, частного извоза и даже крупным предприятиям макрорегиона.

И не столь важно, истинно это мнение или ложно. Оно порождает определённое отношение населения к происходящему на Дальнем Востоке, рождает неприятие. Особенно там, где появляется возможность чётко провести грань между «мы» и «они». Поскольку основной массив переселенцев, пусть и временных, – выходцы из стран Центральной Азии (единственного региона, с которым у Дальнего Востока положительное сальдо миграции), возникает возможность проведения дифференциации по этническому признаку. Формируется то, чего не было на этой земле уже многие годы – межэтническая напряжённость. Это (но не только) становится причиной усиления миграционных настроений, да и самого оттока. К росту межэтнического напряжения здесь добавляется специфическая мифология, связанная с особенностями освоения этой территории в течение большей части двадцатого столетия.

¹ <http://government.ru/programs/232/events/>

² Материал в форме глубинных интервью с предпринимателями, государственными и муниципальными служащими, мигрантами (всего – 216 интервью) собирався с 2007 по 2016 гг.

Советский Дальний Восток и постсоветская мифология

В середине 1930-х гг. был принят военный план освоения макрорегиона. Причина достаточно очевидна. После ликвидации ДВР и массового оттока населения СССР получил огромные *пустые* территории. Причём не просто пустые, а лишённые какой-либо серьёзной защиты в условиях нарастания напряжённости в Восточной Азии. В результате сложилась достаточно специфическая структура населения макрорегиона. Наиболее привилегированная часть – военные. Вместе с семьями они составляли до 1/10 населения Дальнего Востока [14, с. 107], а на Камчатке и в Приморье – и того выше.

При всём том, что потребность в защите ощущалась явственно, содержать эту десятую часть для *пустого* региона было не просто. Это не только высокооплачиваемая часть населения, никак не участвующая в производстве товаров или иных общественных благ, но и территории, изъятые из хозяйственного использования, затруднение передвижений внутри макрорегиона. Так, вплоть до последних лет существования СССР для посещения значительной части Приморья, включая город Владивосток, Камчатку, Сахалин, ряда районов Амурской области требовалось особое, далеко не просто оформляемое разрешение. Огромные ресурсы, в том числе региональные, уходили на строительство военных городков, дорог к ним. В кратчайшие сроки военное освоение сделало регион убыточным, зависящим от завоза продуктов, сырья, финансов и т.д.

Ещё более крупную группу населения составляли работники ВПК – ведущей отрасли дальневосточного хозяйства, обслуживающей самый большой в стране Краснознаменный Дальневосточный военный округ. По экспертным оценкам, эта группа вместе с семьями составляла до 1/3 населения макрорегиона [14, с. 112–136]. Она тоже имела к хозяйству территории не самое прямое отношение. По крайней мере, к тому хозяйству, которое работало на самообеспечение макрорегиона. Соображения рентабельности здесь были гораздо менее существенными, чем соображения секретности, недоступности для всевозможных шпионов и диверсантов. В результате для многих заводов, находящихся в северных районах, завозилось всё: от сырья до трудовых ресурсов, от горючего до продовольствия. На кадровое обеспечение ВПК ориентировались прежде всего ВУЗы и ССУЗы региона.

Отдельное значимое направление – железная дорога. Здесь тоже рентабельность стояла отнюдь не на первом месте. Главное было – обеспечить поставку всего необходимого для армии и предприятий ВПК. Про богатства Севера тоже не забывалось. Но осваивал их на протяжении многих лет спецконтингент (заключённые), составлявший в 1930-е – 1950-е гг. 9–12% населения. Именно ему «выпала честь» обживать вечную мерзлоту, создавать условия для жизни будущих поколений «первопроходцев». Лесозаготовка и добыча металлов, строительство дорог и жилого фонда – всё это осуществлялось с помощью подневольного труда. До самого недавнего времени автомобили из Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре до портов Ванино и Советская Гавань шли по трассе, проложенной кандалыниками в XIX в. и расширенной заключёнными в XX в.

Позже спецконтингент сменили «корейские лесорубы» и вольные работники. Но рентабельности производству это не добавило. Пожалуй, наибольшее развитие из «мирных» направлений получило рыболовство – одна из традиционных отраслей экономики макрорегиона. Однако основная и, что важно, наиболее статусная группа населения была в минимальной степени связана с хозяйственной жизнью макрорегиона. Точнее, её деятельность определялась установками иного порядка: политическими и военными интересами.

Конечно, процесс этот не был столь линейным. Развитие ВПК привело к тому, что на Дальнем Востоке появились высококвалифицированные рабочие кадры, инженерный корпус

и формы его воспроизводства. В годы строительства БАМа – единственного, пожалуй, мега-проекта эпохи СССР, рассчитанного на хозяйственное освоение северной части Дальнего Востока, объединение макрорегиона в единый хозяйственный комплекс, – число работников, не связанных с ВПК, возрастает.

Но в целом именно армия и ВПК задавали тон. На них не экономили. Их издержки не считали. Региональные и «северные» надбавки, особое («московское») снабжение, почти полностью поступавшее в макрорегион извне, воспринимались как плата за защиту страны, за судьбу форпоста СССР в Восточной Азии. Самосознание форпоста компенсировало все неурядицы со снабжением, было основой самоидентификации населения.

Именно поэтому события начала 1990-х гг. (распад СССР, сворачивание ВПК, демилитаризация экономики) воспринимались в макрорегионе как катастрофа. Причём многими жителями – как личная катастрофа. Резко сократились поставки в макрорегион. Убыточность существовавшей модели хозяйства становится видимой. А смысл форпоста в условиях «нового мышления» становится весьма зыбким. Производства, после недолгой попытки конверсии, закрывались. Десятки и сотни тысяч работников уникальной квалификации оказывались без средств к существованию. Сокращались воинские части и пограничные заставы.

В этот период появляется первый постсоветский миф, общий для всего Дальнего Востока вне зависимости от локализации его носителей: «обида на Москву». С точки зрения среднего жителя макрорегиона, центр «бросил» дальневосточников, честно защищавших восточные рубежи страны. Столица забыла про свою крепость и её гарнизон, честно исполняющий свой долг перед Россией. Этот мотив проявляется на протяжении всех 1990-х гг. не только при интервьюировании, в опросах, но и в средствах массовой информации, в «кухонных» разговорах [1].

Начинается отток населения из макрорегиона. Причина проста и очевидна. Идеологический смысл пребывания в макрорегионе исчезает. Укоренённость постоянного населения остаётся достаточно низкой. Большая часть населения Дальнего Востока к моменту распада СССР прибыла сюда уже во взрослом возрасте, сохраняла связи с регионом «исхода». Соответственно, численность населения пыталась прийти в соответствие со способностью макрорегиона прокормить живущих здесь людей. Миграционные ожидания на тот момент были характерны, по ретроспективным экспертным оценкам, для 50–53% населения. Но уехало гораздо меньше. Просто не хватило сил и средств. Гиперинфляция начала 1990-х гг. уничтожила большую часть сбережений населения, сделанных в советский период.

На переезд решались те, кто загодя готовил себе «площадку» на «большой земле» (в основном – партийное и административное начальство макрорегиона, некоторые военнослужащие), или люди с сильной авантюристической жилкой¹. За период с 1991 по 1994 гг. такие составили менее 5% населения. Но в течение всего постсоветского периода процесс отъезда продолжался, лишь немного замедлившись в начале текущего столетия. К настоящему моменту макрорегион покинуло более 20% населения.

Оставшиеся были вынуждены приспосабливаться к новым условиям. Усиливается и внутрирегиональная миграция, которая протекает, будучи почти «невидимой» для официальной статистики. Север пустеет быстрее, чем юг, поскольку северяне переезжают в южную часть макрорегиона, частично компенсируя отъезд местных жителей. Это создаёт дополнительные проблемы для освоения (обживания) северных территорий.

Поскольку электоральный вес (единственный существенный на тот момент для власти параметр) Дальнего Востока в 1990-е гг. был пренебрежимо малым (да и сегодня он остаётся

¹ Судя по ретроспективным интервью, собранным в 1998–1999 гг. в рамках проекта «Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса».

таковым), то и траты на поддержание жизни в макрорегионе были соответствующими. Спасением оказались доступные и разведанные ресурсы (лес, рыба, полезные ископаемые и т.д.) и установившийся в кратчайшие сроки фактический режим «порто-франко». Региональные руководители, по сути, были силовыми операторами (в терминологии В. Волкова), отвечающими за безопасность этого режима [17].

При этом восприятие «хорошего» регионального руководителя строилось, исходя из мифа «обида». Хорош тот руководитель, который защищает свой регион от «Москвы». Любая попытка иного поведения однозначно квалифицировалась населением (речь идёт о периоде прямых выборов губернаторов) как предательство [17]. Уточним, что, несмотря на педалирование идеи ДВР, об отделении, сепаратизме речь не шла ни в одном из субъектов, ныне входящих в ДФО. Скорее, наоборот, это центр (столица) забыл о своих обязанностях перед Дальним Востоком, отделился от него. Наиболее остро этот момент проявлялся в середине 1990-х гг. Но отголоски его ощущаются и сегодня. Жители Дальнего Востока и хотят, и боятся «поверить Москве», некогда предавшей их.

Но, несмотря на «брошенность» и «оторванность» в 1990-е гг., макрорегион смог выжить. В этот период Дальний Восток полностью переориентировался на рынки соседей и трансграничную торговлю. Конечно, разные части макрорегиона участвовали в ней различно. Наибольшую активность проявляла именно южная часть. Это понятно. Ведь именно здесь были наиболее удобные транспортные коридоры на юг и восток. На тот момент оставались ещё лесные массивы, рыба, самое разнообразное сырьё, охотно покупавшееся в Китае, Корее, Японии. Неформальные связи на трансграничье возникали и в северной части океанского побережья.

Однако, несмотря на радикальную смену социально-экономических условий, исчезновение идеологии и самой страны под названием СССР, весь постсоветский период, особенно в 1990-е гг., число людей, продолжающих нести «форпостную» идентификацию, было достаточно велико. Например, при опросе 2011 г., проведённом в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке¹, доля респондентов, считающих оптимальным военный путь развития макрорегиона (регион-крепость, город-крепость), составила более 23%. Главным же противником на Дальнем Востоке большую часть послевоенной истории СССР был Китай. Появление китайских торговцев, а несколько позже – китайских рабочих (предпринимателей, студентов, художников и т.д.), воспринималось как личная катастрофа, утрата экзистенциального смысла. В её рамках рождается миф о «жёлтой угрозе» [2]. Понятно, что и он распределялся достаточно неравномерно. На севере, где число граждан КНР было пренебрежимо мало, о том, что Дальний Восток уже захватили китайцы, слышали, читали. Но не более. Соответственно, наиболее силён он был на территориях, наиболее тесно взаимодействующих с южным соседом: южные районы Приморья и Приамурья.

Правда, очень скоро этот миф обрёл характер политического инструмента в игре «кто из регионов сильнее напугает федеральный центр». С его помощью региональные руководители объясняли федеральному центру, почему он не должен лезть в дальневосточные дела: здесь все плохо и сложно и только имярек (губернатор) способен удержать ситуацию, защитить российскую землю от «жёлтой экспансии». Лишь на рубеже столетий миф этот перестаёт быть сколько-нибудь значимым конструктом для населения макрорегиона. В это время дальневосточники активно «обживают» Китай и шире – Юго-Восток. Если начало 1990-х гг. было периодом приграничной торговли, эпохой «челноков» и «кирпичей» (помощников, бесплатно провозящих

¹ Опрос проводился под руководством Л.Е. Бляхера в мае 2011 г. по территориальной выборке. Генеральная совокупность – население Владивостока старше 18 лет. Число опрошенных – 380 человек.

коммерческий груз как личный), то начало XXI в. стало временем туристов и предпринимателей, расширяющих привычный ареал пребывания за счёт южного Китая, Таиланда, Малайзии и Сингапура. Всё чаще заказы предприятий южной части макрорегиона размещались в китайских производственных центрах. Как отмечали респонденты-предприниматели в интервью, собранных в 2009 г., качество там выше, а цена – ниже [1].

Всё большее число молодых людей из дальневосточных субъектов РФ едет получать образование в Китай. Едут в Китай и, реже, в Корею, Японию учёные и инженеры, педагоги и художники, музыканты. Даже пенсионеры, жители Владивостока, Хабаровска и Благовещенска, сдав свои квартиры, переселяются в Поднебесную, где цены ниже, а климат и сервис лучше [3].

Китайские мигранты тоже меняются. Это уже не мелкооптовые торговцы, привычные с начала 1990-х гг., а средний бизнес, учёные, деятели культуры и т.д. Естественно, что в этих условиях миф о китайской опасности оттесняется уж совсем в маргинальные зоны. Как отмечается в интервью, многие активные жители южной части Дальнего Востока обладают кругом деловых и дружеских контактов в сопредельных странах. Это позволяет организовать рынок сбыта, минуя ограничения местных протекционистских законов, упростить общение с иностранной администрацией. Это даёт возможность получить через партнёра кредит с существенно более низкой процентной ставкой, получить заказ из Китая. Да можно просто съездить на отдых к приятелю. Возникает в сопредельных государствах достаточно многочисленная российская диаспора, многие из членов которой продолжают поддерживать контакты с региональными акторами.

Но тогда, когда в макрорегионе миф о «жёлтой опасности» постепенно сходит на нет, он неожиданно «возвращается» из столиц в виде научных и публицистических статей [16], настороженности силовых структур и убеждённости большей части населения России в существовании «миллионов китайцев на Дальнем Востоке и в Сибири». Он усиливает уснувший, но не исчезнувший миф среди местного населения. Теперь он обращён на китайских фермеров и туристов из КНР. Он не обретает того всеобъемлющего характера, который имел миф о «китайской угрозе» в начале 1990-х гг., но присутствует, осложняя торговые и культурные контакты с соседями.

Параллельно ему складывается альтернативная мифология в стиле «русский с китайцем братья на век». Из наличия общих геополитических интересов делаются далеко идущие экономические выводы. В Китае и дальневосточные деятели, и деятели федерального уровня готовы видеть спасителя, инвестора, друга и брата [4]. Избыточные надежды, основания для которых существуют только в сознании надеющихся, как правило, рушатся. Россия – далеко не основной торговый партнёр Китая даже в пространстве ОДКБ, не говоря уже о мировой торговле. Эта неоправданность надежд даёт новый импульс к мифостроительству в духе «китайской угрозы».

Отметим, что и прокитайский, и антикитайский мифы, активно присутствующие за пределами макрорегиона, на Дальнем Востоке имеют достаточно ограниченное хождение. Область их распространения охватывает силовые структуры (противодействие угрозе) и региональные администрации (надежда на привлечение инвестиций), некоторые маргинальные политические движения. Население, для которого Китай и его граждане стали уже привычными и «своими», относится к этой «борьбе» достаточно индифферентно. Дальневосточники работают или работали с китайскими контрагентами, понимают, что дружба и партнёрство – это разные вещи, не путают их.

Гораздо острее, во всяком случае, в Приморье, ЕАО, Амурской области, стоит проблема мигрантов из стран Центральной Азии. С одной стороны, выходцы из центрально-азиатских и

закавказских республик СССР присутствовали на советском Дальнем Востоке издавна, многие с периода 1950-х – 1960-х гг., когда эта территория была объектом «всесоюзного заселения», и были вполне укоренены в местном сообществе. Но завоз на стройки Дальнего Востока в период подготовки к саммиту АТЕС, на другие крупные стройки большого количества работников – выходцев из этих республик создал серьёзную проблему. Причём проблему скорее идеологическую, чем реальную¹. С точки зрения местных жителей, высказанной в интервью, взятых в 2016 г.², «нас решили вытеснить и заменить азиатами». Наличие большого (видимого) числа инокультурных переселенцев смыкается здесь с мифом «обида на Москву», усиливая этот миф.

Причина подобного явления отмечалась выше. Новые дальневосточники в лице выходцев из республик Центральной Азии предпочитают оставаться в более обжитой части макрорегиона, где оказываются конкурентами для местного населения. Северная же часть продолжает терять население, не только покидающее макрорегион, но и перемещающееся в южные районы Дальнего Востока. Не случайно в условиях продолжающегося сокращения населения макрорегиона города Хабаровск и Владивосток и их пригородные районы демонстрируют устойчивый рост.

Показательно и то, что, несмотря на сокращающееся население, руководители предприятий «сибирской», наименее обжитой части Дальнего Востока отмечают, что не испытывают сложностей с трудовыми ресурсами, в том числе с высококвалифицированными кадрами [11]. В случае необходимости эти кадры привлекаются по срочному (до полугода) контракту и по окончании работ покидают территорию. Это оказывается в целом выгоднее, чем привлечение стационарного работника с предоставлением жилья, выстраиванием социальной и досуговой инфраструктуры.

Несколько сложнее обстоят дела с кадрами в северных приморских территориях. Для осуществления текущей деятельности кадров вполне хватает. Рыболовная отрасль, рыбопереработка вполне могут довольствоваться существующим объёмом трудовых ресурсов. А существующая на этих территориях система воспроизводства кадров вполне справляется со своими задачами. Однако реализация больших проектов (развитие Севморпути, строительство порта на Камчатке, развитие туристического кластера и т.д.) с имеющимися трудовыми ресурсами выглядит достаточно проблематичной.

Но в связи с этой проблемой можно говорить и о мифе о Дальнем Востоке, который хоть и присутствует в макрорегионе, но главным образом живёт за его пределами, в столицах, точнее – в федеральных органах власти, так или иначе работающих на макрорегион: миф об острой необходимости переселения на Дальний Восток в силу его «обезлюдивания». Если для части дальневосточников этот миф является эмоциональной реакцией на отъезд близких людей или служит способом привлечения внимания и средств центра к макрорегиону, то его наличие в самих федеральных структурах выглядит достаточно странно, как и сами программы привлечения, переселения, заселения. Ведь, как отмечалось выше, особой потребности в трудовых ресурсах в виде постоянного населения в южной (обжитой) полосе просто нет. Возникающий время от времени недостаток в представителях массовых рабочих профессий удобнее компенсировать с помощью временных работников, не нуждающихся в развитой социальной и досуговой инфраструктуре, не создающих напряжение для уже существующей инфраструктуры.

¹ В реальности таких переселенцев, по экспертным оценкам, не более 30 тысяч человек.

² Интервью проводились при поддержке фонда «Хамовники» (проект «Предприниматели Дальнего Востока: стратегии выживания в условиях кризиса») в 2016–2017 гг.

Если это верно для южной полосы, то тем более верно для северных континентальных и прибрежных территорий. Ведь здесь каждый постоянный житель оказывается невероятно дорогим для местного и регионального бюджетов: датируется тепло, свет, газ, продукты питания и т.д. Казалось бы, просчитать и учесть эти факторы не так сложно. Но в том и состоит специфика мифа, что он полностью индифферентен к фактам или расчётам, подчиняется собственной логике [9]. В результате население продолжают привлекать либо туда, где оно не нужно, либо туда, где его содержание невероятно дорого стоит. Единственное, что может дать сегодня масштабное переселение на Дальний Восток (оставим в стороне вопрос о том, откуда оно будет переселяться), – это рост социальной напряжённости и удорожание и без того не дешёвых проектов развития макрорегиона.

Разные программы для разных Дальних Востоков России

Нельзя сказать, что различие между территориями, административно объединёнными в Дальний Восток, совсем уж ускользнуло от взгляда авторов многочисленных программ развития макрорегиона¹. Различия между территориями, входящими в ДФО, трудно не заметить. Что привело к возникновению двух концепций развития.

Первая – концепция *транзитного региона*. Она предполагает, что южная часть Дальнего Востока, по которой проходит Транссиб с выходом на КВЖД, где расположен порт Владивосток, где создаётся система трубопроводов, где есть кадры соответствующей квалификации, должна стать для России «коридором и окном» в АТР. Через неё продукция, производимая в Европе, в западной части России, добытая в Сибири и северной части макрорегиона, потечёт в стремительно развивающиеся страны Северной и Юго-Восточной Азии.

Соответственно, для северной части Дальнего Востока создаётся иной бренд – *ресурсный регион*. Сырьё (ресурсы) должны там добываться (кем-то, как-то) и транспортироваться через транзитную территорию к потребителям внутри страны и в сопредельные государства. Но для этого должны быть качественно улучшены условия внутрирегиональных сообщений. В противном случае богатства этой части Дальнего Востока так и останутся «стратегическим резервом». Ведь в сложившихся условиях транспортировка всего, необходимого для их добычи, даже при организации работ вахтовым способом или частично вахтовым способом, на порядки увеличит себестоимость продукции, сделает многие виды деятельности убыточными.

Именно поэтому сегодня выделяются средства на строительство железнодорожной ветки до Якутска, на строительство моста через Лену, реконструкцию трассы «Колыма» от Якутска до Магадана. Будучи в настоящее время и в ближайшей перспективе не выгодной для РЖД, последняя станет дорогой к богатству, которое пока существует только в планах и данных геологоразведочных экспедиций. Более того, наличие железнодорожной ветки и автомобильной (круглогодичной, всепогодной) трассы и реконструкция порта Магадан создадут тот объём товаров, с которым Россия может выйти в пространство Северо-Восточной Азии, в пространство АТР не в качестве сателлита, но в качестве одного из важнейших игроков.

Как правило, когда речь идёт о развитии инвестиционной экономики и факторах её возникновения, говорят об особо льготных условиях ведения бизнеса (минимальное налогообложение, отсутствие контроля и т.д.) или о дешёвых трудовых ресурсах. Исходя из этой идеи, по всей вероятности, выстраивались программа TOP (ТОСЭР) и проект «Свободный

¹ <http://government.ru/rugovclassifier/50/events/>

порт Владивосток». Но есть ещё один фактор. И в случае наличия удобных и дешёвых путей доставки трудовых ресурсов и оборудования на север именно он может оказаться решающим. Это фактор уникальности продукта. Именно такого рода продукция (полезные ископаемые) находится в северной континентальной части Дальнего Востока. Безусловно, усилия по облегчению налогового режима и снижению бюрократических барьеров можно только приветствовать. Но в случае транспортной доступности, ещё раз подчеркнём, определяющими будут не они. Просто доходы от эксплуатации северных месторождений драгоценных и редкоземельных металлов, драгоценных камней и т.д. будут столь велики, что сами по себе будут привлекать инвесторов.

Осознаётся и необходимость качественного улучшения связи макрорегиона с западной частью России. В противном случае интеграция в АТР – а иного пути для выживания и развития у Дальнего Востока просто нет – объективно вызовет постепенное отдаление макрорегиона от основной территории страны. Более того, важно учесть, что какое-то, не очень малое время именно с западной части страны будут поступать приборы и оборудование, трудовые ресурсы (даже в варианте вахтовиков) и строительные материалы. Развитие коммуникации с европейской частью страны и Сибирью, сегодня отнюдь не беспроблемными, тоже будет способствовать росту добычи полезных ископаемых, удешевлению их добычи. Напомним: в начале XX в. одной из наиболее успешных форм помощи золотопромышленникам макрорегиона со стороны государства было дотирование провоза законтрактованных (нанятых) в европейской части России рабочих. Возможно, через какой-то промежуток времени в качестве базы для вахтовых работников получится использовать южную часть Дальнего Востока. Но это произойдёт явно не завтра.

Совершенно рациональна и модель развития южной части макрорегиона в качестве транзитной территории. Именно так, благодаря тесным контактам с сопредельными странами, выжило население этой территории в 1990-е гг. Но здесь есть несколько нюансов, которые следует отметить. Первый из них – Транссиб. Пропускная способность Транссиба такова, что при возрастании объёмов перевозок (а иначе что же это за транзитная территория?) железная дорога просто блокируется. В результате рвётся та самая тонкая нитка, которая связывает Дальний Восток с основной частью страны. Это случалось не раз в период первой и второй мировых войн, когда значение Владивостока, как и объём грузов, которые шли через восточные ворота страны, резко возрастали¹.

Чтобы компенсировать эту угрозу, уже в 2014 г. был запущен проект реконструкции БАМа и Транссиба². На реконструкцию, увеличение пропускной способности Транссиба направлены значительные ресурсы (до 110 миллиардов рублей только из бюджетных источников, всего – 560 миллиардов). Предполагалось, что в результате реконструкции пропускная способность магистрали в направлении дальневосточных портов возрастёт в два раза (до 124,4 млн т). Однако сегодня работы замедлены³.

Причины видят самые разные: от неумелого менеджмента, нехватки кадров и сокращения финансирования до коррупции. Но, как представляется, причина нежелания железнодорожников торопиться – существенно более прозаическая. Пропускная способность дальневосточных портов делает существенное увеличение пропускной способности Транссиба в настоящее время не особенно осмысленным. Рекордные значения, достигнутые крупнейшим портом – Владивостоком, составляют 7,5 млн т⁴. Планы реконструкции портового комплекса в

¹ См., например, [6, с. 319].

² <https://rg.ru/2014/11/11/transsib.html>

³ <https://www.eastrussia.ru/material/tarif-urezanny/>

⁴ <http://vmtp.ru/press-tsentr/item/702-vmtp-ustanovil-istoricheskiy-rekord-po-itogam-pervogo-kvartala-2018-goda>

Ванино и Советской Гавани (портов БАМа) пока остаются планами. В сравнении с не самым крупным, хотя и близко расположенным портом Далянь, замыкающим КВЖД, дальневосточные порты выглядят крайне скромно (грузооборот – порядка 300 млн т)¹. Иными словами, дальневосточные порты просто не смогут переработать возросший в связи с реконструкцией Транссиба и БАМа объём грузов. Правда, значительная часть грузов, направляющихся сегодня на Дальний Восток, адресована не портам, а городам на Транссибе, в XXI в. вновь ставшими активными получателями ресурсов, станков и механизмов, продовольствия и многого другого из западных регионов и Сибири. Однако качественное возрастание пропускной способности Транссиба сегодня может оказаться избыточным. Точнее, оно оказывается рассчитанным на далёкую перспективу.

Но в текущих условиях это сулит серьёзные трудности, по крайней мере, для РЖД. Уже не первый год существует проблема возвратного движения «пустых» составов с Дальнего Востока на запад. Объём грузоперевозок с Дальнего Востока в настоящее время существенно меньше, чем в направлении дальневосточных портов. Ещё острее эта проблема встанет в случае расширения БАМа, доведения железнодорожной ветки до Якутска (строится) и далее. Ведь на север будут идти крупногабаритные грузы, необходимые для освоения богатых недр. Обратно же будут двигаться (если будут – проще и быстрее использовать самолёты) добытые металлы и драгоценные камни, гораздо меньшие по размеру, хотя и на много порядков более дорогие.

Значит ли это, что транзитная территория – мёртворожденный проект? Конечно, нет. Другой вопрос, что быстро это сделать не выходит. Но ведь «быстро», как правило, ничего хорошо не выходит. Прежде чем заложенный Петром Великим город был воспет Пушкиным, «прошло сто лет». Сколь грандиозно не выглядели бы проекты обустройства востока России, это проекты на будущее. Если продолжить сравнение с Петербургом, то это ещё не «полночных стран краса и диво», хотя уже и не «дикий край».

Заключение

Конечно, до глобального центра мировой торговли югу Дальнего Востока далеко. Для этого нужно связать транспортными артериями север и юг макрорегиона, увеличить число автострад, железнодорожных ответвлений, мостов в сопредельные провинции Китая, в разы расширить порты во Владивостоке, Находке, Советской Гавани, Ванино. Выстроить порт – ворота Севморпути на Камчатке. Нужно существенно интенсифицировать морское сообщение между северным тихоокеанским побережьем и портами южной части Дальнего Востока. И не только в инженерно-технических и транспортных инновациях дело. Не одно столетие Россия привыкала смотреть на Европу в качестве основного ориентира развития, осваивала формы взаимодействия, принятые здесь. Внутри страны создавалась смысловая наполненность пространства в западной части страны и пустота на восточных землях.

Понятно, что речь не идёт о забвении Россией своей европейской истории. Речь идёт об осознании народом своего евразийского смысла, изменении ментальности. А вместе с ними – об иных, несколько отличных от европейских способах вести дела, выстраивать отношения и т.д. Всё это – дела гигантские и не быстрые, не на одно десятилетие. Прорубить не окно, а ворота на Восток, которые сегодня России нужны не меньше, а, может быть, и больше, чем ворота на Запад – задача грандиозная и непростая. Пусть не сто лет, но десятилетия понадобятся.

¹ <https://www.west-asia.com/dalyan-torgovyy-port-v-kitae/>

Но и сегодня уже сделанные вложения могут начать возвращаться. Стоит только не наслаждаться видами будущего величия, а выстраивать связи, исходя из наличного положения дел. Да, России пока трудно выстраивать отношения с Китаем как целым и единым образованием. Но он таковым и не является. Северный Китай – особое образование, намертво пристёгнутое к России с помощью КВЖД. В Европе межгосударственные контакты предшествуют разнообразным хозяйственным связям, интенсифицируют их. В российско-китайском трансграничье, на просторах «восточного Средиземноморья», от Японского до Восточно-Китайского морей, межгосударственные переговоры закрепляют уже сложившееся положение дел или разрешают возникшие недоразумения. Сами же отношения строятся на основе межличностных контактов. Отсутствие или слабость таких контактов, не возникающих на форумах (здесь лишь поддерживают уже сложившиеся связи), но в иных, бытовых и неконкурентных пространствах, существенно снижает конкурентоспособность.

И здесь местное население может сыграть свою роль. Дело в том, что бизнес 1990-х гг. в макрорегионе как раз строился на основе таких межличностных связей, поскольку поддержки государства в тот момент ждать не приходилось. Не только дальневосточники привыкли к реалиям сопредельных стран, выучили языки этих стран, но и эти страны привыкли к ним. Здесь существует то самое межличностное доверие, в разных сферах, разного уровня, но существует. Немалое число дальневосточников сегодня живёт в странах СВА или ЮВА. Они практически натурализовались в этих странах, развивают бизнес. При интервьюировании многие отметили, что переезд был связан с «тем, что я не понимаю, для чего живу на Дальнем Востоке». Это же отмечают и многие респонденты, проживающие в макрорегионе.

В современной ситуации именно эти люди могут выполнить традиционную функцию жителей фронта по отношению к метрополии: быть проводниками в неведомые земли. Их проекты будут не столь масштабными, как заключаемые сегодня «протоколы о намерениях». Но они будут реализовываться, приносить прибыль уже сейчас. При этом каждый новый проект станет тропинкой для российского бизнеса в пространство восточного мира, пространство СВА. «Проводники» из опыта прошлого, самостоятельного плаванья в этих водах, путешествия по этим местам знают, как обойти недружественные законы, наладить контакты, решить проблему. Их опыт – продукт многих лет работы, сотен ошибок. Этот опыт и может быть использован.

Но для того, чтобы следопыт повёл майора к лагерю индейцев, майор должен заинтересовать следопыта. Ну, или хотя бы объяснить ему, зачем это нужно делать. На сегодня принимаются многочисленные и не вполне понятные как для жителей Дальнего Востока, так и для жителей России попытки «создания позитивного имиджа региона». При этом отсутствует сколько-нибудь развёрнутая модель как транзитного, так и ресурсного региона. Не возникает общей картины всех предпринимаемых действий, не возникает образа будущего, к которому должно привести развитие.

Сегодня одним из условий воплощения Восточной, а точнее – Евразийской России, является создание образа целого, целостного проекта, где каждый элемент будет не только преобразовываться в систему заданий для того или другого профильного министерства, но вписываться в целостную, насыщенную и интеллектуально, и эмоционально картину. И дальневосточник, и житель Сибири, и житель зауральской территории России должен понимать, для чего нужны мосты, дороги, рельсы на Дальнем Востоке. Почему там бизнес и люди бизнеса должны быть защищены лучше, чем где-либо в стране, какую важную функцию они выполняют.

Список литературы

1. Бляхер Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
2. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 28–39. DOI: 10.17976/jpps/2004.05.04
3. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Полития. 2015. № 1. С. 24–38. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-24-38
4. Воробьева И. Российско-китайская весна // Прямые инвестиции. 2013. № 6. С. 12–15.
5. Гвоздецкий Н.А., Михайлов И.И. Физическая география СССР. Азиатская часть. М.: Мысль, 1978. 512 с.
6. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
7. Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 116–125.
8. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
10. Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1. С. 25–33.
11. Панова Е.А., Опарина Н.Н., Андрюшина Е.В. Состояние трудовых ресурсов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации в 2014–2015 годах: зоны рисков и возможностей // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 60. С. 153–177.
12. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
13. Серенко А. Новый русский сепаратизм. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-03-25/3_kartblansh.html (дата обращения: 20.05.2019).
14. Ткачева Г.А. Территориальное перемещение населения в 1920–1950 гг. // Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 106–143.
15. Туманов Е.С., Равнянский А.К., Антонова А.И. Проблемы интеграции Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Дискуссия. 2016. № 2. С. 61–70.
16. Храмчихин А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. Москва: Ключ-С, 2015. 191 с.
17. Bliakher L. The Regional Barons // Russian Politics and Law. 2013. Vol. 51. № 4. Pp. 30–39.

References

1. Blyakher L.E. *The Art of Uncontrollable Life. Far East*. Moscow, 2014. 208 p. (In Russian)
2. Blyakher L.Ye. Political Myths of the Far East. Polis. *Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2004. No. 5. Pp. 28–39. DOI: 10.17976/jpps/2004.05.04 (In Russian)
3. Bliakher L.E., Grigorichev K.V. Gazing at Mirrors: Semantic Transformations of Image of China in Russian Society. *Politiya* [Politeia]. 2015. No. 1. Pp. 24–38. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-24-38 (In Russian)
4. Vorob'eva I. Russian–Chinese Spring. *Pryamye investitsii* [Direct Investments]. 2013. No. 6. Pp. 12–15. (In Russian)
5. Gvozdetskiy N.A., Mikhaylov I.I. *Physical Geography of USSR. Asian Part*. Moscow, 1978. 412 p. (In Russian)

6. *History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (XVII Century – February 1917)*. Moscow, 1990. 471 p. (In Russian)
7. Kolesnichenko K.Yu. The Military Factor in Development of the Russian Far East (On an Example of Primorski Territory). Oykumena. *Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches]. 2012. № 3. Pp. 116–125. (In Russian)
8. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk, 2014. 272 p. (In Russian)
9. Moscovici S. *Machine for Making Gods*. Moscow, 1998. 560 p. (In Russian)
10. Motrich E.L. Demographic Situation in the Russian Far East: The Key Trends and Challenges. *Narodonaselenie* [Population]. 2016. No. 1. Pp. 25–33. (In Russian)
11. Panova E.A., Oparina N.N., Andryushina E.V. Labor Resources of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation in 2014–2015: Areas of Risks and Opportunities. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. E-journal]. 2017. No. 60. Pp. 153–177. (In Russian)
12. Remnev A.V. *Russia of the Far East. The Imperial Geography of Power of the XIX – Early XX Centuries*. Omsk, 2004. 552 p. (In Russian)
13. Serenko A. *New Russian Separatism*. Available at: http://www.ng.ru/politics/2009-03-25/3_kartblansh.html (accessed 20 May 2019). (In Russian)
14. Tkacheva G.A. Territorial Movement of the Population in 1920–1950. In: *Migrations of the Population of Asiatic Russia: The End of the XIX – the Beginning of the XXI Centuries*. Novosibirsk, 2011. Pp. 106–143. (In Russian)
15. Tumanov E.S., Ravnyansky A.K., Antonova A.I. Integration Problems of Russian Far East to the Countries of Asia and Pacific Region. *Diskussiya* [Discussion]. 2016. No. 2. Pp. 61–70. (In Russian)
16. Khranchikhin A. *Dragon Woke Up?: China's Internal Problems as a Source of Chinese Threat to Russia*. Moscow, 2015. 191 p. (In Russian)
17. Bliakher L. The Regional Barons. *Russian Politics and Law*. 2013. Vol. 51. No. 4. Pp. 30–39.

■ ■ ■
Для цитирования:

Бляхер Л.Е., Обирин А.И. Дальний Восток: инструкция по использованию, или Зачем России Дальний Восток // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 13–30. DOI: [10.14530/reg.2019.3.13](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.13)

For citing:

Blyakher L.E., Obirin A.I. Far East: Instructions for Use, or Why Does Russia Need the Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 13–30. DOI: [10.14530/reg.2019.3.13](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.13) (In Russian)

АНТОНОВА**Наталья
Евгеньевна**Доктор экономических наук,
главный научный сотрудникИнститут экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042**ANTONOVA****Natalia
Evgenyevna**Doctor of economics, chief
researcherEconomic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042antonova@ecrin.ru

УДК 332.13 + 330.15

**ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА ЛЕСНОГО
КОМПЛЕКСА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ**

На основе сопоставления показателей темпов роста, структурных сдвигов и индекса качества экспорта в лесных комплексах двух приграничных регионов проанализированы основные тренды в производстве и экспорте лесопромышленной продукции с выделением трёх периодов. Сделан вывод о том, что при институциональных воздействиях происходило наращивание количественных показателей переработанного сырья, но показатели качества значительной части получаемой продукции при этом оставались на низком уровне, поскольку не стимулировались спросовыми предпочтениями зарубежных потребителей.

Лесной комплекс, приграничные регионы, показатели качества экспорта, структурные сдвиги, ДФО, Китай

**OPPORTUNITIES FOR DEVELOPMENT
OF NON-ROW EXPORT IN THE FOREST
COMPLEX OF BORDER AREAS**

The main trends in production and export of timber industry products with allocation of three periods are analyzed on the basis of comparison of indicators of growth rates, structural shifts and the index of quality of export in forest complexes of two border regions. The conclusion is drawn that at institutional influences there was a growth of quantitative indices of the processed raw materials, but indicators of quality of a considerable part of the finished products at the same time remained at a low level as were not stimulated with demand preferences of foreign consumers.

Forest complex, border regions, indicators of quality of export, structural shifts, FEFD, China

Введение

Одна из констант развития экономики Дальнего Востока – ориентация на торгово-инвестиционное сотрудничество с сопредельными странами [8]. Производители в каждой отрасли имеют свои наработанные связи с зарубежными партнёрами. Как правило, это устоявшиеся сырьевые цепочки, выстроенные на природных ресурсах – второй константы развития экономики Дальнего Востока. Периодически государство пытается эти цепочки как-то модифицировать, используя различные инструменты государственного регулирования с целью повысить отдачу от сырьевых ресурсов.

Один из таких инструментов, вновь «поднимаемых на щит», – это национальные проекты, среди которых проект «Международная кооперация и экспорт». К его ключевым целям относятся увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте страны¹.

Для лесопромышленного комплекса России за время реализации проекта (с октября 2018 по 2024 гг.) намечено увеличить объём экспорта продукции переработки в 1,8 раза (с 9,5 до 17 млрд долларов). Все субъекты РФ, в том числе дальневосточные, для реализации национального проекта обязаны разработать региональные проекты по увеличению экспорта продукции переработки.

Лесной комплекс Дальнего Востока на протяжении всей истории своего становления и развития испытывает на себе влияние со стороны стран Северо-Восточной Азии, в последние годы в основном Китая. Наибольшее влияние в формировании продуктовой структуры спроса и уровня экспортных цен оказывается на регионы, граничащие с Китаем, в котором много лет востребованным оставалось в основном сырьё. Тем не менее, проводимая федеральным центром в середине 2000-х гг. политика по увеличению производства и экспорта продукции переработки оказала в определённой мере влияние на снижение сырьевого и увеличение несырьевого экспорта. Но во многом эти изменения явились не реальной трансформацией продуктовой структуры в лесном комплексе, а лишь «статистическими играми в показатели», что будет подробнее рассмотрено в статье.

И вот снова поставлена задача: нарастить почти в 2 раза объёмы экспорта продукции переработки в лесном комплексе ДФО за шесть лет. В основном эта задача ляжет на всё те же приграничные регионы. Возникает вопрос: насколько она является реальной, исходя из так называемого предыдущего пути развития или «эффекта колеи»? Не является ли новый императив по увеличению экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью очередным случаем «провала» государства в плане возможных последствий от вновь принятого правила?

Целью статьи является рассмотрение долгосрочных тенденций развития лесного комплекса в приграничных регионах Дальнего Востока с учётом влияния конъюнктуры рынка и институциональных воздействий, что позволит дать ответы на поставленные вопросы.

Методический подход

Прежде всего необходимо обозначить объект исследования. При наличии достаточных лесных ресурсов на Дальнем Востоке (особенно в его северной части, имеющей низкую инфраструктурную освоенность) наиболее востребованы эти ресурсы в экономически развитой южной части макрорегиона – Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Еврейской ав-

¹ <http://government.ru/news/35675/>

тономной областях. По этим территориям проходят основные транспортные пути, они имеют приграничное расположение, что во многом определяет концентрацию в них лесопромышленного производства макрорегиона, ориентированного на экспорт продукции в Северо-Восточную Азию. Основными лесопромышленными территориями были и остаются Хабаровский и Приморский края, причём за последние годы их вклад в лесопромышленное производство Дальнего Востока увеличился (рис. 1).

Рис. 1. Вклад территорий в лесопромышленное производство
Дальневосточного федерального округа в 2000–2017 гг., %

Источники: рассчитано по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2010–2017 гг., http://www.multistat.ru/?menu_id=93100160

Вышесказанное даёт основание ограничиться рассмотрением Хабаровского и Приморского краёв как базовых для дальневосточного лесного комплекса и формирующих более 80% лесопромышленного производства и лесного экспорта Дальнего Востока.

Период с 2000 по 2017 гг. был выбран как наиболее динамичный в развитии лесного комплекса Дальнего Востока. Но это развитие происходило неравномерно в силу влияния различных факторов (экономических, институциональных, спросовых, структурных, технологических).

Поэтому целесообразным подходом является выделение нескольких периодов, имеющих точки перелома, исходя из влияния регулирующих воздействий и спросовых факторов:

- 1) 2000–2007 гг. – благоприятные условия для экспорта;
- 2) 2008–2013 гг. – ужесточение таможенного регулирования, стимулирование развития деревопереработки, мировой кризис, усиление позиций КНР;
- 3) 2014–2017 гг. – увеличение господдержки перерабатывающих предприятий, восстановление внешнего спроса, улучшение условий экспорта из-за девальвации рубля.

В пределах каждого периода в качестве анализируемых использованы следующие показатели:

- 1). Динамика темпов роста продукции лесозаготовки и переработки, рассчитанная на основе данных государственной статистики о физических объёмах производства продукции деревопереработки и лесозаготовки.

2). Показатель структурных сдвигов, вариация которого может отражать результат влияния тех или иных факторов [6]. Использован показатель относительных структурных сдвигов с переменной базой сравнения [5], позволяющий отразить изменение во времени исследуемого показателя. Для отражения ежегодной динамики процессов в изменении продуктовой структуры лесного комплекса использован показатель «степень использования древесины» [1].

Относительный показатель структурных сдвигов при этом будет выглядеть следующим образом:

$$I_{it}^{TUD} = P_{it}^{TUD} / P_{it-1}^{TUD}, \quad (1)$$

где I_{it}^{TUD} – показатель структурного сдвига в лесном комплексе i -го субъекта Федерации по степени использования древесины ($i = 1, 2$, где 1 – Хабаровский край, 2 – Приморский край). P_{it}^{TUD} – значение показателя степени использования древесины в годах t и $t-1$ в i -ом субъекте РФ $i = 1..7$. Если I_{it}^{TUD} больше, чем его значение в предыдущий год, то структурный сдвиг положительный, если меньше – сдвиг отрицательный.

3. Динамика индекса качества экспорта, который отражает соотношение долей экспорта продукции переработки и сырья, производимых в отрасли [10].

О.С. Сухарев интерпретирует соотношение показателей объёмов обработанного и сырьевого экспорта для определённого сектора как показатель структурной (сырьевой) независимости сектора и выделяет три режима функционирования сектора – сырьевой, несырьевой и промежуточный [11]. Для отражения перехода к несырьевому режиму показатель структурной независимости должен стремиться к максимуму. Чем выше этот показатель, тем лучше качество структуры экспорта.

Рассматривались два вида лесопромышленной продукции – необработанная древесина и пиломатериалы, поскольку только эти виды продукции выпускались и экспортировались на всём протяжении исследуемого периода, что позволило построить по ним статистические ряды. Производство и экспорт остальных видов продукции (древесно-стружечные плиты, древесно-волоконные плиты, шпон, технологическая щепка) были непостоянными, а их доля по сравнению с пиломатериалами была незначительной. К настоящему времени можно отметить как устойчивую тенденцию наличие в списке экспортных товаров только шпона – в Приморском крае с 2010 г., в Хабаровском крае – с 2015 г.

Результаты исследования

Активизация процессов в лесном комплексе Дальнего Востока приходится на начало 2000-х гг., что было связано с ростом спроса на его продукцию на внешнем рынке и девальвацией рубля во время дефолта в России.

В период с 2000 по 2007 гг. произошла ещё бóльшая концентрация производства в южной части Дальнего Востока, прежде всего в Хабаровском и Приморском краях, в их наиболее освоенных районах, примыкающих к транспортным путям, имеющим выходы к внешним рынкам. Лесопользователи этих территорий имели налаженные связи с постоянными иностранными партнёрами, в основном японскими.

Темпы роста производства основных видов продукции, как в Приморском, так и в Хабаровском краях, несмотря на их неустойчивость, не имели отрицательных величин (рис. 2). Производство необработанной древесины в целом за этот период выросло в Хабаровском крае в 1,5 раза, в Приморском крае – в 2 раза; пиломатериалов соответственно в Хабаровском крае – в 2,9 раза, в Приморском крае – в 2,3 раза.

Рис. 2. Темпы роста производства лесопромышленной продукции в южной зоне Дальнего Востока

Источники: рассчитано автором на основе базы данных ИЭИ ДВО РАН, статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2018 г., http://www.multistat.ru/?menu_id=93100160

Такая высокая величина показателя роста производства пиломатериалов в Хабаровском крае объясняется попыткой региональных властей в начале 2000-х гг. стимулировать предприятия к выпуску продукции переработки путём установления заданий арендаторам переработать определённый процент заготовленной древесины. В качестве стимулов применялось дифференцированное с учётом доли переработки снижение надбавок к минимальным ставкам платы за древесину [2]. Эти регулирующие мероприятия были признаны не соответствующими федеральному законодательству и отменены, тем не менее, кратковременная отдача от них была.

Индексы структурного сдвига лесопромышленного производства в Хабаровском крае имели точку перелома в 2004 г., после которого начался некоторый спад величины показателя (рис. 3). Это как раз объясняется замедлением темпов роста производства пиломатериалов в крае после 2004 г.

В Приморском крае индексы структурного сдвига при некоторой неустойчивости всё же имели повышающий тренд.

Фактор внешнего спроса способствовал улучшению финансово-экономических показателей деятельности лесозаготовительной отрасли, но деятельность деревообрабатывающей отрасли была в этот период убыточной, что никак не стимулировало её развитие [7].

Поэтому коэффициенты качества экспорта в обоих краях были на примерно одном невысоком уровне (рис. 4). Соотношение поставок продукции переработки и сырья в этот период было стабильно низкое: в Хабаровском крае – примерно 5:95, в Приморском – 10:90. Рост экспорта сырья из Хабаровского края составил за 2000–2007 гг. 2,2 раза, пиломатериалов – 1,8 раза. В Приморском крае рост по этим позициям составил 1,5 раза.

Рис. 3. Индексы структурного сдвига в производстве лесопромышленной продукции в южной зоне Дальнего Востока

Источники: рассчитано автором на основе базы данных ИЭИ ДВО РАН, статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2018 г., http://www.multistat.ru/?menu_id=93100160

Рис. 4. Коэффициент качества экспорта лесопромышленной продукции в южной зоне Дальнего Востока

Источники: рассчитано автором на основе базы данных ИЭИ ДВО РАН, <http://dvtu.customs.ru/index.php>

Данный период характеризовался постепенным изменением географии поставок продукции. Япония, так же как и Республика Корея, оставалась постоянным партнёром, импортирующим стабильные объёмы дальневосточной древесины. Наряду с этим Китай стал наращивать импорт сырья – в 5 раз за 2000–2007 гг., став лидером в «триумвирате» импортёров дальневосточной древесины в Северо-Восточную Азию. Заниженные требования к качеству импортируемой продукции у китайских потребителей по сравнению с японскими способствовали началу переориентации дальневосточных экспортёров на рынок КНР. Увеличение ввоза древесины в КНР объяснялось дефицитом сырья для лесопильной, фанерной и других отраслей, возникшим из-за введения ограничений на промышленную рубку леса в стране на фоне быстрого роста спроса на древесину. На границе с Россией в трёх провинциях Северо-Восточного Китая (Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян и Цзилинь) были расположены предпри-

ятия, обрабатывавшие 60% российской древесины, продукцию из которой затем отправляли на китайский рынок для её вторичной переработки и последующего экспорта [12].

В период с 2008 по 2013 гг. на фоне ужесточения таможенного регулирования лесного экспорта в России (повышения экспортных пошлин с 6,5 до 25% на необработанную древесину), а также влияния мирового кризиса в лесопромышленном производстве южной зоны Дальнего Востока произошли существенные изменения.

В 2008 г. «рухнули» основные показатели лесного комплекса: производство и экспорт продукции. Причём обвал в производстве произошёл как по необработанной древесине, так и по пиломатериалам (рис. 2). Если сравнивать с последним благополучным для лесного комплекса 2007 г., падение показателей производства древесины составило к 2009 г. 32% в обоих регионах. Производство пиломатериалов в Хабаровском крае упало на 28%, а вот в Приморском практически не изменилось.

Это падение величины показателей явилось следствием сокращения экспортных поставок: за 2007–2009 гг. экспорт физических объёмов древесины в целом сократился на 45%. Причинами стали, во-первых, повышение таможенных тарифов на древесину, что привело к отказу японских и китайских импортёров от поставок российского сырья в пользу продукции из Новой Зеландии, Канады, США, и, во-вторых, падение в результате мирового финансово-экономического кризиса общего спроса и цен на лесопромышленную продукцию на рынках стран СВА, в первую очередь китайском.

К концу 2009 г. начался экономический рост в Китае, что привело ненадолго к повышению показателей объёмов экспорта у дальневосточных производителей в эту страну. С 2012 г. снова началась «лихорадка» с экспортными ценами и спросом на лесопромышленную продукцию на китайском рынке, который стал доминирующим для российских лесозаготовителей, из-за замедления развития жилищного строительства в КНР.

В этот период активно реализовывалась политика федерального центра по стимулированию увеличения производства продукции деревопереработки. Наиболее крупные предприятия под нажимом региональных властей были втянуты в процесс создания деревообрабатывающих производств в рамках механизма приоритетных инвестиционных проектов [2]. Одновременно со строительством крупных предприятий было создано большое количество мелких лесопильных цехов с примитивным оборудованием для распила брёвен и их последующего экспорта. Значительную лепту в их создание внесли китайские предприниматели, которые, являясь посредниками, скупали и перепродавали дальневосточную древесину, а после поднятия пошлин стали создавать на российской территории свои перерабатывающие предприятия для простейшей обработки древесины на пилорамах «second-hand».

В результате производство пиломатериалов стало стремительно увеличиваться, причём в Хабаровском крае после провальных показателей 2008 г. рост к 2013 г. составил почти 2 раза. В Приморском крае, наоборот, при отсутствии существенного падения в начале периода (2008 г.) и последующем устойчивом росте производства в 2009–2012 гг. произошёл временный спад к концу периода (2013 г.). Соответственно, индексы структурного сдвига в Хабаровском крае демонстрировали резко восходящую тенденцию с некоторым спадом к концу периода, когда начался рост производства необработанной древесины и замедление увеличения объёмных показателей пиломатериалов (рис. 3).

Два разнонаправленных процесса – падение объёмов экспорта необработанной древесины и увеличение поставок пиломатериалов – отразились на показателе качества экспорта, который продемонстрировал рост с 2009 г. (рис. 4). Особенно стремительным он был в 2011 г. в Приморском крае, что связано с вводом новых перерабатывающих мощностей. Это привело к значительному разрыву показателей качества экспорта между Приморским и Хабаровским краями.

Но по финансово-экономическим показателям лесные комплексы обеих территорий находились в кризисной ситуации, обусловленной закредитованностью предприятий, начавших сооружение деревоперерабатывающих мощностей, а также падением доходов от экспорта как основного источника выплаты кредитов.

В следующий период – с 2014 по 2017 гг. – основными факторами, повлиявшими на лесной комплекс Дальнего Востока, явились увеличение господдержки перерабатывающих предприятий, восстановление внешнего спроса и улучшение условий экспорта.

Для вывода лесного комплекса из кризисной ситуации федеральным правительством специально для ДФО были введены отраслевые меры поддержки в виде субсидий из федерального бюджета на возмещение дальневосточным лесопромышленным предприятиям части затрат, осуществлённых на реализацию инвестиционных проектов¹. Но барьер для получения субсидий (1 млрд рублей) ограничил круг их получателей лишь несколькими самыми крупными предприятиями. На [рисунке 1](#) темпы роста производства в этот период выглядят более сглаженными по сравнению с предыдущими годами: происходил постоянный небольшой рост объёмов производства, как по необработанной древесине, так и пиломатериалам. Соответственно, индексы структурных сдвигов (см. [рис. 3](#)) в этот период также демонстрируют незначительные колебания с некоторым понижательным трендом к концу периода.

Некоторая стабилизация производственных показателей была связана с улучшением конъюнктуры на лесном рынке. В 2015 г. Китай увеличил на 20% объём импорта хвойных пиломатериалов из России, доля которых достигла 52% от китайского импорта, но при этом в конце 2014 г. произошло резкое падение цен на них (в годовом исчислении – на 24%)². Тем не менее, в результате девальвации рубля из-за политических событий и санкций по отношению к России условия экспорта для дальневосточных лесоэкспортёров стали более выгодными с точки зрения роста валютной выручки.

Что касается необработанной древесины, то цены и объёмы импорта на неё сократились в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом на 11% и 7% соответственно³. Но это была общая ситуация на китайском лесном рынке, которая в следующие годы существенно улучшилась. В 2016 г. объёмы экспорта круглой древесины из России в Китай выросли за год почти на 11%, в 2017 г. эта тенденция продолжилась. Это позволило экспортёрам из Хабаровского и Приморского краёв улучшить производственно-экономические показатели.

Показатели качества экспорта у обеих территорий остаются стабильно высокими при сохранении разрыва между ними (см. [рис. 4](#)). Это свидетельствует, во-первых, о переходе в экспорте лесопромышленной продукции на новый уровень в продуктовой структуре, во-вторых, о сохранении более высокого «сырьевого содержания» лесного экспорта в Хабаровском крае по сравнению с Приморским краем, что обусловлено более высокими величинами экспорта необработанной древесины в Хабаровском крае при почти одинаковых объёмах экспорта продукции переработки.

Если сравнивать динамику показателей производства продукции деревопереработки за рассмотренные три периода, что за 2000–2007 гг. рост экспорта пиломатериалов составил в Хабаровском крае 1,8 раза, в Приморском – 1,5 раза; в следующем периоде (2008–2013 гг.) рост составил соответственно 5 и 5,3 раза, в 2014–2017 – 1,4 раза в обоих регионах. Правда,

¹ Постановление Правительства РФ № 1319 от 5 декабря 2014 г. «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям Дальневосточного федерального округа, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществлённых в 2013–2016 годах на реализацию таких проектов».

² <http://www.lesprom.com/ru/news/72397>

³ <http://www.lesprom.com/ru/news/72279/>

исходные позиции были низки – в 2000 г. экспорт составлял меньше 0,1 млн м³. В 2017 г. его объёмы составляли уже 1,2 млн м³ по рассматриваемым территориям. Наиболее высокие темпы роста были в 2008–2013 гг. – периоде интенсивных институциональных воздействий на лесной комплекс.

Обсуждение и выводы

Рассмотренная выше современная история развития лесного комплекса на Дальнем Востоке демонстрирует возможность быстрого увеличения производства и экспорта продукции деревопереработки. Однако нужно принимать во внимание, что речь идёт только об увеличении количественных показателей. Если рассматривать качественную составляющую экспортируемой с Дальнего Востока лесопромышленной продукции, то это продукция невысокой степени обработки, в основном пиломатериалы, причём низкого качества (сырые пиломатериалы, необрезные и обрезные). Качественная продукция лесопиления (сухие, строганные, профилированные пиломатериалы, клееный брус) составляет значительно меньшую часть. По сути, в массе своей осуществляется экспорт того же сырья, только слегка «облагороженного». Поэтому при анализе показателей структурных сдвигов и качества экспорта мы отдавали себе отчёт, что используемые для их расчёта статистические показатели не совсем корректно отражают реалии в лесном комплексе Дальнего Востока по части этого качества.

Ориентация на производство пиломатериалов – общая тенденция для России. В стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года¹ одной из задач является поддержка наращивания объёмов экспорта высокотехнологичной лесной продукции, но в основном это относится к продукции целлюлозно-бумажной отрасли. Что касается отрасли деревообработки, то здесь ставка делается в основном на увеличение производства пиломатериалов, причём новые объёмы будут направлены как на внутренний рынок, так и на экспорт, преимущественно в Китай. Также в качестве перспективного рассматривается производство пеллет, ориентированное на экспорт, поскольку на внутреннем рынке они мало востребованы. Но эти виды продукции относятся к невысокому переделу, их нельзя назвать высокотехнологичными. То есть когда речь идёт о массовом производстве высокотехнологичной продукции, то в отношении лесного комплекса России это даже на официальном уровне выглядит как механическая обработка сырья.

Можно утверждать, что поставленная в паспорте национального проекта «Международная кооперация и экспорт» установка на увеличение экспорта продукции обрабатывающей промышленности, «достижение международной конкурентоспособности российских товаров в целях обеспечения их присутствия на внешних рынках»² в части продукции механической обработки достижима уже сейчас. Россия стала крупнейшим поставщиком хвойных пиломатериалов на самый крупный в мире китайский рынок³. Вопрос в качестве значительной части этой продукции. Мотивировка на выполнение количественных индикаторов с целью получения «позитивной отчётности», как показывает практика, может привести к наращиванию некачественной продукции. Реальная ситуация с экспортом Россией продукции деревообработки в страны Северо-Восточной Азии показывает, что потеря в результате ужесточения российской таможенной политики японского рынка с его высокими требованиями к качеству продукции и переориентация на рынок Китая [2] уже привела к потере этого качества.

Важным является также, кто будет получателем господдержки в рамках нацпроекта. Ис-

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ №1989-р от 20 сентября 2018 г.).

² <http://government.ru/info/35564/>

³ <https://www.lesprom.com/ru/news/88574/>

ходя из практики реализации государственной поддержки в лесном комплексе¹, возможна ситуация, что намеченные в национальном проекте меры поддержки производителей экспортной продукции опять будут доступны только крупному бизнесу, а это 4–5 предприятий на Хабаровский и Приморский края. Учитывая, что отрасль механической обработки древесины относится к отраслям с низкой концентрацией производства, то такую поддержку можно назвать каплей в море.

Это же подтверждается ситуацией, когда при введении квотирования экспорта необработанной древесины пород, произрастающих на Дальнем Востоке², по сниженным ставкам таможенных тарифов для тех, у кого в структуре экспорта не менее 25% продукции переработки, получить квоту в 2019 г. смогли только 18 поставщиков. Это, по сути, означает запрет экспорта древесины для большинства лесопользователей в ДФО, для которых пошлина составляет с 2019 г. 40%.

То есть налицо провал государства, когда, установленные правила ведут к таким последствиям, как лоббизм и погоня за рентой [4], что демонстрируют крупные компании в лесном комплексе Дальнего Востока. Вследствие этого страдает «слабая сторона», в данном случае – малые и средние предприятия комплекса.

Современная история развития лесного комплекса Дальнего Востока показывает, что подобные попытки «кавалерийского наскока» разбиваются об инерцию его движения [2]. По мнению И.П. Глазыриной, в российском природопользовании отсутствуют гибкие и адаптивные инструменты государственного управления, учитывающие региональную специфику социально-экономических процессов [3]. Во многом эта неадаптивность обусловлена «эффектом колеи» (Path Dependence), суть которого в том, что возможности развития жёстко детерминированы сделанным ранее выбором, который мог быть неоптимальным [9, с. 7]. В общем-то, этот «эффект колеи» закрепил экспортную специализацию России в сфере природных ресурсов, которая продолжается до сих пор.

Запретительными мерами повысить качество продукции не удастся. Нужна кропотливая работа по выстраиванию государственной поддержки, причём для субъектов малого и среднего предпринимательства, работающих в деревообработке и нацеленных на диверсификацию и технологическое обновление своей деятельности.

Список литературы

1. Антонова Н.Е. Институциональные изменения в национальном лесном комплексе: оценка пространственных эффектов // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 21–32. DOI: 10.14530/reg.2018.2.21
2. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106
3. Глазырина И.П. Институциональный контекст экологической экономики // Институциональная трансформация экономики: пространство и время. Сборник докладов V Международной научной конференции, 24–27 мая 2017 г. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2017. С. 128–132.
4. Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с.
5. Ковалева Т.Ю. Статистические показатели в анализе структуры социально-экономической системы // Инновационная наука. 2015. № 4–1. С. 63–71.
6. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги в экономике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 169 с.
7. Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.

¹ http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/Minpromtorg_blok_15.03_final_for_web.pdf

² Постановление Правительства РФ № 1520 от 12 декабря 2017 г. «О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны».

8. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
9. Нуреев Р.М. Россия после кризиса – эффект колеи // *Journal of Institutional Studies*. 2010. № 4. С. 7–26.
10. Олейник Е.Б., Осипов Б.А. Исследование динамики структурных изменений в лесопромышленном комплексе региона // *Экономические науки*. 2016. № 138. С. 64–68.
11. Сухарев О.С. К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов в национальной экономике // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 13. С. 56–64.
12. Lankin A. *Forest Product Exports from the Russian Far East and Eastern Siberia to China: Status and Trends*. Washington, DC: Forest Trends, 2005. 58 с.

References

1. Antonova N.E. Institutional Changes in the National Forest Complex: The Evaluation of Spatial Effects *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 21–32. DOI: 10.14530/reg.2018.2.21 (In Russian)
2. Antonova N.E. Transformation of the Forest Complex during the Years of Russian Reforms: The Far Eastern Viewpoint. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2017. No. 3. Pp. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106 (In Russian)
3. Glazyrina I.P. Institutional Context of Ecological Economy. In: *Institutional Transformation of Economy: Space and Time. Proceedings of the V International Scientific Conference, May 24–27, 2017*. Kemerovo. 2017. Pp. 128–132. (in Russian)
4. Dolfsma W. *Government Failure. Society, Markets and Rules*. Moscow, 2017. 256 p. (in Russian)
5. Kovalyova T.Yu. Statistics in the Analysis of Structure of a Social and Economic System. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. 2015. No. 4–1. Pp. 63–71 (In Russian)
6. Krasilnikov O.Yu. *Structural Shifts in Economy*. Saratov, 2001. 169 p. (In Russian)
7. *Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey*. Khabarovsk, 2008. 192 p. (In Russian)
8. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006. 848 p. (In Russian)
9. Nureev R.M. Russia after Crisis – Path Dependence Effect. *Journal of Institutional Studies*. 2010. No. 4. Pp. 7–26. (In Russian)
10. Oleinik E.B., Osipov B.A. Study of the Dynamics of Structural Changes in the Timber Industry in the Region. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences]. 2016. No. 138. Pp. 64–68. (In Russian)
11. Sukharev O.S. To Development of a Complex Technique of the Analysis of Structural Shifts in National Economy. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Safety]. 2013. No. 13. Pp. 56–64. (In Russian)
12. Lankin A. *Forest Product Exports from the Russian Far East and Eastern Siberia to China: Status and Trends*. Washington, DC: Forest Trends, 2005. 58 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Антонова Н.Е. Возможности для развития несырьевого экспорта лесного комплекса приграничных регионов // *Регионалистика*. 2019. Т. 6. № 3. С. 31–41. DOI: [10.14530/reg.2019.3.31](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.31)

For citing:

Antonova N.E. Opportunities for Development of Non-Row Export in the Forest Complex of Border Areas. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 31–41. DOI: [10.14530/reg.2019.3.31](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.31) (In Russian)

**ДОМНИЧ
Егор
Леонидович**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DOMNICH
Yegor
Leonidovich**

Ph.D. in economics, senior research fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

chaosraven@yandex.ru

УДК 330.3 + 311.3 + 332.1

О ТИПИЧНЫХ РЕЙТИНГАХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ

В работе обсуждаются аналитические возможности композитных индикаторов как средства измерения и классификации национальных и региональных экономик по уровню их инновационного развития. Анализируются теория и методология построения композитных индикаторов инновационного развития стран и регионов на примере наиболее цитируемых (типичных) рейтингов. На примере рейтингов инновационного развития России, Китая и США рассматриваются ограничения экономической интерпретации многокомпонентных композитных показателей инноваций. Особое внимание уделено проблеме тенденциозности, компенсаторности и сепарабельности таких индикаторов. Обосновывается методологическая несостоятельность региональных рейтингов инновационного развития России, дающих противоречивые оценки в отношении регионов со средним уровнем накопленного потенциала.

Национальная экономика, региональная экономика, композитные показатели, рейтинг инновационного развития

ON TYPICAL NATIONAL AND REGIONAL INNOVATION INDEXES

The paper discusses the analytical capabilities of composite indicators as a means of measuring and classifying national and regional economies by the level of their innovative development. We analyze the theory and methodology of national and regional innovation indexes with the emphasis on the most cited (typical) ones. On the example of innovation development ratings of Russia, China and the United States, the limitations of economic interpretation of multicomponent composite indicators of innovation are considered. We pay special attention to the problem of bias, compensatory and separability of such indicators. Due to that we substantiate methodological inconsistency of regional innovation indexes of Russia, which give contradictory estimates in relation to regions with an average level of accumulated potential.

National economy, regional economy, composite indicators, innovation index

© Домнич Е.Л., 2019

Введение

Дифференциация масштабов и результативности инновационной деятельности между странами и регионами часто оценивается на основании специфических композитных показателей или «рейтингов инновационного развития» (РИР).

Цели и предмет исследования на основе РИР принципиально различаются для научного сообщества и органов государственного управления. С точки зрения последних, инновации – это некие зримые результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), воплощённые в новых товарах и услугах либо научных и патентных публикациях. Важнейшей целью составления РИР стран и регионов с позиций бюрократа является обоснование процедуры распределения и объёма финансовой помощи субъектам инноваций посредством их стратификации. Позиция же академической науки сводится к тому, что инновации – это структурные сдвиги в экономике, колебания занятости и производительности, изменение характера кооперационных связей и распределения доходов в обществе. И рейтинги экономических объектов нужны для их типизации на основании выявленных сходств и различий экономических механизмов инновационного развития. К сожалению, даже в научных работах сегодня преобладает (типичен) первый подход [1; 2; 3; 4; 5; 9; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18], что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Проблематика исследования сводится к двум составляющим:

- 1) Насколько адекватно типичные РИР моделируют инновации как экономическое явление?
- 2) Отражает ли возникающая в результате классификация стран и регионов некие объективные сходства и различия их инновационного развития?

Вследствие широкой распространённости часто упускается из виду, что рейтинг – лишь один из возможных инструментов сегментации экономического пространства и обоснования той или иной группировки экономических объектов. Помимо недостатков конкретной модели любой рейтинг неизбежно содержит условности и ограничения, характерные для данного способа упорядочения статистической информации. Отсюда можно сформулировать третью проблему: «Насколько существенно такие ограничения искажают реальную картину инновационного развития стран и регионов?».

Обозначенные проблемы целесообразно рассматривать в обратном порядке, начиная с третьей. Поэтому первая часть работы посвящена обзору методологических ограничений, связанных с конструированием композитных показателей для ранжирования макроэкономических систем на примере наиболее цитируемых (типичных) международных РИР. Во второй части рассматриваются идеология, методология и методика расчёта Глобального индекса инноваций как наиболее репрезентативного и цитируемого РИР международного уровня. В третьей части раскрываются проблемные места Глобального индекса инноваций как композитного индикатора и измерителя инновационного развития наций. В четвёртой части анализируются проблемы экономической интерпретации результатов Российского регионального инновационного индекса и Рейтинга инновационных регионов России как наиболее типичных РИР регионального уровня. В заключении резюмируются содержательные результаты исследования и обосновываются актуальные вызовы, развивающие заданную проблематику.

Рейтинги инновационного развития: содержательные проблемы статистической методологии и экономической интерпретации

Теоретической базой рейтингов служит концепция композитных показателей. В социально-экономических исследованиях композитные показатели агрегируют индивидуальные переменные с целью охвата специфических, возможно, неявных аспектов явлений и процессов, таких как конкурентоспособность страны [59; 60], качество госуправления [24] или даже человеческое развитие в целом [46]. Такие измерители называют «прагматическими» [43, pp. 12–13] в том смысле, что они отвечают практической необходимости оценивать отдельные единицы (страны, регионы, университеты, больницы и т.п.) для какой-либо определённой цели. Цель может быть сугубо утилитарной (например, оценка риска выделения займа в рамках международной программы кредитования или федеральной программы инновационного развития). В то же время такие системы индикаторов создают благодатную почву для политических дебатов и научных дискуссий [23].

К достоинствам композитных индикаторов относят снижение размерности массива данных при сохранении информационной плотности, а также наглядность и презентабельность результатов. Среди недостатков индексов особо акцентируют внимание на значительном произволе в методологии их построения, что часто приводит к некорректным результатам моделирования, тенденциозным выводам и неэффективным управленческим решениям [44, pp. 13–14].

Конструирование композитных показателей предполагает нормативные допущения на каждом из 10 (!) стандартных этапов реализации метода: обоснования теоретической базы, подбора индикаторов, восполнения пропущенных данных, многомерном анализе, нормализации индикаторов, взвешивании и агрегировании, проверке устойчивости результатов, содержательной интерпретации сильных и слабых сторон, выявлении взаимосвязи с другими социально-экономическими индексами и показателями, визуализации результатов [44, pp. 20–21]. «Нормативные» – значит зависящие от некоторой системы норм и ценностей. Например, разработчики Индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index) выступили за замену валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения как обобщённого показателя социального прогресса на композитный показатель, вмещающий информацию о ВВП на душу населения, уровне образования и ожидаемой продолжительности жизни [53]. Здесь нормативным является, во-первых, выбор указанных трёх индикаторов из множества прочих, а во-вторых, задание для них одинаковых весов исходя из априорно постулируемой одинаковой важности [58, p. 65]. Закономерно, что композитные показатели часто являются предметом споров¹. Критический анализ композитных показателей имеет важное значение для предотвращения того, чтобы средства массовой информации и заинтересованные стороны принимали их за чистую монету [44].

Многие композитные показатели являются линейными, то есть средневзвешенными арифметическими суммами исходных индикаторов (как правило, нормализованных). Принцип линейной агрегации неоднократно подвергался критике прежде всего в связи с низкой аналитической ценностью ряда рейтинговых моделей, в которых слабости и уязвимые места объекта наблюдения компенсируются сильными сторонами. Эта характеристика была названа «компенсаторной» [52, p. 611]. В противовес линейным моделям в теории многокритериального принятия решений разрабатываются некомпенсаторные и нелинейные алгоритмы агрегирования².

¹ Подробнее см. в [45; 55].

² Подробнее см. в [22; 49].

Композитные показатели крупных макроэкономических систем, как правило, также предполагаются независимыми друг от друга или сепарабельными. Сепарабельность означает отсутствие любых гравитационных связей между объектами в выборке. Экономические величины рассчитываются отдельно для каждой страны или региона и не учитывают возможное влияние национальных и региональных экономик друг на друга. Поэтому, например, РИР России и Китая можно публиковать и обсуждать отдельно друг от друга и в любом контексте. Вероятно, это и объясняет популярность рейтингов на основе нормативных сепарабельных показателей.

Более сложные методы предполагают, что веса критериев, используемых для оценки производительности объектов, варьируются в зависимости от производительности всех объектов. Обычно академические журналы ранжируются в соответствии с цитатами из других журналов в зависимости от статуса цитирующего источника. Ссылке из высокорангового журнала эндогенно присваивается больший вес [57]. Такой рейтинг уже гораздо сложнее презентовать широкой аудитории. Кроме того, очевидно, что корректная оценка взаимного влияния стран и регионов в контексте инноваций – задача сама по себе нетривиальная.

Обилие работ по теории рейтингов «компенсируется» дефицитом критических обзоров практики их применения в социально-экономических исследованиях. Так, в русскоязычной литературе можно указать лишь на несколько исследований, где обсуждаются содержательные проблемы построения композитных показателей инновационного развития [2; 8], качества жизни [1], благосостояния [14] и конкурентоспособности [19] российских регионов.

Типичные РИР стран и регионов являются нормативными, линейными и сепарабельными. Все они тем или иным способом агрегируют несколько десятков индикаторов. Число этапов агрегации варьируется, но на предпоследнем этапе все индикаторы или промежуточные индексы агрегируются до суб-индекса инновационных затрат (input) и выпуска (output). Теоретической базой типичного РИР является концепция инновационной системы [39; 51], которая обычно трактуется как неопределённо большая совокупность субъектов и отношений, связанных с инновациями. Её фактическая тождественность с понятиями «национальная (региональная) экономика» и «народное хозяйство» обуславливает использование широкого диапазона макроэкономических индикаторов, как общепризнанных, так и весьма специфических.

Из числа международных РИР можно выделить два, работа над которыми ведётся на постоянной основе и с привлечением серьёзных кадровых и интеллектуальных ресурсов. Это Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index, GII)¹, разрабатываемый Европейским институтом управления бизнесом (INSEAD) совместно со Всемирной организацией интеллектуальной собственности (WIPO), и Европейское инновационное табло (European Innovation Scoreboard, EIS)², поддерживаемое Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) совместно с Евростатом (Eurostat). Помимо этого, разделы, посвящённые инновационному развитию, содержат Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index, GCI)³, являющийся ежегодным докладом Всемирного экономического форума (WEF), и продолжающаяся программа Всемирного банка (World Bank) «Знания для развития» (Knowledge for Development)⁴.

Масштабными, но прерванными исследованиями в области РИР стали Международный инновационный индекс (The International Innovation Index), разрабатывавшийся Бостонской консалтинговой группой (BCG) и Национальной ассоциацией промышленников США в 2009–2012 г. [21], Индекс инновационного потенциала (Innovation Capacity Index, ICI) [47; 48], оце-

¹ <https://www.globalinnovationindex.org>

² http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en

³ <https://countryeconomy.com/government/global-competitiveness-index>

⁴ <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/10/20/knowledge-for-development-community>

нивавшийся международной исследовательской организацией EFD–Global Consulting Network в 2009–2011 гг., и Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index), публиковавшийся Всемирным банком с 1995 по 2012 гг. Специфическим, но весьма результативным направлением международных исследований РИР стал также Индекс технологических достижений (Technology Achievement Index), рассчитанный по данным 2001, 2009 и 2015 гг. [26; 50; 56].

По большому счёту, результаты РИР несопоставимы как между собой, так и в рамках одного РИР на разных временных интервалах (*табл.*). Статистические модели ГИИ образца 2009–2010 и 2018 гг. существенно отличались друг от друга если не концептуально, то методологически. Отличия настолько существенны, что сами индексы в 2009–2010 и 2018 гг. измерены в разных интервальных шкалах. Поэтому значительные успехи инновационного развития России, Китая и США, – все три страны улучшили свои позиции с точки зрения ранговой шкалы – на самом деле неочевидны.

Таблица

Типичные международные рейтинги инновационного развития: позиции отдельных стран

Страна	Глобальный индекс инноваций (ГИИ)				Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI)				Индекс инновационного потенциала (ICI)			
	2009–2010		2018		2009–2010		2017–2018		2009–2010		2010–2011	
	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс
Россия	64	3,03	46	37,9	63	4,15	38	4,64	49	52,8	56	52,8
Китай	43	3,32	17	53,06	29	4,74	27	5	65	49,5	64	49,9
США	11	4,57	6	59,81	2	5,59	2	5,85	3	77,5	5	74,8
Количество индикаторов	60		80		110		114		61		61	
Количество стран	132		126		133		137		131		130	

Источники: составлено по [29, р. 13; 37, р. xx; 47, р. 25; 59, р. 13; 60, р. ix, 48, р. 27].

Но даже если интервальная шкала, по которой измеряется индекс, остаётся неизменной, её нелинейная связь с ранговой шкалой всё равно существенно осложняет содержательную интерпретацию результатов. Так, в сравнении с 2009–2010 гг. в 2017–2018 гг. увеличение GCI Китая и США было одинаковым – на 0,26. При этом Китай поднялся с 29-го на 27-е место, тогда как США остались на 2-м. В то же время GCI России увеличился на вдвое большую величину – 0,49, что позволило ей весьма ощутимо подняться в мировом рейтинге конкурентоспособности – с 63-го на 38-е место. Обращает на себя внимание то, что по итогам 2009–2010 гг. модели ГИИ и GCI единодушно присудили России 63-е – 64-е места, но заметно разошлись в оценке инновационного развития Китая и США.

Ранг страны может существенно меняться даже при одном и том же значении индекса. Если ещё в 2009–2010 гг. Россия занимала 49-е место в рейтинге ICI со значением индекса 52,8, то уже в 2010–2011 гг. она опустилась на 56-е место, сохранив прежнее значение индекса. Характерно, что с точки зрения ICI (и только него) Россия в начале 2-го десятилетия XXI в.

значимо опережала Китай по уровню инновационного развития, поскольку последний занимал лишь 64-е – 65-е места.

Зачастую перечисленные индексы цитируются в научных исследованиях и средствах массовой информации без критического осмысления методологии их оценки. Между тем речь идёт о достаточно сложных статистических моделях, экономическое содержание которых стоит рассмотреть особо.

Глобальный индекс инноваций как представительный композитный показатель инновационного развития

Наиболее комплексной и основательной работой в этой области является «Глобальный индекс инноваций» (GII), составляемый ежегодно с 2007 г. Исследовательская цель выявления GII лаконично отражена в первом предложении первого издания индекса: «Какие страны и регионы наилучшим образом отвечают вызовам инноваций?» [27, р. 1]. Индекс GII составляется на основе многоступенчатого агрегирования от 80 до 94 индикаторов по 107–132 странам. В последнем исследовании за 2018 г. использовалось 57 количественных, 18 композитных и 5 качественных индикаторов. Очевидно, содержательная экономическая модель GII – то, как авторы трактуют феномен инноваций, – заложена в составе используемых индикаторов и в процедуре их агрегирования.

С позиций теории измерения инноваций [38; 41; 42] индикаторы GII можно разделить на три категории: 1) измеряющие сами инновации и их результат; 2) измеряющие абсолютно необходимые условия инноваций; 3) измеряющие некий общий фон инноваций, среду, в которой они происходят. К первой категории относятся индикаторы, традиция измерения которых в контексте экономического анализа инноваций насчитывает около сотни лет: расходы на НИОКР, численность учёных и инженеров, научные публикации и их цитирование, патенты всех видов, рост производительности и благосостояния.

Во вторую категорию нами включены индикаторы, характеризующие понятие «научно-технологическая деятельность» в терминологии OECD [38]: подготовка, обучение и аттестация кадров, утечка мозгов, развитие современной инфраструктуры, в том числе финансовой и цифровой, кооперация в сфере науки и образования и т.п. Исторические корни оценки и ранжирования стран на основании индикаторов исследовательской и научно-технологической деятельности уходят в начало 1960-х гг. [40]; их связь с инновационным развитием неоднократно обсуждалась в научной литературе.

Третья категория индикаторов, характеризующая внешнюю среду, не имеет прямого отношения к инновациям, а часто и к экономике как таковой. Многие из них оценивают плохо измеримые явления и процессы: политическую ситуацию, экологическую обстановку, качество госуправления и т.п. Основываясь на базах научной периодики *EconLit*, *JSTOR* и *ScienceDirect*, можно утверждать, что большинство таких явлений не имеет доказанной или даже формализованной связи с технологическими инновациями.

Используемые индикаторы неравнозначны и с точки зрения статистической модели GII. Сначала средневзвешенные нормализованные значения от двух до пяти индикаторов агрегируются до индексов подразделов (sub-pillar) общим числом 21. Затем средневзвешенные индексы подразделов агрегируются до 7 индексов разделов (pillar). Модель GII предусматривает следующие разделы: институты, человеческий капитал (ЧК) и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), инфраструктура, уровень развития рынка, уровень развития бизнеса, производство знаний и технологий, выпуск креативной продукции. Далее методом арифметического среднего индексы первых пяти разделов агрегируются до субиндекса затрат

(Input Sub-Index), а последних двух разделов – до субиндекса выпуска (Output Sub-Index). Арифметическое среднее индексов затрат и выпуска даёт ГИ, тогда как отношение второго к первому – коэффициент эффективности инноваций (Innovation Efficiency Ratio, IER) [37, pp. 71–88].

В рамках своего раздела каждый из 80 индикаторов объясняет не менее 9% межстрановой вариации, что является несомненным достоинством модели ГИ [37, p. 371]. Однако такое статистическое благолепие достигается искусственно через нормативное присвоение индикаторам и подразделам весов – 0,5 или 1. Решение о том, какой из двух весов присваивать тому или иному индикатору (подразделу), принимается чисто технически по результатам множественного корреляционно-дисперсионного анализа [37, p. 369].

Актуальным вызовом любой экономической модели вообще и РИИ в частности является её предсказательная способность. Для ГИ с использованием методологии нечётких множеств показано наличие эффективных с точки зрения увеличения субиндекса выпуска комбинаций разделов субиндекса затрат; эти комбинации различаются для богатых и бедных экономик [25]. Наибольшее количество эффективных комбинаций зафиксировано для стран с высоким уровнем доходов, тогда как страны с низкими доходами вынуждены, по сути, «подтягивать» каждую из пяти составляющих субиндекса затрат.

Особенности методологии оценки композитных индикаторов позволяют выполнить эффективную визуализацию субиндексов затрат и выпуска ГИ для нескольких стран (рис. 1). Получившаяся инфографика наглядна и информативна; по сути, она позволяет поместить три непохожие цивилизации в единую систему координат.

Рис. 1. Значения субиндексов затрат (ось X) и выпуска (ось Y) глобального индекса инноваций для России, Китая и США в 2011–2018 гг.

Источники: составлено по [30, pp. 20–22; 31, pp. 10–12; 32, pp. 12–14; 33, pp. 16–18; 34, pp. 18–20; 35, pp. 22–24; 36, pp. 16–18; 37, pp. xxii–xxiv].

Становится очевидным, что как по затратам, так и по выпуску российская инновационная система сегодня ощутимо отстаёт от китайской и американской. И если в 2011–2013 гг. совокупные затраты общества на инновации в России и Китае находились примерно на одном уровне (с учётом масштабов экономик), то к 2018 г. Китай заметно вырвался вперёд благодаря выраженной положительной связи между затратами и выпуском. Россия же существенно отставала по выпуску уже в 2011 г., а к 2018 г. отставание увеличилось вследствие отрицательной (!) зависимости между затратами и выпуском. В свою очередь, американская инновационная система сопоставима с китайской по выпуску, но сильно опережает её по затратам, то есть совокупным финансовым, кадровым, интеллектуальным и институциональным ресурсам, к которым имеют доступ национальные акторы инноваций. Наиболее последовательно затраты и выпуск наращиваются в китайской инновационной системе, что свидетельствует о наличии адекватного общенационального плана (стратегии) инновационного развития и его пунктуальном соблюдении. Так, значительное увеличение китайского субиндекса затрат в 2016 г. уместно связать со стартом 13-й пятилетки. Согласно её плану, к 2020 г. Китай должен превратиться в инновационное государство и войти в число наиболее экологически активных стран [10, с. 76].

Модель на основе композитных индикаторов предоставляет широкие возможности для группирования и стратификации стран по уровню инновационного развития. Ретроспективный анализ изданий ГИИ за разные годы свидетельствует об активном поиске авторами наглядного и непротиворечивого способа группировки стран по уровню инновационного развития, учитывающего огромную разницу среднедушевых доходов, материально-технической базы и отраслевой специализации. Например, ГИИ-2007, ГИИ-2008–2009 и ГИИ-2009–2010 предусматривали восьмой раздел «Общественное благосостояние», включённый в субиндекс выпуска и содержащий такие индикаторы, как темп прироста ВВП, душевой ВВП, индекс Джини, ВДС промышленности и сектора услуг, душевое конечное потребление, а также потребление электроэнергии [27; 28; 29]. Таким образом, страны ранжировались в том числе и по величине экономического потенциала и уровню социального развития.

В 2011 г. состав индикаторов и статистические методы их обработки были существенно пересмотрены, а раздел «Общественное благосостояние» исключён. Общеэкономические факторы теперь учитываются в модели посредством аналитического разделения (классификации) стран на четыре группы. Критерием классификации здесь является положение страны по отношению к линии регрессии (тренда), характеризующей зависимость между душевым ВВП, скорректированным по паритету покупательной способности, и ГИИ. Считается, что страны, чьё положение находится в рамках тренда, имеют уровень инновационного развития, соответствующий их экономическим возможностям или уровню общего социально-экономического развития (так называемые «середняки»). Страны, очутившиеся под линией тренда, имеют уровень инновационного развития ниже ожиданий исходя из уровня их экономического развития, то есть они как бы недостаточно стараются, «не дорабатывают». Страны, находящиеся непосредственно над трендом, напротив являются «успевающими учениками» («innovation archivers»), инновационные достижения которых значимо опережают общеэкономические успехи. Наконец, ощутимо выше тренда и третьей группы стран располагаются «лидеры инноваций» («innovation leaders») – страны, где инновационный сектор напрямую определяет структурные характеристики и темпы экономического развития.

По итогам 2018 г. некоторые относительно крупные экономики, такие как Бразилия, Индонезия, Иран, Италия, Мексика и Россия, были отнесены к «середнякам». При этом многие экзотические страны третьего мира, например, Колумбия, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Кения, Руанда, Танзания и Украина, были причислены к «успевающим ученикам». Предпола-

гается, что несмотря на существенно меньшие размеры как экономики, так и инновационного сектора, в инновационном плане они развиваются быстрее, чем могли бы. В когорту «лидеров инноваций» объединены страны Западной Европы (Швейцария – на первом месте), США, Китай, Гонконг, Израиль, Республика Корея, Япония, Сингапур, Австралия, Новая Зеландия и Эстония. Причём вплоть до 2017 г. Эстония смотрелась даже лучше, чем Китай, занимая, например, в 2015 г. 23-е место против 29-го у Китая [34, pp. xxx, 14].

О тенденциозности, компенсаторности и сепарабельности рейтингов инновационного развития

Рейтинговые позиции КНР вообще весьма анекдотичны. В ГИ-2007 Китай занимал 29-е место между Новой Зеландией и Кувейтом [27, p. 2], в ГИ-2008–2009 – 37-е место между Словенией и Мальтой [28, p. 9], в ГИ-2009–2010 – 43-е место между Чили и Латвией [29, p. 13], в ГИ-2011 – снова 29-е место между Кипром и Словенией [30, p. 18], в ГИ-2012 – 34-е место между Катаром и Португалией [31, p. xxviii], в ГИ-2013 – 35-е место между Португалией и Словакией [32, p. xx], и в ГИ-2014 – опять 29-е место между Словенией и Кипром [33, p. xxiv]. опередить Словению Китаю удалось только в 2016 г., заняв 25-е место сразу после Эстонии [35, p. xxviii]. Учитывая специфическую методологию составления индекса, нельзя ожидать, что самая большая экономика мира сможет сохранить это выдающееся достижение хотя бы в течение 5 лет¹. Ряд исследователей усматривает в этом проявление конкурентной борьбы наций в сфере инноваций, статистическое отражение непрекращающейся гонки интеллекта, креативности и способности к изменениям [20].

Однако компоненты индекса свидетельствуют, что китайская экономика сегодня удерживает лидирующие позиции как по интеллектуальному, так и креативному потенциалу. По итогам 2018 г. Китай находился на первом месте в мире по размеру внутреннего рынка, доле предприятий, занимающихся подготовкой и обучением персонала, количеству изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в расчёте на 1 млрд долларов ВВП по паритету покупательной способности (ППС), а также доле высокотехнологичного и креативного экспорта во внешнеторговом обороте [37, p. 241]. Страна занимала второе – третье места по доле предпринимательского сектора в национальных расходах на НИОКР, доле высокотехнологичного импорта во внешнеторговом обороте, темпу прироста ВВП в расчёте на одного работника по ППС и количеству торговых марок в расчёте на 1 млрд долларов ВВП по ППС. Наконец, Китай вошёл в десятку лучших стран мира по рейтингу вузов Quacquarelli Symonds, результатам тестирования школьников в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), отношению внутренних кредитов частному сектору к ВВП, доле валового накопления основного капитала в ВВП, затратам на НИОКР трёх крупнейших национальных компаний международного уровня и удельному весу исследователей в трудовых затратах предпринимательского сектора по эквиваленту полной занятости.

Почему же в 2018 г. Китай не смог войти в топ-10 мировых лидеров инноваций, заняв лишь 17-е место? Наиболее слабым местом китайской экономики в модели ГИ стало низкое число редакционных правок в Википедии на миллион человек взрослого населения. По этому показателю Китай смог занять лишь 111-е место, то есть практически на дне рейтинга. Значительно ухудшает позиции страны также довольно продолжительный временной интер-

¹ Ещё более анекдотичен мировой инновационный рейтинг стран по коэффициенту эффективности инноваций, IER. Топ-10 по итогам 2018 г. в данном случае выглядит следующим образом: Швейцария, Люксембург, Китай, Нидерланды, Украина, Молдавия, Мальта, Венгрия, Германия, Швеция. В то же время США оказались на 22-м, Япония – на 44-м, а Сингапур – на 63-м местах рейтинга [37, p. xx].

вал между уведомлением работника об увольнении и окончанием выплат выходного пособия, предусмотренный национальным трудовым законодательством: здесь Китай оказался на 103-м месте. Это единственный из 80 индикаторов, ранг по которому тем выше, чем меньше его нормализованное значение. На 97-е место Китай отодвигают сразу три показателя: доля зарубежных студентов среди лиц, получающих высшее образование в стране, индекс экологической обстановки, разрабатываемый Йельским и Колумбийским университетами¹, а также индекс защиты прав миноритарных инвесторов, разрабатываемый Всемирным банком². Кроме того, страна располагается в пределах 90-го – 95-го мест в мировом рейтинге по индексу политической стабильности и отсутствия терроризма Всемирного банка³, ВВП в расчёте на единицу потреблённой энергии в нефтяном эквиваленте, доле зарубежных расходов на НИОКР и удельному весу импорта цифровых услуг во внешнеторговом обороте.

По каждому из индикаторов, ухудшающих инновационный рейтинг Китая в модели ГП, справедливо выдвинуть ряд замечаний содержательного характера.

Во-первых, трактовка разработчиками индекса влияния ряда индикаторов на инновации в стране, как минимум, небесспорна. На самом ли деле сокращение срока увольнения и ухудшение сделочной позиции работника способны подстегнуть темпы инновационного развития? Логичнее ожидать обратного, то есть отрицательного эффекта; в то же время предпринимателя-инноватора, как правило, больше интересует часовая выработка работника, нежели количество часов, необходимое для расторжения трудовых отношений с ним. И уместно ли ожидать от национального правительства поддержки иностранных владельцев капитала в их противостоянии с местным рабочим классом? Аналогично, вряд ли национальное правительство будет реализовывать стратегию инновационного развития, направленную на усиление влияния иностранного капитала в сфере НИОКР или захват внутреннего рынка иностранными поставщиками цифровых услуг. Наверное, можно говорить лишь о некоторой разумной пропорции различных источников финансирования научных исследований и поставок цифрового контента.

Во-вторых, вызывает сомнение обоснованность включения в ГП сложносоставных, а также качественных, оцениваемых на основании опроса экспертов, индикаторов-индексов. Например, вызовы политической стабильности и национальной безопасности, а также экологической обстановки являются не менее сложными и комплексными, чем проблематика инноваций. Зачем же в таком случае совмещать несколько необъятных предметных областей?

В-третьих, уместно вернуться к первоначальному вопросу ГП: отвечает ли страна, лидирующая по таким критериям, вызовам инноваций и может ли успешная в плане инноваций страна без них обойтись? На наш взгляд, на эти вопросы следует ответить следующим образом: «нет, не отвечает» и «да, может».

Решающее влияние на итоговый рейтинг страны оказывают веса, предусмотренные авторами модели ГП для каждого индикатора⁴. Из перечисленных девяти индикаторов, ухудшаю-

¹ <https://epi.envirocenter.yale.edu/>

² <http://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2018>

³ <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>

⁴ Такой подход можно признать умеренным и политически нейтральным, поскольку он не предполагает дополнительной дифференциации весов по странам. В то же время, например, в модели ICI разделы индекса, сходные по содержанию с разделами ГП, взвешиваются в зависимости от экономического положения и политического режима в конкретной стране. При классификации политических режимов последнее издание ICI (2010–2011 гг.) опиралось на Индекс демократии 2008 г., составленный британской компанией The Economist Intelligence Unit. Особенности методики ICI удобно рассмотреть на примере раздела «Институциональное окружение». В странах с доходами ниже среднего и «авторитарными» режимами, таких как Китай, а также с доходами выше среднего и «гибридными» режимами, таких как Россия, вес институционального окружения равен 25%. В то же время в странах с высокими доходами и «полноценной демократией», таких как США, качество институционального

щих позиции Китая в мировом рейтинге инноваций, только два – политическая стабильность и удельный вес иностранных студентов – имеют скромный вес 0,5, тогда как остальные – твёрдую 1. Вместе с тем, сразу 4 индикатора, по которым Китай удерживает мировое лидерство – количество изобретений и промышленных образцов в расчёте на 1 млрд долларов ВВП по ППС, доля высокотехнологичного и креативного экспорта во внешнеторговом обороте и доля предпринимательского сектора в национальных расходах на НИОКР – играют, согласно модели ГИ, сравнительно небольшую роль в инновационном развитии. При агрегировании их вес также принимается за 0,5, тогда как, например, вес статистики обращения к Википедии и длительности процедуры увольнения работников – за 1 [37, р. 371]. Патентные индикаторы сильно коррелируют с другими показателями научно-технологической и инновационной активности и поэтому их скорректировали чисто техническими средствами. Однако такая расстановка весов противоречит устоявшемуся в научной литературе подходу к экономическому анализу инноваций на основе патентной статистики¹.

Теория композитных показателей предупреждает об их компенсаторности, однако в данном случае речь идёт о неадекватной компенсации, поскольку важные в контексте инноваций индикаторы компенсируются относительно малозначимыми или даже спорными. Кроме того, в масштабах страны современное инновационное развитие невозможно без международной кооперации и мощнейшего влияния со стороны крупнейших экономик, прежде всего Китая и США. Сепарабельность ГИ не позволяет учесть этот фактор, что весьма чувствительно сказывается на его аналитических возможностях.

Вместе с тем иерархическая организация ГИ позволяет отследить сравнительную структурную динамику национальных систем инноваций (рис. 2). Ещё в 2011 г. Китай отставал от США по 6 разделам из 7 (за исключением выпуска креативной продукции) и по 1 разделу (ЧК и НИОКР) от России. В 2018 г. Китай преодолел отставание от России по ЧК и НИОКР, а также отставание от США по ЧК и НИОКР, инфраструктуре, уровню развития бизнеса и производству знаний и технологий. По сути, сегодня Китай заметно отстаёт от США и ряда других западных стран только по 2 разделам: институты и уровень развития рынка.

По составу индикаторов эти разделы наиболее чувствительны к национальной специфике, особенностям национальной политики, истории, экономики и культуры. Именно они содержат наибольшее число качественных и композитных показателей. Мировое лидерство по уровню развития институтов, в том числе рыночных – отличительная особенность западных стран, в том числе Швейцарии, которая удерживает 1-е место в ГИ с 2011 г., а также Республики Корея, Японии и Сингапура. «Инновационный профиль» США, визуализированный на рисунке 2, даёт репрезентативный срез типичной западной экономики – «лидера инноваций». Институты и уровень развития рынка здесь получили опережающее развитие, возможно, в ущерб остальным пяти составляющим ГИ.

Но уместна и другая интерпретация данных: международные РИР наподобие ГИ выстроены по образу и подобию национальных инновационных систем западного типа, а также согласно представлению о таких системах, сложившемуся в современной литературе. Эта особенность концепции (идеологии) серьёзно ограничивает аналитические возможности индексов типа ГИ применительно к таким экономикам, как Россия и Китай.

окружения, по мнению авторов, играет гораздо меньшую роль и ему уже присваивается вес 10% [47, р. 23]. Разумеется, такая методика значительно ухудшает рейтинг России и Китая по версии ICI, поскольку придаёт наибольший вес заведомо наименее развитой компоненте национальной системы инноваций.

¹ См., например, [38; 42].

Рис. 2. Значения разделов глобального индекса инноваций России, Китая и США в 2011 и 2018 гг.

Источники: составлено по [30, pp. 144, 214, 240; 37, pp. 241, 313, 338]

Региональные индексы инновационного развития: индикаторов меньше, проблем столько же

Национальная специфика также накладывает свой отпечаток на содержательную интерпретацию, на первый взгляд, стандартных индикаторов.

В рейтинге ГИ за 2018 г. Россия заняла 46-е место между Вьетнамом и Чили. К сильнейшим сторонам российской инновационной системы ГИ относит высокий удельный вес женщин старше 25 лет с учёными степенями среди занятых в экономике (1-е место в мире), размер внутреннего рынка (6-е место) и количество полезных моделей в расчёте на 1 млрд долларов ВВП по ППС (9-е место). Выраженными слабыми сторонами, препятствующими инновационному развитию российской экономики, являются низкий ВВП в расчёте на единицу потреблённой энергии в нефтяном эквиваленте (111-е место), низкий рейтинг верховенства права Всемирного банка (110-е место), низкое количество сертификатов системы экологического управления ISO 14001, выданных национальным компаниям в расчёте на 1 млрд долларов ВВП по ППС (107-е место) и низкий индекс политической стабильности и безопасности (105-е место).

Указание на слабые места российской экономики здесь вполне справедливо, чего нельзя сказать об идентификации её сильных сторон. Используемые международные индикаторы следует интерпретировать в национальном контексте, чего составители международного РИР не могут себе позволить. Сравнительно большая численность работников с учёными степенями объясняется длительным кризисом российской науки и промышленности и низкой привлекательностью интеллектоёмких отраслей для мужчин. Солидный размер внутреннего рынка, измеряемый объёмом ВВП по ППС, – также весьма спорное достоинство, учитывая долгосрочную тенденцию отмирания высокотехнологичных производств и общее технологическое упрощение российской экономики [7]. Наконец, высокая патентная активность не должна вводить в заблуждение в связи с низкой востребованностью и высокой «смертностью» внутрироссийских патентных документов [6].

Указанные несоответствия актуализируют разработку региональных индексов для отдельной страны или макрорегиона.

Среди РИР регионов широкую известность получили Индекс портфеля инноваций (Portfolio Innovation Index, PII)¹, разрабатываемый Indiana Business Research Center – исследовательским подразделением Индианского университета в Блумингтоне на статистике США, и Региональное инновационное табло (Regional Innovation Scoreboard, RIS)², являющееся региональным переложением EIS. Региональные РИР агрегируют не более двух-трёх десятков индикаторов, напрямую относящихся к сфере науки, технологий, экономики и инноваций. Основными потребителями региональных РИР выступают органы управления, а главная исследовательская задача часто сводится к обоснованию оптимальной схемы распределения субсидий на науку и инновации.

Широкое распространение региональные РИР получили и в России. По сути, сегодня это основной способ сегментации и классификации регионов страны по уровню инновационного развития. Два продолжающихся рейтинга, привлекающих основное внимание – «Рейтинг инновационного развития субъектов РФ» (он же – Российский региональный инновационный индекс, РРИИ)³, публикуемый Национальным исследовательским университетом «Выс-

¹ <http://www.statsamerica.org/innovation/reports/sections2/4.pdf>

² https://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/regional_en

³ <https://www.hse.ru/primarydata/rir>

шая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с 2012 г., и «Рейтинг инновационных регионов России» (РИРР)¹, разрабатываемый Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) совместно с Минэкономразвития РФ с 2014 г. Систематическим, но прерванным исследованием стал рейтинг инновационной активности регионов Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), публиковавшийся в 2009–2014 гг.² Кроме того, авторские РИР российских регионов активно разрабатываются отдельными исследователями и коллективами.

В части методологии авторы российских региональных РИР, как правило, декларируют следование подходу EIS и RIS. Однако де-факто индексы НИУ ВШЭ, АИРР и НАИРИТ значительно отличаются от аналогов, разработанных Eurostat, OECD или WIPO. Например, патентные индикаторы российские разработчики соотносят с численностью населения или исследователей, а не с объёмом ВВП (ВРП), как это принято в международной практике. При этом низкая экономическая востребованность российских патентов и низкий уровень доверия к официальной статистике инновационной активности не нашли отражения ни в одном из отечественных РИР.

Из 18 индикаторов RIS в РИРР включено лишь 4³, а в РРИИ – только 3⁴. Очевидно, здесь можно говорить лишь о сходстве на уровне концепции (идеологии). Речь идёт о некой инвентаризации накопленного потенциала и выявлении точек (полюсов) его наибольшей концентрации с последующим пропорциональным распределением бюджетных средств. Изюминку российских индексов составляют качественные и композитные показатели, дополняющие официальную статистику Росстата; часто это эксклюзивные наработки авторского коллектива⁵.

Акцент на официальной статистике обуславливает предсказуемость региональных РИР стран Европы и России. В Европе регионы – «лидеры инноваций» и «сильные инноваторы», с точки зрения модели RIS, сконцентрированы в развитых странах Запада: Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Великобритании, Дании, Ирландии, Нидерландах, Норвегии, Финляндии,

¹ <http://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya>

² НАИРИТ составила рейтинг инновационной активности регионов 2009 (<http://www.nair-it.ru/news/18.03.2010/135>); НАИРИТ подводит итоги Рейтинга инновационной активности регионов 2010. Инновационная активность регионов России снизилась на 15% (<http://www.nair-it.ru/news/17.05.2011/217>); НАИРИТ подводит итоги Рейтинга инновационной активности регионов 2011. Впервые инновационная активность регионов России оказалась положительной (<http://www.nair-it.ru/news/19.06.2012/334>); НАИРИТ подводит итоги Рейтинга инновационной активности регионов-2012. Инновационная активность регионов растёт (<http://www.nair-it.ru/news/04.07.2013/405>); Инновационная сфера становится более стабильной. НАИРИТ подводит итоги Рейтинга инновационной активности регионов 2013 (<http://www.nair-it.ru/news/21.07.2014/441>); Инновационная активность выросла благодаря импортозамещению. НАИРИТ подводит итоги Рейтинга инновационной активности регионов 2014 (<http://www.nair-it.ru/news/31.07.2015/461>).

³ Удельный вес занятых с высшим образованием трудоспособного возраста в общей численности населения в трудоспособном возрасте, удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий, удельный вес организаций, осуществлявших нетехнологические инновации, в общем числе организаций, удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) видах деятельности в общей численности занятых в экономике региона.

⁴ Удельный вес населения в возрастной группе 25–64 года, имеющего высшее образование, в общей численности населения соответствующего возраста, удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий (по предприятиям промышленного производства), удельный вес организаций, осуществлявших нетехнологические (маркетинговые и/или организационные) инновации, в общем числе организаций (по организациям промышленного производства).

⁵ В РРИИ включены фиктивные бинарные переменные, характеризующие нормативно-правовую базу инновационной политики и её организационное обеспечение. В РИРР включены фиктивные бинарные переменные, характеризующие инновационную активность региона в плане участия в федеральных конкурсах, наличия инновационной инфраструктуры, созданной с госучастием, и проведения публичных инновационных мероприятий.

Швейцарии и Швеции. Практически все регионы прочих европейских стран – от Португалии до Эстонии – отнесены к «умеренным» и «незначительным» инноваторам [54]. Мультинациональные кластеры инновационных европейских регионов, способные привлечь внимание экономгеографов, не обнаруживаются.

Аналогично, в России безусловное инновационное лидерство принадлежит Москве, Санкт-Петербургу, Татарстану и ещё десятку регионов с развитой научно-технологической базой и промышленным комплексом, преимущественно военно-космической специализации (рис. 3). Оба рейтинга – РРИИ и РИРР – практически единодушно распределяют первые 30 мест.

Заметное исключение составляет лишь Тульская область: по итогам 2015 г. РРИИ присудил ей лишь 37-е место, тогда как РИРР – намного более высокое 12-е. Причём с точки зрения разделов «Инновационная деятельность», идентичных не только по названию, но и по составу индикаторов (их источником являются формы статистического обследования № 4 – «инновация» и № 2 – МП – «инновация»), оба рейтинга оценивают позиции Тульской области весьма высоко, отдав ей 5-е – 6-е места. Это наименее вариативный с точки зрения возможных комбинаций индикаторов раздел, непосредственно характеризующий инновации в экономике региона. Итоговые же расхождения обусловлены вариативностью состава индикаторов по разделам «Научно-технический потенциал» и «Социально-экономические условия инновационной деятельности», наличием эксклюзивных разделов, представленных в основном бинарными переменными, а также различиями в алгоритме агрегирования и взвешивания показателей.

Закономерно, что модели РРИИ и РИРР также единодушно определяют тридцатку наиболее отсталых в плане инновационного развития регионов, но присваивают противоречивые рейтинги регионам-середнякам, занимающим места с 31-го по 60-е. Здесь проявляется фундаментальное свойство композитных показателей – значительное изменение оценок результирующего индекса при незначительном изменении в методике их получения. Ведь по сути оба индекса выполнены в рамках единой концепции и методологии, отличаются лишь технические детали реализации модели. Робастность модели, основанной на композитных показателях, сильно отличается для групп регионов с высоким, средним и низким уровнем накопленного потенциала¹. Между тем уместно предположить, что именно в регионах-середняках, где нет ни крупных научных центров, ни стратегических производств, но всё же есть некое воспроизводящее хозяйство, инновационные процессы отличаются наибольшим разнообразием.

Очевидно, такая модель непригодна не только для целей научной классификации и стратификации, но и для решения вполне утилитарной задачи распределения федеральных субсидий. Модель типичного РИР региона устроена так, что претендовать на финансовую помощь может лишь небольшая когорта регионов, в силу своей истории заметно выделяющихся по накопленному потенциалу. Как и типичные РИР международного уровня, региональные РИР не справляются с задачей адекватного моделирования инноваций как экономического явления.

¹ Есть мнение, что эта проблема обусловлена слишком большим числом независимых переменных, коих для выборки из 80–85 регионов не должно быть больше 12–13 [8, с. 37]. В противном случае коэффициент корреляции между отдельным индикатором и результирующим индексом может составить менее 0,1, то есть индикатор слабо влияет на интегральную функцию, но увеличивает общую дисперсию. Взаимное наложение несвязанных индикаторов и пересечение сильно связанных индикаторов с неравномерным распределением случайным образом искажает и усредняет инновационное пространство. Это приводит к выделению 5–10 ключевых регионов, 5–10 регионов-аутсайдеров, но некорректно оценивает срединные субъекты, которые могут кардинально менять номер кластера (страту) в течение года без существенных социально-экономических изменений.

Рис. 3. Рейтинг инновационного развития регионов России в 2015 г.: РРИИ (ось X) против РИРП (ось Y)

Примечание: 1 – Белгородская область; 2 – Брянская область; 3 – Владимирская область; 4 – Воронежская область; 5 – Ивановская область; 6 – Калужская область; 7 – Костромская область; 8 – Курская область; 9 – Липецкая область; 10 – Московская область; 11 – Орловская область; 12 – Рязанская область; 13 – Смоленская область; 14 – Тамбовская область; 15 – Тверская область; 16 – Тульская область; 17 – Ярославская область; 18 – г. Москва; 19 – Республика Карелия; 20 – Республика Коми; 21 – Архангельская область; 22 – Ненецкий автономный округ; 23 – Вологодская область; 24 – Калининградская область; 25 – Ленинградская область; 26 – Мурманская область; 27 – Новгородская область; 28 – Псковская область; 29 – г. Санкт-Петербург; 30 – Республика Адыгея; 31 – Республика Ингушетия; 32 – Краснодарский край; 33 – Астраханская область; 34 – Волгоградская область; 35 – Ростовская область; 36 – Республика Дагестан; 37 – Республика Калмыкия; 38 – Кабардино-Балкарская Республика; 39 – Карачаево-Черкесская Республика; 40 – Республика Северная Осетия-Алания; 41 – Чеченская Республика; 42 – Республика Хакасия; 43 – Ставропольский край; 44 – Республика Башкортостан; 45 – Республика Марий Эл; 46 – Республика Мордовия; 47 – Республика Татарстан; 48 – Удмуртская Республика; 49 – Чувашская Республика – Чувашия; 50 – Пермский край; 51 – Кировская область; 52 – Нижегородская область; 53 – Оренбургская область; 54 – Пензенская область; 55 – Самарская область; 56 – Саратовская область; 57 – Ульяновская область; 58 – Курганская область; 59 – Свердловская область; 60 – Тюменская область; 61 – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; 62 – Ямало-Ненецкий автономный округ; 63 – Челябинская область; 64 – Республика Бурятия; 65 – Алтайский край; 66 – Республика Алтай; 67 – Забайкальский край; 68 – Республика Тыва; 69 – Красноярский край; 70 – Иркутская область; 71 – Кемеровская область; 72 – Новосибирская область; 73 – Омская область; 74 – Томская область; 75 – Республика Саха (Якутия); 76 – Камчатский край; 77 – Приморский край; 78 – Хабаровский край; 79 – Амурская область; 80 – Магаданская область; 81 – Сахалинская область; 82 – Чукотский автономный округ; 83 – Еврейская автономная область; 84 – Севастополь; 85 – Республика Крым.

Источники: составлено по [15, с. 19–20; 16, с. 12–15].

Заключение

Главная проблема использования композитных показателей при анализе инновационного развития нам видится в том, что инструмент анализа в данном случае едва ли не сложнее его основного объекта и предмета. Часто упускается из виду, что композитный показатель необходимо не только грамотно рассчитать, но и полноценно «защитить» в рамках строгой научной дискуссии. Композитные показатели привлекают возможностью вложить в модель почти неограниченное число частных индикаторов. В зависимости от того, насколько сильно авторы злоупотребляют этой возможностью, композитные показатели инновационного развития можно условно разделить на типичные и нетипичные.

В статье основное внимание сосредоточено на «типичных» РИР. Под «типичными» здесь понимаются РИР, стремящиеся охватить всю доступную статистику, инициированные, как правило, органами государственной власти и международными организациями. Исследовательская цель типичных РИР заключается в стратификации экономических объектов с точки зрения всей доступной информации об их инновационном развитии. Практическая цель типичных РИР заключается в обосновании схемы распределения субсидий либо научном подкреплении неких политических установок.

Типичные РИР стран и регионов обладают такими свойствами как высокая цитируемость, эффектность, наглядность, структурированность, нормативность, линейность, сепарабельность, несопоставимость и тенденциозность.

Сильной стороной типичного (стандартизированного, унифицированного) продукта обычно является его массовость, а также простота и дешевизна исполнения. Однако полноценная реализация модели типичного РИР – процедура недешёвая и весьма трудозатратная. Поэтому очень немногие типичные РИР воспроизводятся регулярно, при постоянном штате исполнителей и формировании протяжённого массива данных. В большинстве же случаев типичные РИР охватывают короткий временной интервал, часто это разовые исследования за один год. К устойчивым признакам «массовости» типичных РИР следует отнести лишь их высокую цитируемость и фактическое замещение всех прочих методов и подходов к кластеризации и классификации инновационных систем.

Типичные РИР способны свести любые национальные и региональные системы инноваций в единую масштабируемую систему координат. Но формируется ли при этом единое смысловое поле, например, для России, Китая и США? И возможно ли в принципе сформировать таковое? На примере GPI нами показано, что видимость смыслового единообразия достигается путём распространения устоявшихся в западном мире представлений о типичной инновационной системе на инновационные системы прочих стран. На деле же индикаторы, используемые в модели типичного РИР (а их несколько десятков), имеют разный смысл и разную объясняющую способность в контексте инновационного развития России, Китая и США. Это означает, что классические экономические модели, связывающие между собой важнейшие индикаторы науки и инноваций, подвергаются необоснованной ревизии. В частности, проверенные в сотнях эмпирических работ патентные индикаторы дискриминируются в пользу разнообразных качественных индикаторов, связь которых с инновациями, как минимум, неочевидна. Неочевидным следствием необоснованного многообразия индикаторов становится дискриминация инновационных систем, занимающих срединное положение. Инновационное развитие стран и регионов, находящихся посередине типичного РИР, – например, России и Хабаровского края – оценивается заведомо некорректно.

Главный недостаток типичного РИР нам видится в его неспособности описать «инновационное развитие» как таковое – возможно потому, что последнее в принципе нельзя свести

к одному числу. По сути же каждый такой композитный показатель даёт некий срез национальной (региональной) экономики, смещённый в сторону научно-образовательного сектора и высокотехнологичных отраслей. Но и их развитие оценивается недостаточно последовательно и весьма тенденциозно. Типичный РИР не даёт представления и о социально-экономических эффектах инноваций – основном предмете интереса академической науки. Очевидно, что использовать методологию композитных индикаторов в качестве основного способа сегментации и стратификации экономических объектов по признаку инновационного развития нецелесообразно.

Главным направлением преодоления описанных проблем и недостатков нам видится отказ от попыток измерить некое «инновационное развитие» страны и региона, сосредоточившись на отдельных аспектах (параметрах) инноваций и прежде всего – социально-экономических эффектах. Это направление разрабатывается с использованием композитных показателей, которые можно условно назвать «нетипичными» РИР [8; 26; 50; 56]. Их изучению и систематизации имеет смысл посвятить отдельное исследование.

Список литературы

1. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и её муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18–84.
2. Барина В.А., Земцов С.П. Рейтинги инновационного развития: зачем нужна новая методика России? // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6. С. 110–115.
3. Бельченко О.А., Кожевникова Т.М., Саятин А.В. Подходы к оценке инновационного уровня развития регионов // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 4. С. 10–14.
4. Бортник И.М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. 2013. № 11. С. 21–32.
5. Бортник И.М., Сенченя Г.И., Михеева Н.Н., Здунов А.А., Кадочников П.А., Сорокина А.В. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // Инновации. 2012. № 9. С. 25–38.
6. Домнич Е.Л. Патентный потенциал Дальневосточного федерального округа // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 115–130. DOI: 10.14530/se.2011.3.115-130
7. Домнич Е.Л. Экономический анализ структуры российского машиностроения: проблемы теории и практики // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 101–118. DOI: 10.14530/se.2014.1.101-118
8. Земцов С.П., Бабурин В.Л., Барина В.А. Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России // Креативная экономика. 2015. № 1. С. 35–52.
9. Киселёв В.Н. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации // Инновации. 2010. № 4. С. 44–55.
10. Крапина Е.И. 13-я пятилетка КНР: разворот к «зелёной экономике» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 69–77.
11. Мальцева А.А., Серов А.А., Ключникова Е.В., Барсукова Н.Е. Статистический анализ методических подходов к рейтинговой оценке регионов в инновационной сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–1. С. 273–283.
12. Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования // Инновации. 2017. № 9. С. 97–104.
13. Михеева Н.Н. К вопросу об инновационных рейтингах российских регионов // Современные производительные силы. 2013. № 2. С. 54–67.

14. *Найден С.Н., Белоусова А.В.* Методический инструментарий оценки благосостояния населения: меж-региональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 53–68. DOI: 10.17059/2018–1–5
15. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
16. Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. URL: http://i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf (дата обращения: 01.02.2019).
17. *Ряпухина В.Н.* Оценка эффективности инновационного развития регионов: методика и построение рейтингов // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 3. С. 391–403.
18. *Суворинов А.В.* О развитии инновационной деятельности в регионах России // Инновации. 2006. № 2. С. 49–54.
19. *Украинский В.Н.* Индексирование городской и региональной конкурентоспособности: плюсы и минусы // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 77–81. DOI: 10.14530/reg.2017.6
20. *Унтура Г.А., Есикова Т.Н., Зайцев И.Д., Морошкина О.Н.* Проблемы и инструменты аналитики инновационного развития субъектов РФ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 81–100.
21. *Andrew J.P., DeRocco E.S., Taylor A.* The Innovation Imperative in Manufacturing: How the United States Can Restore Its Edge. URL: <http://www.themanufacturinginstitute.org/~media/6731673D21A64259B081AC8E083AE091.ashx> (дата обращения: 01.02.2019).
22. *Billaut J.-C., Bouyssou D., Vincke P.* Should You Believe in the Shanghai Ranking? // Scientometrics. 2010. Vol. 84. № 1. Pp. 237–263. DOI: 10.1007/s11192-009-0115-x
23. *Bird S.M., Cox D., Farewell V.T., Goldstein H., Holt T., Smith P.C.* Performance Indicators: Good, Bad, and Ugly // Journal of the Royal Statistical Society. Series A. 2005. Vol. 168. № 1. Pp. 1–27. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2004.00333.x
24. *Botero J.C., Agrast M.D., Ponce A.* Rule of Law Index 2017–2018. URL: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2018-June-Online-Edition_0.pdf (дата обращения: 1.02.2019).
25. *Crespo N.F., Crespo C.F.* Global Innovation Index: Moving beyond the Absolute Value of Ranking with a Fuzzy-Set Analysis // Journal of Business Research. 2016. Vol. 69. № 11. Pp. 5265–5271. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.04.123
26. *Desai M., Fukuda-Parr S., Johansson C., Sagasti F.* Measuring the Technology Achievement of Nations and Capacity to Participate in the Network Age // Journal of Human Development. 2002. Vol. 3. № 1. Pp. 95–122. DOI: 10.1080/14649880120105399
27. Global Innovation Index Report 2007 (1st edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2007-Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
28. Global Innovation Index Report 2008–2009 (2nd edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2008-2009-Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
29. Global Innovation Index Report 2009–2010 (3rd edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2009-2010-Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
30. Global Innovation Index Report 2011 (4th edition). URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2011_Report.pdf (дата обращения: 01.02.2019).
31. Global Innovation Index Report 2012 (5th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2012-Report.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
32. Global Innovation Index Report 2013 (6th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2013.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
33. Global Innovation Index Report 2014 (7th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

34. Global Innovation Index Report 2015 (8th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
35. Global Innovation Index Report 2016 (9th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2016-v1.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
36. Global Innovation Index Report 2017 (10th edition). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2017.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
37. Global Innovation Index Report 2018 (11th edition). URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii_2018-report-new.pdf (дата обращения: 01.02.2019).
38. *Godin B.* Measurement and Statistics on Science and Technology: 1920 to the Present. London: Routledge, 2005. 382 p.
39. *Godin B.* National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective // Science, Technology & Human Values. 2009. Vol. 34. № 4. Pp. 476–501. DOI: 10.1177/0162243908329187
40. *Godin B.* Technological Gaps: An Important Episode in the Construction of S&T Statistics // Technology in Society. 2002. Vol. 24. № 4. Pp. 387–413. DOI: 10.1016/S0160-791X(02)00032-5
41. *Godin B.* The Linear Model of Innovation: The Historical Construction of an Analytical Framework // Science, Technology & Human Values. 2006. Vol. 31. № 6. Pp. 639–667. DOI: 10.1177/0162243906291865
42. *Griliches Z.* R&D and Productivity: The Econometric Evidence. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 394 p.
43. *Hand D.J.* Measurement Theory and Practice: The World Through Quantification. New York: John Wiley and Sons, 2009. 332 p.
44. Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and User Guide. URL: <https://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
45. *Hendrik W., Howard C., Maximilian A.* Consequences of Data Error in Aggregate Indicators: Evidence from the Human Development Index. URL: https://www.researchgate.net/publication/5137761_Consequences_of_Data_Error_in_Aggregate_Indicators_Evidence_from_the_Human_Development_Index (дата обращения: 01.02.2019).
46. Human Development Indices and Indicators 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 01.02.2019).
47. *López-Claros A., Mata Y.N.* Policies and Institutions Underpinning Country Innovation: Results from the Innovation Capacity Index // The Innovation for Development Report 2010–2011: Innovation as a Driver of Productivity and Economic Growth. Ed. by A. López-Claros. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 3–63.
48. *López-Claros A., Mata Y.N.* The Innovation Capacity Index: Factors, Policies and Institutions Driving Country Innovation // The Innovation for Development Report 2009–2010: Strengthening Innovation for the Prosperity of Nations. Ed. by A. López-Claros. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 3–65.
49. *Munda G., Nardo M.* Non-Compensatory/Non-Linear Composite Indicators for Ranking Countries: A Defensible Setting // Applied Economics. 2009. Vol. 41. № 12. Pp. 1513–1523. DOI: 10.1080/00036840601019364
50. *Nasir A., Ali T.M., Shahdin S., Rahman T.* Technology Achievement Index 2009: Ranking and Comparative Study of Nations // Scientometrics. 2011. Vol. 87. № 1. Pp. 41–62. DOI: 10.1007/s11192-010-0285-6
51. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. Ed. by R.R. Nelson. New York: Oxford University Press, 1993. 553 p.
52. *Paruolo P., Saisana M., Saltelli A.* Ratings and Rankings: Voodoo or Science? // Journal of the Royal Statistical Society. Series A. 2013. Vol. 176. № 3. Pp. 609–634. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2012.01059.x
53. *Ravallion M.* Troubling Tradeoffs in the Human Development Index. Washington, DC: The World Bank, 2010. 32 p.

54. Regional Innovation Scoreboard 2017. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/31491> (дата обращения: 01.02.2019).
55. Saltelli A. Composite Indicators between Analysis and Advocacy // Social Indicators Research. 2007. Vol. 81. № 1. Pp. 65–77. DOI: 10.1007/s11205-006-0024-9
56. Shahab M. Technology Achievement Index 2015: Mapping the Global Patterns of Technological Capacity in the Network Age. URL: https://www.academia.edu/23906892/Technology_Achievement_Index_2015 (дата обращения: 1.02.2019).
57. Sprumont Y. Ranking by Rating // Theoretical Economics. 2018. Vol. 13. № 1. Pp. 1–18. DOI: 10.3982/TE2446
58. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (дата обращения: 01.02.2019).
59. The Global Competitiveness Report 2009–2010. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2009-10.pdf (дата обращения: 01.02.2019).
60. The Global Competitiveness Report 2017–2018. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

References

1. Aivazian S., Stepanov V., Kozlova M. Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories). *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. 2006. No. 2. Pp. 18–84. (In Russian)
2. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Rating the Innovative Development of the Russian Regions: Why Does Russia Need a New Method? *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. 2016. No. 6. Pp. 110–115. (In Russian)
3. Belchenko O.A., Kozhevnikova T.M., Sayapin A.V. Approaches to the Assessment of the Innovative Level of Development of Regions. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes]. 2010. No. 4. Pp. 10–14. (In Russian)
4. Bortnik I.M., Zinov V.G., Kotsubinskiy V.A., Sorokina A.V. Indicators of Innovative Development of Russian Regions for the Purposes of Monitoring and Control. *Innovatsii* [Innovations]. 2013. No. 11. Pp. 21–32. (In Russian)
5. Bortnik I.M., Senchenya G.I., Mikheeva N.N., Zdunov A.A., Kadochnicov P.A., Sorokina A.V. A System of Measurement and Monitoring Innovative Activity in Russian Regions. *Innovatsii* [Innovations]. 2012. No. 9. Pp. 25–38. (In Russian)
6. Domnich Ye.L. Patent Potential of the Far Eastern Federal District. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2011. No. 3. Pp. 115–130. DOI: 10.14530/se.2011.3.115-130 (In Russian)
7. Domnich Ye.L. Economic Analysis of the Structure of Russian Engineering Industries: Theory and Practice Issues. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2014. No. 1. Pp. 101–118. DOI: 10.14530/se.2014.1.101-118 (In Russian)
8. Zemtsov S.P., Baburin V.L., Barinov V.A. How to Measure the Immeasurable? The Estimation of Innovative Potential of Regions of Russia. *Kreativnaya ekonomika* [Journal of Creative Economy]. 2015. No. 1. Pp. 35–52. (In Russian)
9. Kiselev V.N. Comparative Analysis of Innovation Activity of Subjects of the Russian Federation. *Innovatsii* [Innovations]. 2010. No. 4. Pp. 44–55. (In Russian)
10. Kranina E.I. 13th Five-Year Plan of China: Turn to «Green Economy». *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2017. No. 4. Pp. 69–77. (In Russian)

11. Maltseva A.A., Serov A.A., Klushnikova E.V., Barsukova N.Ye. Statistic Analysis of Methodical Approaches to Region Rating Assessment in Innovative Sphere. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Tula State University. Economics and Law]. 2014. No. 3–1. Pp. 273–283. (In Russian)
12. Mityakov S.N., Mityakova O.I., Murashova N.A. Innovative Development of the Regions of Russia: Methodology of Rating. *Innovatsii* [Innovations]. 2017. No. 9. Pp. 97–104. (In Russian)
13. Mikheeva N.N. On the Issue of Innovative Ratings of Russian Regions. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern Productive Forces]. 2013. No. 2. Pp. 54–67. (In Russian)
14. Naiden S.N., Belousova A.V. Methodological Tools to Assess of the Population Welfare: Interregional Comparison. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2018. No. 14. Pp. 53–68. DOI: 10.17059/2018–1–5 (In Russian)
15. *Rating of Innovative Development of Subjects of the Russian Federation*. Available at: <https://www.hse.ru/data/2017/06/22/1170263711/RIR2017.pdf> (accessed 1 February 2019). (In Russian)
16. *Rating of Innovative Regions of Russia: Version 2016*. Available at: http://i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf (accessed 1 February 2019). (In Russian)
17. Ryapukhina V.N. Assessment of the Effectiveness of Innovative Development of Regions: Methodology and Rating. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics]. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 391–403. (In Russian)
18. Suvorinov A.V. About Development of Innovative Activity in the Regions of Russia. *Innovatsii* [Innovations]. 2006. No. 2. Pp. 49–54. (In Russian)
19. Ukrainsky V.N. Indexing of Urban and Regional Competitiveness: pro et contra. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 77–81. DOI: 10.14530/reg.2017.6 (In Russian)
20. Untura G.A., Esikova T.N., Zaytsev I.D., Moroshkina O.N. Problems and Research Tools Developed the Level of Innovative Development of Russian Regions. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Herald of Novosibirsk State University. Social and Economic Sciences]. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 81–100. (In Russian)
21. Andrew J.P., DeRocco E.S., Taylor A. *The Innovation Imperative in Manufacturing: How the United States Can Restore Its Edge*. Available at: <http://www.themanufacturinginstitute.org/~media/6731673D21A64259B081AC8E083AE091.ashx> (accessed 1 February 2019).
22. Billaut J.-C., Bouyssou D., Vincke P. Should You Believe in the Shanghai Ranking? *Scientometrics*. 2010. Vol. 84. No. 1. Pp. 237–263. DOI: 10.1007/s11192-009-0115-x
23. Bird S.M., Cox D., Farewell V.T., Goldstein H., Holt T., Smith P.C. Performance Indicators: Good, Bad, and Ugly. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A*. 2005. Vol. 168. No. 1. Pp. 1–27. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2004.00333.x
24. Botero J.C., Agrast M.D., Ponce A. *Rule of Law Index 2017–2018*. Available at: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2018-June-Online-Edition_0.pdf (accessed 1 February 2019).
25. Crespo N.F., Crespo C.F. Global Innovation Index: Moving beyond the Absolute Value of Ranking with a Fuzzy-Set Analysis. *Journal of Business Research*. 2016. Vol. 69. No. 11. Pp. 5265–5271. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.04.123
26. Desai M., Fukuda-Parr S., Johansson C., Sagasti F. Measuring the Technology Achievement of Nations and Capacity to Participate in the Network Age. *Journal of Human Development*. 2002. Vol. 3. No. 1. Pp. 95–122. DOI: 10.1080/14649880120105399
27. *Global Innovation Index Report 2007 (1st edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2007-Report.pdf> (accessed 1 February 2019).
28. *Global Innovation Index Report 2008–2009 (2nd edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2008-2009-Report.pdf> (accessed 1 February 2019).

29. *Global Innovation Index Report 2009–2010 (3rd edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2009-2010-Report.pdf> (accessed 1 February 2019).
30. *Global Innovation Index Report 2011 (4th edition)*. Available at: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2011_Report.pdf (accessed 1 February 2019).
31. *Global Innovation Index Report 2012 (5th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/GII-2012-Report.pdf> (accessed 1 February 2019).
32. *Global Innovation Index Report 2013 (6th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2013.pdf> (accessed 1 February 2019).
33. *Global Innovation Index Report 2014 (7th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf> (accessed 1 February 2019).
34. *Global Innovation Index Report 2015 (8th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2015-v6.pdf> (accessed 1 February 2019).
35. *Global Innovation Index Report 2016 (9th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2016-v1.pdf> (accessed 1 February 2019).
36. *Global Innovation Index Report 2017 (10th edition)*. Available at: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2017.pdf> (accessed 1 February 2019).
37. *Global Innovation Index Report 2018 (11th edition)*. Available at: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii_2018-report-new.pdf (accessed 1 February 2019).
38. Godin B. *Measurement and Statistics on Science and Technology: 1920 to the Present*. London: Routledge, 2005. 382 p.
39. Godin B. National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective. *Science, Technology & Human Values*. 2009. Vol. 34. No. 4. Pp. 476–501. DOI: 10.1177/0162243908329187
40. Godin B. Technological Gaps: An Important Episode in the Construction of S&T Statistics. *Technology in Society*. 2002. Vol. 24. No. 4. Pp. 387–413. DOI: 10.1016/S0160-791X(02)00032-5
41. Godin B. The Linear Model of Innovation: The Historical Construction of an Analytical Framework. *Science, Technology & Human Values*. 2006. Vol. 31. No. 6. Pp. 639–667. DOI: 10.1177/0162243906291865
42. Griliches Z. *R&D and Productivity: The Econometric Evidence*. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 394 p.
43. Hand D.J. *Measurement Theory and Practice: The World Through Quantification*. New York: John Wiley and Sons, 2009. 332 p.
44. *Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and User Guide*. Available at: <https://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> (accessed 1 February 2019).
45. Hendrik W., Howard C., Maximilian A. *Consequences of Data Error in Aggregate Indicators: Evidence from the Human Development Index*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/5137761_Consequences_of_Data_Error_in_Aggregate_Indicators_Evidence_from_the_Human_Development_Index (accessed 1 February 2019).
46. *Human Development Indices and Indicators 2018*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (accessed 1 February 2019).
47. López-Claros A., Mata Y.N. Policies and Institutions Underpinning Country Innovation: Results from the Innovation Capacity Index. In: *The Innovation for Development Report 2010–2011: Innovation as a Driver of Productivity and Economic Growth*. Ed. by A. López-Claros. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 3–63.
48. López-Claros A., Mata Y.N. The Innovation Capacity Index: Factors, Policies and Institutions Driving Country Innovation. In: *The Innovation for Development Report 2009–2010: Strengthening Innovation for the Prosperity of Nations*. Ed. by A. López-Claros. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 3–65.

49. Munda G., Nardo M. Non-Compensatory / Non-Linear Composite Indicators for Ranking Countries: A Defensible Setting. *Applied Economics*. 2009. Vol. 41. No. 12. Pp. 1513–1523. DOI: 10.1080/00036840601019364
50. Nasir A., Ali T.M., Shahdin S., Rahman T. Technology Achievement Index 2009: Ranking and Comparative Study of Nations. *Scientometrics*. 2011. Vol. 87. No. 1. Pp. 41–62. DOI: 10.1007/s11192-010-0285-6
51. *National Innovation Systems: A Comparative Analysis*. Ed. by R.R. Nelson. New York: Oxford University Press, 1993. 553 p.
52. Paruolo P., Saisana M., Saltelli A. Ratings and Rankings: Voodoo or Science? *Journal of the Royal Statistical Society. Series A*. 2013. Vol. 176. No. 3. Pp. 609–634. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2012.01059.x
53. Ravallion M. *Troubling Tradeoffs in the Human Development Index*. Washington, DC: The World Bank, 2010. 32 p.
54. *Regional Innovation Scoreboard 2017*. Available at: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/31491> (accessed 1 February 2019).
55. Saltelli A. Composite Indicators between Analysis and Advocacy. *Social Indicators Research*. 2007. Vol. 81. No. 1. Pp. 65–77. DOI: 10.1007/s11205-006-0024-9
56. Shahab M. *Technology Achievement Index 2015: Mapping the Global Patterns of Technological Capacity in the Network Age*. Available at: https://www.academia.edu/23906892/Technology_Achievement_Index_2015 (accessed 1 February 2019).
57. Sprumont Y. Ranking by Rating. *Theoretical Economics*. 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.3982/TE2446
58. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (accessed 1 February 2019).
59. *The Global Competitiveness Report 2009–2010*. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2009-10.pdf (accessed 1 February 2019).
60. *The Global Competitiveness Report 2017–2018*. Available at: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (accessed 1 February 2019).

■ ■ ■
Для цитирования:

Домнич Е.Л. О типичных рейтингах инновационного развития стран и регионов // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 42–65. DOI: DOI: [10.14530/reg.2019.3.42](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.42)

For citing:

Domnich Y.L. On Typical National and Regional Innovation Indexes. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 42–65. DOI: DOI: [10.14530/reg.2019.3.42](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.42) (In Russian)

ТОМИЛОВ
Михаил
Владимирович

Младший научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

TOMILOV
Mikhail
Vladimirovich

Junior researcher
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tihookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

michael_tom@list.ru

© Томилов М.В., 2019

УДК 339.92 + 339.54

ОЦЕНКА ТОРГОВЫХ БАРЬЕРОВ В ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В статье проведена оценка внутрирегиональных торговых барьеров в интеграционных группировках Азиатско-Тихоокеанского региона посредством построения гравитационной модели внешней торговли стран региона и вычисления на её основе эффекта границы. В результате сделан вывод о том, что рассмотренные объединения (Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство) обладают небольшим потенциалом в аспекте возможных эффектов для стран-участниц от снижения торговых барьеров. Для достижения заметных эффектов соглашения о создании указанных союзов должны качественно отличаться от уже существующих двусторонних и многосторонних торговых форматов.

Торговая интеграция, торговые барьеры, гравитационная модель, эффект границы, АТР, ВПТТП, ВРЭП

THE ASSESSMENT OF TRADE BARRIERS WITHIN PROSPECTIVE INTEGRATION UNIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The article represents the assessment of interregional trade barriers within integration unions in the Asia-Pacific region made by APR trade gravitation model construction and the estimation of border effect based on it. As a result it is concluded that considered blocs (The Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership) have a small potential in terms of possible effects for their participants after reducing trade barriers within these groups. In order to achieve some tangible effects the agreements on the establishment of considered unions should be qualitatively different from existing bilateral and multilateral trade formats.

Trade integration, trade barriers, gravitation model, border effect, APR, CPTPP, RCEP

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук, проект «Перспективные интеграционные объединения стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (2019 г.).

Введение

С начала XX в. фиксируется значительный рост объёма торговых операций в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В указанных условиях обострилась конкуренция между основными экспортёрами региона: КНР, США, Японией и Республикой Корея. Одним из инструментов конкурентной борьбы стало заключение двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ) между странами АТР, что привело к ещё большему увеличению внутрирегионального товарооборота.

В последнее время страны региона фокусируются на заключении многосторонних торговых интеграционных соглашений в АТР: Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство (ВПТТП) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП). В условиях большого количества двусторонних ССТ возникает вопрос о потенциале и целесообразности создания новых форматов.

Под АТР в работе подразумеваются 20 стран¹, являющихся участниками ВПТТП и ВРЭП.

Целью исследования является оценка потенциала ВПТТП и ВРЭП в аспекте возможных эффектов для стран-участниц от снижения торговых барьеров. Торговые барьеры в настоящей работе оцениваются через эффект границы, рассчитанный посредством построения гравитационной модели внешней торговли стран АТР.

Активное изучение эффекта границы началось с работы Джона Маккаллума, в которой исследовано его влияние на торговлю между регионами Канады и США [26]. Согласно результатам решения гравитационного уравнения, торговля между регионами Канады оказалась в 22 раза интенсивнее торговли этих же регионов с регионами США, а торговля между регионами США – в 16 раз интенсивнее торговли этих же регионов с регионами Канады. В связи с этим был сделан вывод об огромном влиянии эффекта границы (торговых барьеров) на внешне-региональную торговлю.

Данный феномен относят к числу макроэкономических загадок [28]. Позднее экономисты посвятили большое количество исследований выяснению влияния эффекта границы на торговлю регионов США и Канады. Некоторые из них вводили дополнительные переменные в уравнение Маккаллума для приведения его в соответствие с теорией международной торговли. В частности, Дж. Хелливелл добавил индексы удалённости региона от всех остальных, кроме региона-партнёра [21]. Также учёные проверяли результаты решения гравитационных уравнений и полученных в результате значений эффекта границы для отдельных регионов Канады и США [22; 24], в том числе в зависимости от видов производимой регионами продукции (сырьё, полуфабрикаты, готовая продукция) [14; 15; 33], цен на продукцию в разных регионах [18], миграционных потоков [21], влияния общей национальной валюты [23], информационных барьеров и транспортных издержек [13].

Многие пытались доказать, что значение эффекта границы в работе Маккаллума слишком преувеличено [19]. В частности, посредством разных подходов к расчёту расстояний между регионами [20], методов расчёта издержек производства в регионах [10], а также внесения серьёзных изменений (наряду с регионами США и Канады учитывался остальной мир) [8] в гравитационную модель. Также рассматривалось влияние пространственной группировки стран и регионов на эффект границы [12]. В частности, было доказано, что чем больше рассматриваемый регион, тем меньше влияние эффекта границы на его торговлю.

Некоторые учёных перешли от изучения влияния эффекта границы в регионах США и

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Канада, Китай, Лаос, Малайзия, Мексика, Мьянма, Новая Зеландия, Перу, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Чили, Япония.

Канады на другие страны и объединения стран. Так, было исследовано влияние эффекта границы на японском рынке [31], на внутрирегиональную и внерегиональную торговлю стран Европейского союза [27] и ОЭСР [32], а также на китайско-американскую торговлю сельскохозяйственной продукцией [34]. Было рассчитано (посредством практически всех существующих гравитационных моделей) влияние эффекта границы на торговлю стран, расположенных на различных континентах: Европа, Африка, Азия, Северная и Южная Америки [25].

Вместе с тем в литературе практически отсутствуют исследования влияния эффекта границы на торговлю потенциальных торговых объединений, особенно функционирующих в АТР. В связи с этим в данной работе предпринята попытка оценить влияние эффекта границы на торговлю стран ВПТТП и ВРЭП.

Анализ торговых соглашений стран АТР

Средняя доля внутрирегиональной торговли исследуемых стран АТР в их товарообороте составляет 47,7%. При этом для стран ВРЭП указанный показатель равен 48%, для стран ВПТТП – 16,5%¹.

В качестве основных внерегиональных торговых партнёров указанных государств выступают США, Евросоюз, Бразилия и страны Персидского залива.

По состоянию на декабрь 2018 г. между исследуемыми странами АТР заключено 93 соглашения о свободной торговле, с внерегиональными партнёрами подписано 74 соглашения, 34 из которых приходится на Канаду, Чили, Перу и Мексику². Большая часть соглашений указанных стран приходится на страны Латинской Америки. Кроме того, налаживание интенсивного торгового сотрудничества вне рамок АТР характерно для Индии (6 соглашений) и Сингапура (8 соглашений).

На *рисунке 1* отображено заключение ССТ в мире и АТР по годам. Наибольший рост количества заключенных торговых соглашений в мире и АТР наблюдался с 2003 по 2014 гг. При этом для АТР до 2003 г. создание торговых союзов являлось редким явлением. В настоящий момент 30% всех ССТ заключено между 20 исследуемыми странами АТР. При этом с 2016 г. наблюдается значительное снижение темпов подписания новых соглашений и создания зон свободной торговли (ЗСТ). Указанный тренд также характерен и для других государств мира (с 2017 г.).

Данная ситуация свидетельствует о пересмотре странами последствий создания большого количества торговых союзов, изучении ими связанных с этим негативных тенденций. Наряду с этим большое влияние на снижение темпов торгового сотрудничества оказывают новая протекционистская политика США (торговые противоречия с Китаем, странами Евросоюза и партнёрами по НАФТА) и появившееся в этих условиях настороженное отношение других стран к заключению новых соглашений о свободной торговле.

На *рисунке 2* показано общее количество подписанных отдельными странами АТР торговых соглашений с другими государствами мира. Представленные данные свидетельствуют о том, что политика по увеличению числа торговых союзов характерна для Чили, Сингапура и Перу. Наименьшее количество заключённых ССТ наблюдается в Индонезии, Камбодже, Мьянме и Лаосе. Последние три страны значительно отстают от остальных стран АТР по экономическому развитию, имеют скромные объёмы экспорта и импорта. Поэтому другие государства не проявляют заинтересованности в подписании с ними соглашений о свободной торговле.

¹ Рассчитано автором на основе данных UN COMTRADE Database (<http://comtrade.un.org>).

² Рассчитано автором на основе данных WTO Regional Trade Agreements in Force Database (<http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>).

Рис. 1. Количество ССТ в мире и АТР с 1958 по 2018 гг.

Источник: составлено автором на основе данных WTO Regional Trade Agreements in Force Database ([http:// rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx](http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx)).

Рис. 2. Количество ССТ, заключённых странами АТР

Источник: составлено автором на основе данных WTO Regional Trade Agreements in Force Database ([http:// rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx](http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx)).

Как уже было сказано выше, начиная с 2016 г. количество заключаемых торговых соглашений снижается. Ещё одной причиной указанного процесса является переориентация стран с подписания двусторонних соглашений о свободной торговле на создание более эффективных многосторонних торговых форматов, включающих положения, касающиеся не только регулирования торговли, но и инвестиций, трудового, антимонопольного и экологического законодательства, регулирования государственных закупок и т.п.

В настоящее время в АТР существует два крупных многосторонних соглашения о создании ЗСТ – Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнёрство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (в стадии переговоров).

Первое соглашение о свободной торговле в 2004 г. заключили между собой Бруней, Новая Зеландия, Сингапур и Чили. В 2008 г. к переговорам присоединились США, которые смогли привлечь к обсуждению соглашения своих главных партнёров – Мексику и Канаду. С 2010 г. начались активные переговоры о заключении полноценного интеграционного соглашения с участием других государств, число которых постепенно расширялось и достигло в итоге двенадцати: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Перу, Чили, Япония, Малайзия, Сингапур, Бруней, Вьетнам [16]. Соглашение о создании Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) было подписано в феврале 2016 г. и передано на ратификацию в парламенты государств-участников.

В январе 2017 г. США по решению нового президента Д. Трампа вышли из ТТП. В ноябре 2017 г. 11 оставшихся стран ТТП достигли договорённостей по подписанию нового соглашения с минимальными изменениями. При этом с целью сохранения интереса Вашингтона в присоединении к партнёрству стороны сохранили в неизменном виде ряд положений, на которых настаивали США и которые были приняты странами для получения более широкого доступа на американский рынок. Эти положения вновь могут вступить в силу после присоединения США к ВПТТП [17]. В марте 2018 г. в Чили было подписано соглашение о создании ВПТТП. 30 декабря 2018 г. указанное соглашение вступило в силу. Страны-участницы нового объединения являются наиболее близкими по уровню экономического развития и внешнеторговому регулированию по сравнению с участниками ТТП, ВРЭП и АТЭС [5].

Текст соглашения разработан при ведущей роли США. В рамках документа планируется практически полная ликвидация к 2030 г. таможенных тарифов, охватывающих 99% тарифных позиций на все виды товаров и услуг. При этом для стран-участниц разработаны различные графики сокращения пошлин на отдельные товары (срок либерализации для некоторых товарных позиций достигает 35 лет). Наибольшие сроки либерализации предусмотрены для сельскохозяйственной продукции [6].

Кроме того, документ вводит жёсткие стандарты охраны интеллектуальной собственности, окружающей среды, соблюдения фитосанитарных норм, трудовых отношений и регулирования финансовых услуг [11]. Качественным отличием ВПТТП от других форм подобных соглашений стала существенная либерализация нетарифных ограничений, унификация правил определения страны происхождения товаров и укрепление режима защиты прав иностранных инвесторов, введение практики судебных споров между правительствами стран-участниц ТТП и коммерческими компаниями [3]. Поэтому указанное соглашение называют основанным на высоких стандартах¹. Для контроля за эффективным исполнением положений соглашения создаётся разветвлённая централизованная институциональная структура [4].

¹ По методологии ВТО с учётом включения четырёх сингапурских вопросов (инвестиции, конкурентная политика, содействие торговле и госзакупки) различают зоны высокого стандарта (все 4 вопроса), умеренные зоны (2–3 вопроса), ограниченные (1 вопрос), теневые – только либерализация торговли.

Концептуальное положение о создании ВРЭП изначально базируется на расширении масштабов торгово-экономических взаимодействий в рамках ЗСТ формата АСЕАН+6 [1]. Первые попытки продвижения указанного формата были предприняты в ходе саммитов стран АСЕАН 2006–2008 гг. С 2012 г. ВРЭП находится в статусе согласования интересов потенциальных участников¹. По состоянию на конец 2018 г. было проведено двадцать четыре раунда переговоров, но подписать соглашение сторонам так и не удалось. Страны согласовали только пять глав соглашения из восемнадцати².

В качестве основных причин сложившейся ситуации специалистами называются серьёзные различия в размерах и уровнях экономического развития стран-участниц, а также неготовность ряда стран (в первую очередь Индии) к торговой либерализации в таких крупных масштабах (более 90% товарных позиций) [30]. Опасения Индии связаны с возможной экономической экспансией Китая, а также обострением конкуренции со странами ВРЭП. Наряду с этим Нью-Дели настаивает на устранении барьеров в сфере торговли услугами, которая составляет 55% ВВП Индии [29]. При этом большинство стран ВРЭП рассматривают Индию в качестве обязательного участника партнёрства и сдерживающего КНР фактора, способного поддержать баланс и ограничить китайское влияние.

Проект соглашения включает условия содействия торговле и инвестициям, повышение прозрачности, экономическое и техническое сотрудничество, защиту прав интеллектуальной собственности, конкурентную политику и механизм разрешения споров. В сфере торговли товарами планируется устранить таможенные пошлины и нетарифные барьеры на практически всю взаимную торговлю товарами в целях формирования зоны свободной торговли. Соглашение будет включать общие правила страны происхождения товаров, разработку региональных стандартов, гармонизацию лицензирования и таможенных процедур, общий подход к тестированию и оценке соответствия [2].

Ключевыми отличиями ВРЭП от ТТП являются меньшая строгость положений соглашения, более мягкие правила регулирования деятельности государственных предприятий, трудовой и экологической политики. Кроме того, ВРЭП предусматривает большее количество исключений из тарифной либерализации (прежде всего это касается сельскохозяйственной продукции), а также послаблений для развивающихся стран [30].

Оценка эффекта границы посредством гравитационных моделей

Первым на наличие эффекта границы обратил внимание канадский учёный Д. Маккаллум. В своей статье, опубликованной в 1995 г., он оценил влияние указанного эффекта на торговлю канадских провинций между собой и с приграничными штатами США [26]. Оценка проводилась посредством включения в гравитационное уравнение (1) фиктивной переменной отсутствия (для канадских провинций) / наличия границы (со штатами США).

$$\log x_{ij} = \alpha_1 + \alpha_2 \log y_i + \alpha_3 \log y_j + \alpha_4 \log d_{ij} + \alpha_5 \delta_{ij} + \varepsilon_{ij}, \quad (1)$$

где x_{ij} – экспорт из региона i в регион j , y_i, y_j – ВРП регионов i и j , d_{ij} – расстояние между регионами i и j , δ_{ij} – фиктивная переменная наличия границы между регионами i и j (1 – отсутствие границы/для внутрирегиональной торговли, 0 – наличие границы / для внерегиональной торговли), ε_{ij} – случайная ошибка.

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония.

² <https://www.civildaily.com/story/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep/>

Как уже было сказано выше, решение данного уравнения показало значительное влияние присутствия границы на торговлю рассмотренных регионов Канады и США, то есть наличие большого количества торговых барьеров между странами.

Позднее Д. Хелливелл [21] в качестве показателей многостороннего сопротивления добавил в формулу Маккаллума индексы удалённости региона от всех остальных, кроме региона-партнёра (2). Оценка гравитационного уравнения, как и у Маккаллума, проводилась для регионов США и Канады. При этом результаты оценки эффекта границы также продемонстрировали высокие значения.

$$\log x_{ij} = \alpha_1 + \alpha_2 \log y_i + \alpha_3 \log y_j + \alpha_4 \log d_{ij} + \alpha_5 \log REM_i + \alpha_6 \log REM_j + \alpha_7 \delta_{ij} + \varepsilon_{ij}, \quad (2)$$

где x_{ij} – экспорт из региона i в регион j , y_i, y_j – ВВП регионов i и j , d_{ij} – расстояние между регионами i и j , REM_i – индекс удалённости, показывающий среднее расстояние столицы страны i от столиц всех торговых партнёров, кроме страны j , REM_j – индекс удалённости, показывающий среднее расстояние столицы страны j от столиц всех торговых партнёров, кроме страны i , δ_{ij} – фиктивная переменная наличия границы между регионами i и j (1 – отсутствие границы / для внутрирегиональной торговли, 0 – наличие границы / для внерегиональной торговли), ε_{ij} – случайная ошибка.

Индекс удалённости оценивался Хелливеллом по следующей формуле:

$$REM_i = \sum_{m \neq j} \frac{d_{im}}{x_m}, \quad (3)$$

где d_{im} – расстояние между столицами стран i и m , x_m – ВВП страны m .

Для приведения гравитационного уравнения в соответствие с теорией международной торговли Д. Андерсен и Э. ван Винкоп [8] заменили в нём индексы удалённости на индексы потребительских цен (4). Результаты оценки новой модели для регионов Канады и США показали уменьшение значения эффекта границы. В частности, торговля между регионами Канады оказалась в 14,5 раза интенсивнее торговли этих же регионов с регионами США, а между регионами США – в 1,62 раза интенсивнее торговли этих же регионов с регионами Канады.

$$\log x_{ij} = K + \log y_i + \log y_j + (1 - \sigma) \rho \log d_{ij} + (1 - \sigma) \log b_{ij} - (1 - \sigma) \log P_i - (1 - \sigma) \log P_j + \varepsilon_{ij}, \quad (4)$$

где x_{ij} – экспорт из региона i в регион j , y_i, y_j – ВВП регионов i и j , d_{ij} – расстояние между регионами i и j , b_{ij} – фиктивная переменная наличия границы между регионами i и j (1 – отсутствие границы / для внутрирегиональной торговли, 0 – наличие границы / для внерегиональной торговли), P_i, P_j – показатели многостороннего сопротивления, выраженные в индексах потребительских цен в регионах i и j , ε_{ij} – случайная ошибка.

Однако указанный способ оценки подвергся критике, поскольку он ограничивается только случаем симметричных торговых издержек для всех регионов [7; 9; 10].

В настоящей работе в качестве эффекта границы используется переменная наличия торгового соглашения или принадлежности к определённой группе стран (АТР, ВПТТП, ВРЭП), исследуется их влияние на товарооборот между партнёрами. На основе вышеназванных моделей [21; 26] было построено гравитационное уравнение (5) внешней торговли стран АТР:

$$\log y_{ij} = K + \alpha_1 \log x_i + \alpha_2 \log x_j + \alpha_3 \log d_{ij} + \alpha_4 \log REM_i + \alpha_5 \log REM_j + \alpha_6 FTZ + \varepsilon_{ij}, \quad (5)$$

где y_{ij} – товарооборот между странами i и j ¹, x_i , x_j – ВВП стран i и j ², d_{ij} – расстояние между столицами стран i и j ³, REM_i – индекс удалённости, показывающий среднее расстояние столицы страны i от столиц всех торговых партнёров, кроме страны j , REM_j – индекс удалённости, показывающий среднее расстояние столицы страны j от столиц всех торговых партнёров, кроме страны i , FTZ – фиктивная переменная наличия соглашения о свободной торговле между странами⁴ или принадлежности страны к АТР, ВРЭП, ВПТТП (1 – да, 0 – нет), ε_{ij} – случайная ошибка.

Показатель ВВП стран выбран в качестве меры экономического размера стран, расстояние между столицами государств – в качестве характеристики торговых издержек. В уравнение введены индексы удалённости стран в качестве показателя многостороннего сопротивления торговле. Его смысл заключается в том, что в случае повышения торговых барьеров страны i со всеми торговыми партнёрами товарооборот со страной j возрастает, и наоборот.

FTZ характеризует влияние эффекта наличия торгового соглашения или принадлежности стран к группе участников АТР, ВРЭП, ВПТТП на двустороннюю торговлю. Оценка указанной переменной (экспоненцированная⁵) показывает, во сколько раз торговля между странами соответствующей группы превосходит торговлю между странами группы и внегрупповыми партнёрами (за вычетом эффектов расстояния и экономических размеров).

Оценка эффекта границы для перспективных интеграционных объединений АТР

Для описания торговли стран региона отобраны ещё 20 государств⁶, на которые приходится 81% внерегионального товарооборота исследуемых 20 стран АТР. Собранные для проведения расчётов статистические данные относятся к 2016 г.

В **таблице 1** показана принадлежность стран к рассматриваемым группам (АТР, ВПТТП, ВРЭП).

Результаты оценки гравитационного уравнения представлены в **таблице 2**. Объясняющая способность построенных моделей колеблется от 64 до 66%. Все переменные являются значимыми (значение t-статистики выше 2).

Проведённые расчеты свидетельствуют о высокой зависимости торговли рассматриваемых стран от объёма их ВВП (при повышении ВВП на 1% товарооборот повышается на 1,01–1,12%). Расстояние также является чувствительной переменной, что свидетельствует о высоком потенциале снижения транзакционных издержек между странами (снижение на 1% повысит объём товарооборота на 0,46–0,77%).

¹ <http://comtrade.un.org>

² <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

³ Рассчитано автором с использованием географических координат столиц рассматриваемых государств.

⁴ <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

⁵ Наличие логарифмов в оцениваемом уравнении означает, что «прямые» эффекты получаются из оценок коэффициентов экспоненцированием [25].

⁶ Бельгия, Бразилия, Франция, Германия, Гонконг, Иран, Ирак, Италия, Кувейт, Нидерланды, Катар, Россия, ЮАР, Саудовская Аравия, Испания, Швейцария, Тайвань, ОАЭ, Великобритания, США.

Таблица 1

Принадлежность стран к группам: АТР, ВРЭП, ВПТТП

Страна	Группы		
	АТР	ВРЭП	ВПТТП
Австралия	+	+	+
Бруней	+	+	+
Вьетнам	+	+	+
Индия	+	+	
Индонезия	+	+	
Камбоджа	+	+	
Канада	+		+
Китай	+	+	
Лаос	+	+	
Малайзия	+	+	+
Мексика	+		+
Мьянма	+	+	
Новая Зеландия	+	+	+
Перу	+		+
Республика Корея	+	+	
Сингапур	+	+	+
Таиланд	+	+	
Филиппины	+	+	
Чили	+		+
Япония	+	+	+

Уравнение рассчитано для 4 вариантов (ССТ, ВРЭП, ВПТТП, АТР). Эффект границы (перемежная FTZ) в указанном случае становится оценкой «внутренней свободы торговли» групп. Чем она выше, тем более свободна торговля внутри группы (ниже внутригрупповые торговые барьеры). Наиболее свободной торговля оказывается в группе стран с уже заключёнными между собой торговыми соглашениями (FTA), наименее – в странах группы АТР. Внутри группы ВПТТП свобода торговли практически идентична уровню FTA, что объясняется наличием большого количества ССТ между участниками группы.

За вычетом эффектов экономического размера стран и расстояний между ними взаимная торговля между участниками ВПТТП превышает товарооборот с партнёрами вне ВПТТП в три раза. Фактически эта величина отражает разницу между уровнем торговых барьеров между странами ВПТТП и странами ВПТТП и внешним миром (чем она выше, тем ниже уровень барьеров внутри ВПТТП по отношению к барьерам вне группы).

Таблица 2

Результаты оценки гравитационного уравнения

Показатель	ССТ		ВРЭП		ВПТТП		АТР	
	коэффициент	ошибка	коэффициент	ошибка	коэффициент	ошибка	коэффициент	ошибка
K	20,47	1,39	19,4	1,47	21,81	1,41	21,5	1,41
x_i	1,08	0,04	1,12	0,04	1,12	0,04	1,12	0,04
x_j	1,01	0,05	1,07	0,05	1,05	0,05	1,05	0,05
d_{ij}	-0,46	0,09	-0,61	0,09	-0,76	0,09	-0,77	0,09
REM_i	-0,57	0,12	-0,44	0,12	-0,44	0,12	-0,46	0,12
REM_j	-0,63	0,12	-0,49	0,13	-0,61	0,13	-0,55	0,13
FTZ	1,12	0,16	0,98	0,22	1,11	0,28	0,73	0,22
«Эффект границы»	3,06		2,66		3,03		2,07	
Количество наблюдений	780		780		780		780	
R^2	0,66		0,65		0,65		0,65	
F-статистика	250,9		239,3		237,2		235	

Источник: рассчитано автором с использованием программного комплекса R-Studio.

Это означает, что страны ВПТТП торгуют друг с другом активнее, чем с внешним миром. С учётом более низких барьеров внутри ВПТТП ВРЭП оказывается более выгодным для его участников. При этом страны ВРЭП, участвующие в ВПТТП, получают максимальный эффект от последнего. В то же время КНР и Республика Корея могут пострадать от ВПТТП вследствие того, что снижение барьеров внутри ВПТТП будет соответствовать росту барьеров между ВПТТП и остальным миром. В этом случае заключение ВРЭП поможет Китаю и Южной Корее минимизировать ущерб от ВПТТП за счёт снижения торговых барьеров с отдельными странами, входящими и во ВРЭП, и в ВПТТП.

Заключение

Странами АТР уже заключено множество двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Эмпирическая оценка гравитационного уравнения свидетельствует о том, что торговые барьеры на границе ВПТТП оказываются выше, чем на границе ВРЭП. Уровень взаимной свободы торговли в рамках ВПТТП значительно превышает региональный (АТР) и фактически соответствует уровню многостороннего соглашения о свободной торговле (почти равен ФТА). Страны ВПТТП торгуют друг с другом активнее, чем участники ВРЭП. Однако разница составляет незначительную величину, как и сами эффекты принадлежности к определённой группе. Поэтому ожидать значительных эффектов для внутрирегиональной торговли (внутри ВПТТП и ВРЭП) от заключения этих соглашений не следует.

Кроме того, коэффициенты при переменных ВПТТП и ВРЭП ниже аналогичного для ССТ, то есть принадлежность двух стран к определённой региональной группе не оказывает

положительного эффекта на их взаимную торговлю, сравнимого с эффектом заключения этими странами торгового соглашения. Таким образом, если между странами, желающими вступить в указанные ЗСТ, уже заключены торговые соглашения, то для того, чтобы дать заметный эффект, ВПТТП и ВРЭП должны качественно отличаться от уже существующих двусторонних форматов.

Пока внимание на качественную составляющую присутствует только в соглашении о создании ВПТТП. В частности, основной упор при его подписании сделан не на снижении торговых барьеров, а на унификации законодательств, институтов, торгового и инвестиционного регулирования, повышении конкурентоспособности компаний и других положениях, направленных на нивелирование эффектов границы и расстояния.

Что касается ВРЭП, то основное внимание в соглашении уделяется сокращению торговых барьеров между странами, которые и так находятся на низком уровне. При этом следует отметить, что речь в большей степени идёт о сокращении торговых барьеров практически во всех областях, кроме чувствительной для всех участников сельскохозяйственной сферы.

Список литературы

1. Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. № 3. С. 86–100. DOI: 10.5281/zenodo.163479
2. Костюнина Г.М. Интеграционные модели формирования Восточноазиатского сообщества // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 33–48.
3. Потапов М.А. Экономическая интеграция в АТР: поиск моделей // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 57–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-57-65
4. Томилов М.В. Институциональные преобразования в рамках Транстихоокеанского партнерства // Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы. Тезисы IX Всероссийской научной конференции молодых ученых, Биробиджан, 03–04 октября 2017 г. / под редакцией Е.Я. Фрисмана, Н.Г. Баженовой, Д.М. Фетисова, М.Ю. Хавинсона, А.В. Досовой. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2017. С. 96–99.
5. Томилов М.В. Конфигурация зон свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнение интеграционных потенциалов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 84–106. DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106
6. Томилов М.В. Регулирование сельского хозяйства в рамках Транстихоокеанского партнерства // Молодые ученые Хабаровскому краю: материалы XIX краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 13-20 янв. 2017 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2017. С. 37–42.
7. Шумилов А.В. Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 2. С. 224–250.
8. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. № 1. Pp. 170–192. DOI: 10.1257/00028280321455214
9. Baldwin R., Taglioni D. Trade Effects of the Euro: A Comparison of Estimators // Journal of Economic Integration. 2007. Vol. 22. № 4. Pp. 780–818. DOI: 10.11130/jei.2007.22.4.780
10. Balistreri E.J., Hillberry R.H. Structural Estimation and the Border Puzzle // Journal of International Economics. 2007. Vol. 72. № 2. Pp. 451–463. DOI: 10.1016/j.jinteco.2007.01.001
11. Cimino-Isaacs C., Schott J.J. Trans-Pacific Partnership: An Assessment. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2016. 369 p.
12. Coughlin C., Novy D. Estimating Border Effects: The Impact of Spatial Aggregation. CEPR Discussion Papers. 2016. № 11226. 57 p. DOI: 10.20955/wp.2016.006

13. *Coughlin C., Novy D.* Is the International Border Effect Larger than the Domestic Border Effect? Evidence from U.S. Trade // CESifo Economic Studies. 2013. № 59. Pp. 249–276. DOI: 10.1093/cesifo/ifs002
14. *Evans C.* Border Effects and the Availability of Domestic Products Abroad // Canadian Journal of Economics. 2006. Vol. 39. № 1. Pp. 211–246. DOI: 10.1111/j.0008-4085.2006.00345.x
15. *Evans C.* The Economic Significance of National Border Effects // American Economic Review. 2003. Vol. 93. № 4. Pp. 1291–1312. DOI: 10.1257/000282803769206304
16. *Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R.* The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf>. (дата обращения: 10.12.2018).
17. *Fergusson I.F., Williams B.R.* TPP Countries near Agreement without U.S. Participation. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/IN10822.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
18. *Gorodnichenko Y., Tesar L.* Border Effect or Country Effect? Seattle May Not Be So Far from Vancouver After All // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. Vol. 1. № 1. Pp. 219–241. DOI: 10.1257/mac.1.1.219
19. *Havránek T., Irsová Z.* Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis // IMF Economic Review. 2017. Vol. 65. № 2. Pp. 365–396. DOI: 10.1057/s41308-016-0001-5
20. *Head K., Mayer T.* Illusory Border Effects: Distance Mismeasurement Inflates Estimates of Home Bias in Trade. CEPII Working Paper. 2002. № 1. 32 p.
21. *Helliwell J.F.* National Borders, Trade, and Migration // Pacific Economic Review. 1997. Vol. 2. № 3. Pp. 165–185. DOI: 10.1111/1468-0106.00032
22. *Helliwell J.* Do National Borders Matter for Quebec's Trade? // Canadian Journal of Economics 1996. Vol. 29. № 3. Pp. 507–522.
23. *Helliwell J., Schembri L.* Borders, Common Currencies, Trade, and Welfare: What Can We Learn From the Evidence? // Bank of Canada Review. 2005. Spring. Pp. 19–33.
24. *Helliwell J., Verdier G.* Measuring Internal Trade Distances: A New Method Applied to Estimate Provincial Border Effects in Canada // Canadian Journal of Economics. 2001. Vol. 34. № 4. Pp. 1024–1041. DOI: 10.1111/0008-4085.00111
25. *Magerman G., Studnicka Z., Van Hove J.* Distance and Border Effects in International Trade: A Comparison of Estimation Methods. URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2015-69> (дата обращения: 10.12.2018).
26. *McCallum J.* National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 3. Pp. 615–623.
27. *Nitsch V.* National Borders and International Trade: Evidence from the European Union // Canadian Journal of Economics. 2000. Vol. 33. № 4. Pp. 1091–1105. DOI: 10.1111/0008-4085.00055
28. *Obstfeld M., Rogoff K.* The Six Major Puzzles in International Macroeconomics: Is There a Common Cause? // NBER Macroeconomics Annual. 2000. Vol. 15. № 1. Pp. 339–390. DOI: 10.1086/654423
29. *Sanchita B.D.* RCEP and TPP: Comparisons and Concerns // ISEAS Perspective. 2013. № 2. Pp. 202–213.
30. *Schott J., Cimino-Isaacs C., Jung E.* Implication of the Trans-Pacific Partnership for the World Trading System. URL: <https://piie.com/system/files/documents/pb16-8.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
31. *Toshihiro O.* The Border Effect in the Japanese Market: A Gravity Model Analysis // Journal of the Japanese and International Economies. 2004. Vol. 18. № 1. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/S0889-1583(03)00047-9
32. *Wei S.* Intra-National Versus International Trade: How Stubborn are Nations in Global Integration? NBER Working Paper. № 5531. DOI: 10.3386/w5531
33. *Wolf H.* Patterns of Intra- and Inter-State Trade. NBER Working Paper. № 5939. DOI: 10.3386/w5939
34. *Zhu H., Gu H.* China-US Border Effect of Agricultural Trade Using Gravity Model // Computer and Computing Technologies in Agriculture II. 2009. Vol. 2. Pp. 891–900. DOI: 10.1007/978-1-4419-0211-5_12

References

1. Izotov D.A. Integration Processes in the Asia-Pacific Region: Dynamic and Structural Changes. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [Far Eastern Federal University Bulletin. Economics and Management]. 2016. No. 3. Pp. 86–100. DOI: 10.5281/zenodo.163479 (In Russian)
2. Kostyunina G.M. Integration Models of East Asian Community Formation. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign-Economic Bulletin]. 2015. No. 5. Pp. 33–48. (in Russian)
3. Potapov M.A. Economic Integration in the Asia-Pacific: in Search of Model. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2017. Vol. 61. No. 11. Pp. 57–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-57-65 (In Russian)
4. Tomilov M.V. Institutional Change within Trans-Pacific Partnership. In: *Territorial Studies: Goals, Results and Perspectives. Theses of IX Russian Scientific Conference of Young Researches, Birobidzhan, October 3–4, 2017*. Ed. by Ye.Ya. Frisman, N.G. Bazhenova, D.M. Fetisov, M.Yu. Havinson, A.V. Dosova. Birobidzhan, 2017. Pp. 96–99. (In Russian)
5. Tomilov M.V. Configuration of Free Trade Zones in the Asia-Pacific Region: Comparison of Integration Potentials. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 84–106. DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106 (In Russian)
6. Tomilov M.V. Agriculture Regulation within Trans-Pacific Partnership. In: *Young Researches to Khabarovskiy Kray: Theses of XIX Regional Competition of Young Researches and Postgraduates, Khabarovsk, January 13–20, 2017*. Khabarovsk, 2017. Pp. 37–42. (In Russian)
7. Shumilov A.V. Estimating Gravity Models of International Trade: A Survey of Methods. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE* [HSE Economic Journal]. 2017. Vol. 21. No. 2. Pp. 224–250. (In Russian)
8. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle. *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 1. Pp. 170–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
9. Baldwin R., Taglioni D. Trade Effects of the Euro: A Comparison of Estimators. *Journal of Economic Integration*. 2007. Vol. 22. No. 4. Pp. 780–818. DOI: 10.11130/jei.2007.22.4.780
10. Balistreri E.J., Hillberry R.H. Structural Estimation and the Border Puzzle. *Journal of International Economics*. 2007. Vol. 72. No. 2. Pp. 451–463. DOI: 10.1016/j.jinteco.2007.01.001
11. Cimino-Isaacs C., Schott J.J. *Trans-Pacific Partnership: An Assessment*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2016. 369 p.
12. Coughlin C., Novy D. *Estimating Border Effects: The Impact of Spatial Aggregation*. CEPR Discussion Papers. 2016. No. 11226. 57 p. DOI: 10.20955/wp.2016.006
13. Coughlin C., Novy D. Is the International Border Effect Larger than the Domestic Border Effect? Evidence from U.S. Trade. *CESifo Economic Studies*. 2013. No. 59. Pp. 249–276. DOI: 10.1093/cesifo/ifs002
14. Evans C. Border Effects and the Availability of Domestic Products Abroad. *Canadian Journal of Economics*. 2006. Vol. 39. No. 1. Pp. 211–246. DOI: 10.1111/j.0008-4085.2006.00345.x
15. Evans C. The Economic Significance of National Border Effects. *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 4. Pp. 1291–1312. DOI: 10.1257/000282803769206304
16. Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. *The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief*. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf> (accessed 10 December 2018).
17. Fergusson I.F., Williams B.R. *TPP Countries near Agreement without U.S. Participation*. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/IN10822.pdf> (accessed 10 December 2018).
18. Gorodnichenko Y., Tesar L. Border Effect or Country Effect? Seattle May Not Be So Far from Vancouver After All. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2009. Vol. 1. No. 1. Pp. 219–241. DOI: 10.1257/mac.1.1.219
19. Havránek T., Irsová Z. Do Borders Really Slash Trade? A Meta-Analysis. *IMF Economic Review*. 2017. Vol. 65. No. 2. Pp. 365–396. DOI: 10.1057/s41308-016-0001-5

20. Head K., Mayer T. *Illusory Border Effects: Distance Mismeasurement Inflates Estimates of Home Bias in Trade*. CEPII Working Paper. 2002. No. 1. 32 p.
21. Helliwell J.F. National Borders, Trade, and Migration. *Pacific Economic Review*. 1997. Vol. 2. No. 3. Pp. 165–185. DOI: 10.1111/1468-0106.00032
22. Helliwell J. Do National Borders Matter for Quebec's Trade? *Canadian Journal of Economics*. 1996. Vol. 29. No. 3. Pp. 507–522.
23. Helliwell J., Schembri L. Borders, Common Currencies, Trade, and Welfare: What Can We Learn From the Evidence? *Bank of Canada Review*. 2005. Spring. Pp. 19–33.
24. Helliwell J., Verdier G. Measuring Internal Trade Distances: A New Method Applied to Estimate Provincial Border Effects in Canada. *Canadian Journal of Economics*. 2001. Vol. 34. No. 4. Pp. 1024–1041. DOI: 10.1111/0008-4085.00111
25. Magerman G., Studnicka Z., Van Hove J. *Distance and Border Effects in International Trade: A Comparison of Estimation Methods*. Available at: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2015-69> (accessed 10 December 2018).
26. McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns. *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. No. 3. Pp. 615–623.
27. Nitsch V. National Borders and International Trade: Evidence from the European Union. *Canadian Journal of Economics*. 2000. Vol. 33. No. 4. Pp. 1091–1105. DOI: 10.1111/0008-4085.00055
28. Obstfeld M., Rogoff K. The Six Major Puzzles in International Macroeconomics: Is There a Common Cause? *NBER Macroeconomics Annual*. 2000. Vol. 15. No. 1. Pp. 339–390. DOI: 10.1086/654423
29. Sanchita B.D. RCEP and TPP: Comparisons and Concerns. *ISEAS Perspective*. 2013. No. 2. Pp. 202–213.
30. Schott J., Cimino-Isaacs C., Jung E. *Implication of the Trans-Pacific Partnership for the World Trading System*. Available at: <https://piie.com/system/files/documents/pb16-8.pdf> (accessed 10 December 2018).
31. Toshihiro O. The Border Effect in the Japanese Market: A Gravity Model Analysis. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2004. Vol. 18. No. 1. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/S0889-1583(03)00047-9
32. Wei S. *Intra-National Versus International Trade: How Stubborn are Nations in Global Integration?* NBER Working Paper. № 5531. DOI: 10.3386/w5531
33. Wolf H. *Patterns of Intra- and Inter-State Trade*. NBER Working Paper. № 5939. DOI: 10.3386/w5939
34. Zhu H., Gu H. China-US Border Effect of Agricultural Trade Using Gravity Model. *Computer and Computing Technologies in Agriculture II*. 2009. Vol. 2. Pp. 891–900. DOI: 10.1007/978-1-4419-0211-5_12

■ ■ ■
Для цитирования:

Томилов М.В. Оценка торговых барьеров в перспективных интеграционных объединениях стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 66–79. DOI: DOI: 10.14530/reg.2019.3.66

For citing:

Tomilov M.V. The Assessment of Trade Barriers within Prospective Integration Unions in the Asia-Pacific Region. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 66–79. DOI: DOI: 10.14530/reg.2019.3.66 (In Russian)

ДАШИБАЛОВА
Ирина
Николаевна

Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
ул. Сахьяновой, 6,
Улан-Удэ, Россия, 670047

Dashibalova
Irina
Nikolaevna

PhD in philosophy, senior
researcher

Institute of Mongolian Studies,
Buddhology and Tibetology,
Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences
6, Sakhyanovoy Street,
Ulan-Ude, Russia, 670047

dashibalonirina@gmail.com

УДК 316.64

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ К ГРАЖДАНАМ КИТАЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ВЗГЛЯДЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ

В данной статье изучено отношение жителей Бурятии к китайцам, живущим в Республике Бурятия и находящимся здесь в качестве трудовых мигрантов. Результаты социологического исследования 2018 г., базирующегося на анкетировании, фокус-группах и глубинных интервью, позволили охарактеризовать представления населения Бурятии о китайском этносе. Факторами межэтнического восприятия являются исторические связи с гражданами КНР, экономические связи и социальный фон, формируемый СМИ. В контексте политики сближения и перспектив взаимодействия с Китаем востребованы конструктивные взаимоотношения, готовность к двустороннему сотрудничеству и сокращение социокультурной дистанции.

Принимающее сообщество, социальная дистанция, поведенческие установки, китайцы, Бурятия, межэтнические отношения, Китай

ATTITUDE OF THE RESIDENTS OF BURYATIA TO THE CITIZENS OF CHINA: VIEWS, ATTITUDES, SOCIAL DISTANCE

This article examines the attitude of the inhabitants of Buryatia towards the Chinese living in the Republic of Buryatia and staying on the territory as labor migrants. The results of a sociological survey of 2018, based on questionnaires, focus groups and in-depth interviews, made it possible to characterize the ideas of the Buryatia population about the Chinese ethnos. Factors of interethnic perception are historical ties with citizens of the PRC, economic ties and the social background formed by the media. In the context of the policy of rapprochement and the prospects for interaction with China, constructive relations, readiness for bilateral cooperation and reduction of sociocultural distance are in demand.

Host community, social distance, behavioral attitudes, Chinese, Buryatia, interethnic relations, China

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

© Дашибалова И.Н., 2019

В связи с актуализацией стратегического взаимодействия России с Китаем, увеличением туристических потоков из КНР более востребованными стали исследования поведенческих установок жителей географически близких к Китаю российских регионов по отношению к историческим соседям. Важным фактором межгосударственного двухстороннего сотрудничества является понимание процессов взаимодействия жителей Бурятии и граждан Китая (в особенности живущих в приграничных провинциях), базирующееся на социологическом измерении.

Рассмотрению различных аспектов восприятия китайцев в общероссийском и региональном масштабах посвящён целый ряд работ. Серию публикаций на основе многолетних социологических исследований осуществили сотрудники Центра азиатско-тихоокеанских исследований и лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока [4, 5, 6]. Применение психологических методов замера межгрупповых отношений русских и китайцев проанализировано Международной лабораторией социокультурных исследований НИУ ВШЭ [2]. Актуальную для региона сравнительную информацию позволило получить исследование этнических стереотипов русских и китайцев, проведённое в Забайкалье и в приграничных городах Китая [12]. В связи с тем, что в г. Улан-Удэ в Бурятском государственном университете имени Д. Банзарова обучаются будущие специалисты-востоковеды, небезынтересно изучение взаимодействия местных студентов и выходцев из стран АТР. Рассмотрению особенностей восприятия студенческой молодёжи из Китая посвящены работы У. Ли и др. [7, 9, 11]. Изучение лояльности и этнофобных настроений, причин интолерантных настроений по отношению к трудовой (легальной и нелегальной) и образовательной миграции из Китая и в целом образа КНР в контексте приграничного региона актуализируется в работах В.Г. Гельбраса и др. [1, 3, 8]. Анализ научных публикаций, посвящённых изучению восприятия китайцев россиянами, свидетельствует о спокойном в целом отношении к гражданам Китая.

В Республике Бурятия в последние годы интенсифицируются экономические, культурные и деловые связи с Китаем. Опираясь на концепцию «Один пояс – один путь», российская и китайская стороны осуществляют взаимовыгодное сотрудничество. В частности, в 2017 г. с компанией «МТК-Дженькей» было подписано соглашение о намерении реализовать инвестиционный проект по созданию в республике комплекса лесной и лесоперерабатывающей инфраструктуры¹. В 2018 г. в республику была привлечена компания-инвестор ООО «Ванг Инвестмент» для строительства таможенно-логистического терминала в посёлке Наушки в граничащем с Монголией Кяхтинском районе. С «Центром облачных технологий» (КНР) заключено соглашение о намерениях по реализации проекта «Разработка компьютерного программного обеспечения: технология блокчейн (облачные вычисления)», который планируется реализовать в г. Гусиноозёрск. Фонд регионального развития республики и Хулунбуирская северо-восточная биолого-техническая компания «Фу Фэн» подписали соглашение о намерениях, предполагающее реализацию инвестиционного проекта по производству удобрений². Встречает ли подобная активизация международных контактов ответный оптимистичный отклик у местного населения, пассивное равнодушие или существуют элементы неприятия граждан Китая?

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность китайцев, постоянно проживающих в Республике Бурятия, составляла 1 014 человек (0,1% от численности всего населения республики). В сравнении с 2002 г. официальная численность китайцев

¹ <https://bgtrk.ru/news/economy/146303>

² <https://m.baikal-daily.ru/news/15/154398>

возросла в 1,6 раза. Китайцы, относящиеся к этническим меньшинствам, основали две региональные общественные организации на базе Дома дружбы народов Бурятии: в 1993 г. – «Землячество шэнэхэнских бурят из Китайской Народной Республики», в 2011 г. – «Центр китайской культуры». В Доме дружбы функционируют воскресная школа по изучению китайского языка и летние языковые лагеря.

В последние годы присутствие китайцев в республике возросло с учётом легальной и нелегальной трудовой миграции. Граждане Китая активно посещают Бурятию в качестве туристов. По данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, в первые девять месяцев 2017 г. каждый четвёртый турист (24,1%) прибывал из Китая¹.

Для сбора эмпирических данных об устойчивых образах и возможных конструируемых фобиях о китайцах у жителей Республики Бурятия в 2018 г. сектором социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН был использован инструментарий в форме анкеты, бланка глубинного интервью и топик-гайда фокус-групп. Исследование было осуществлено по заказу и при финансовой поддержке Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия. Число опрашиваемых и параметры отбора определялись на основе итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Генеральная совокупность составила 883 627 человек (население в возрасте 18 лет и старше). Было опрошено 744 человека: посредством анкетирования – 710 человек, в формате трёх фокус-групповых дискуссий – 24 человека, в ходе глубинных интервью – 10 человек. Отбор респондентов основывался на стратифицированной многоступенчатой выборке с применением квотных значений по взаимосвязанным параметрам на последней ступени отбора – пол, возраст, образование, национальность. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности: было опрошено 330 мужчин (46,48%) и 380 женщин (53,52%); в возрасте от 18 до 29 лет – 219 человек (30,85%), от 30 до 39 лет – 135 человек (19,01%), от 40 до 49 лет – 118 человек (16,62%), от 50 до 59 лет – 124 человека (17,46%), 60 и старше – 114 человек (16,06%); бурят – 215 человек (30,28%), русских – 458 человек (64,51%), представителей других национальностей – 37 человек (5,21%). Выборочная совокупность городского населения составила 360 человек (50,7%), сельского населения – 350 человек (49,3%). Исследование проводилось в г. Улан-Удэ и в пяти муниципальных районах республики (Кабанском, Кяхтинском, Иволгинском, Еравнинском и Северобайкальском).

Исходя из повседневных наблюдений, экспертных оценок, конструируемых в СМИ фоновых сообщений в ходе исследования был выяснен полюс отношений к гражданам, прибывающим из Китая, определена социальная дистанция между жителями Бурятии и конкретные поведенческие установки. Приемлемость межличностных отношений определялась на основе шкалы Э. Богардуса, включающей положительные и отрицательные значения брачных, дружеских, соседских, партнёрских и гражданских отношений [10].

Согласно полученным результатам, в принимающем обществе ввиду малой представленности китайцев не распространено массово представление об угрозе безопасности существования для местных. Что касается китайцев, присутствие которых носит обособленный полулегальный характер, то в настоящее время сложно определить их реальное количество. При этом есть сферы, которые без труда назовёт любой взрослый житель Бурятии, поскольку они либо визуально маркированы в г. Улан-Удэ (общепит (рестораны, закусочные), стройки, рынки), либо на слуху в отдалённых сельских районах (лесозаготовки, скупка шкур крупного рогатого

¹ <https://www.sibtourport.ru/sti-info/news/sti/content/22946>

ската). Негативная картина, складывающаяся благодаря синофобным роликам на youtube.com, регулярным негативным статьям о китайцах – трудовых мигрантах в местных СМИ и постам в социальных сетях, не коррелирует с умеренными высказываниями респондентов нашего исследования:

«Я думаю, что засилья мигрантов наверняка нет. Даже в сравнении с соседним Иркутском. Там прямо бросается в глаза. А здесь на стройках – китайцы, овощи и фрукты – азербайджанцы, но такого, чтоб они забирали у нас работу, я думаю, нет... Положительно всё равно, я думаю, что они за гораздо меньшие деньги готовы работать. Посмотришь, они днями и ночами на этой стройке работают, невзирая на погоду. Положительно для нашей экономики, для развития города» (фрагмент транскрипта фокус-группы № 1, участник № 4, г. Улан-Удэ, 4 октября 2018 г.).

В ходе миграции как социального процесса исторически закономерно происходила интеграция и аккультурация некоторой части китайских иммигрантов в Бурятии. В анкете был поставлен вопрос: «Как Вы лично относитесь к китайцам, которые живут в республике?». Эмпирические данные свидетельствуют о доброжелательном и нейтральном отношении местного населения к китайцам, живущим в республике. Негативные оценки имеют место быть, они не критичны, хотя и заслуживают своего рассмотрения.

Положительные чувства к китайцам выразила треть респондентов – в сумме соответствующие варианты ответов составили 34,93% («очень хорошо» – 18,73%, «скорее хорошо» – 16,2%). Нейтральное отношение к китайцам высказали 38,17% респондентов. На отрицательные варианты «скорее плохо» и «очень плохо» пришлось соответственно 12,39% и 6,06%, что свидетельствует о доминировании спокойного отношения к китайцам. 6,62% от числа опрошенных затруднились с ответом. Возможные причины синофобных настроений всплыли в комментариях участников фокус-группы № 1 – это проблема нерегулируемой лесозаготовки и аренда земель сельскохозяйственного назначения:

«Отношение местного населения, у нас нет такого, что резко отрицательного, я бы не сказала, что у нас прям есть. Может быть то, что касается земли, которую могут захватить китайцы, мы же этого боимся, конечно».

«Они ресурсы отсюда увозят, естественно, из-за этого неприязнь возникает. Недавно в Закаменском районе был скандал по поводу аренды лесов. Там же не стал вопрос, что приехали китайцы, а стал вопрос о том, что они хотят вырубить лес».

Последний случай стимулировал получившую резонанс акцию протеста, прошедшую в 2018 г. в Закаменске и Улан-Удэ, против предоставления в аренду «МТК-Дженькей» лесных участков для заготовки древесины на территории Закаменского района Республики Бурятия. Конфликт продемонстрировал малую информированность населения о содержании правительственных инициатив в отношении китайской стороны, недоверие населения к региональной власти, активизм общественников республики на фоне проблем с занятостью у сельчан и низкого уровня жизни жителей Республики Бурятия в целом¹. Прозвучавшая во время акции риторика утраты территории, захвата природных ресурсов была, очевидно, сконструирована «снежным комом» публикаций и социальными сетями. Субъективный негативный образ китайцев формируется в значительной мере не благодаря непосредственным контактам, а деятельности СМИ. Как отмечает Д.В. Кубарский, «источником негативной информации о китайских мигрантах являются российские СМИ. При этом передачи и статьи о современном Китае, его культуре, науке, экономике, быте простых китайцев можно перечесть по пальцам.

¹ https://life.ru/t/исследования/1124329/dienghi_protiv_liesa_kak_v_buriatii_zhitieli_chinovniki_i_kitaitsy_dieliat_taihu

«Рыночные и «газетные» впечатления противоречат полученным ранее позитивным знаниям, вызывают непонимание, недоумение, и, вопреки «теории культурного шока» С. Бочнера, уже титульный этнос (русские) испытывает своеобразный «культурный шок» при встрече с китайскими мигрантами. Такой когнитивный диссонанс может стать причиной негативного отношения русских к китайцам» [3, с. 120].

Анализ ответов в зависимости от места проживания респондентов показал, что доля горожан, выражающих нейтральное отношение к китайцам, несколько больше соответствующей доли жителей сельских районов республики (39,72% против 36,57%). Положительные оценки присутствия китайцев дала более чем треть сельчан – 36,28% («очень хорошо» – 17,14%, «скорее хорошо» – 19,14%), что чуть выше, чем у жителей Улан-Удэ – 33,61% («очень хорошо» – 20,28%, «скорее хорошо» – 13,33%).

В национальной республике в межэтнических отношениях и определении вектора отношений к иноэтничным мигрантам ведущую роль играет этничность. Результаты анкетирования показали, что доля бурят, позитивно настроенных по отношению к китайцам (37,2%), выше, чем у представителей других национальностей, живущих в Бурятии (35,14%), и у русских (33,84%).

Факторами успешного/неуспешного взаимодействия китайцев с принимающей средой являются частота контактов и сфера социального взаимодействия с местным населением. Респондентам в анкете было предложено указать сферу своей деятельности. Таким образом было выделено 13 ключевых социопрофессиональных структур: органы госуправления, органы муниципального управления, учреждения культуры, наука (образование, здравоохранение), спорт (туризм), СМИ, общественные организации и НКО, бизнес, сельское хозяйство, силовые структуры, торговля, транспорт (промышленность, энергетика, связь). Парное распределение ответов на вопрос об отношении к китайцам в зависимости от сферы трудовой деятельности показало, что вариант «отношусь очень хорошо» выбрала почти половина опрошенных представителей торговли (44%). В связи с этим можно предположить, что данный круг профессионалов общается с гражданами Китая регулярно и формирует комплиментарный набор этнических стереотипов. Позицию «скорее хорошо» выразили 50% представителей СМИ. Такую же долю составили респонденты из числа спортсменов и сотрудников туристических организаций, выразившие нейтральное отношение. Умеренные взгляды по отношению к китайцам демонстрируют также работники транспорта (52%), страховые агенты, сотрудники банков, налоговых органов (50%), бизнесмены (46,24%), работники сельского хозяйства (44,44%), силовых структур (40%). Четверть предпринимателей «очень хорошо» относится к китайцам, «скорее хорошо» – четверть военнослужащих, вариант «нейтрально» выбрало 40% руководителей предприятий.

Известно, что китайцы, живущие в Бурятии ввиду плотных исторических контактов с Китаем ещё с конца XIX в., прошли несколько волн ассимиляции. Распространены и до сих пор фиксируются межэтнические браки с жителями Поднебесной. В нашем исследовании постановкой вопроса «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» проводился замер социальной дистанции населения республики. Были приведены значения различных социальных кругов вплоть до ближайшего – супруга(и). Выявленные социальные диспозиции по отношению к китайцам демонстрируют высокую лояльность к ним почти половины опрошенных, причём именно в семейной сфере: либо в личных брачных связях, либо в виде перспективы брачного союза с китайцами своих детей. На наш взгляд, данная поведенческая установка является наглядным примером преобладания позитивного (и в какой-то мере прагматичного) образа китайцев (*табл. 1*).

Таблица 1

Ранжированный ряд ответов на вопрос
«В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности (китайцев)»?

Ранги	Варианты ответов	Доля респондентов, %
1	Мужа дочери или жены сына	47,01
2	Своего начальника	46,38
3	Супруга / супруги	45,73
4	Жителя своего города, села	41,43
5	Коллеги, партнёра по работе	41,39
6	Гражданина Бурятии	40,4
7	Близкого друга	39,66
8	Соседа по дому	38,75
9	Гражданина России	38,72
10	Туриста Бурятии	36,03
11	Ни в каком качестве	29,41

Примечание: значения получены на основе выбора респондентами более одного варианта ответа, в совокупности составивших более 100%.

Источник: расчёты автора.

Вышеприведённые данные позволили типологизировать жителей Бурятии по отношению к гражданам КНР по параметру социальной дистанции в зависимости частоты и близости контактов. Более трети респондентов относятся одобрительно к ним как туристам, не возражают принимать их в качестве сограждан РФ, одобрительно смотрят на них в качестве соседей по дому. Около половины респондентов считает, что китайцы имеют право получить гражданство Республики Бурятия, стать жителями города или села по месту опроса. Значимую долю ответивших составляют люди, указавшие вероятность быть подчинённым китайцу-начальнику. Приемлемость партнёрских и дружеских связей, то есть принятие китайцев на эмоциональном уровне в сфере близких межличностных контактов, свидетельствует о короткой социальной дистанции местных жителей с ними и готовности к постоянному взаимодействию.

Остановимся также на распределении социально-демографические параметров респондентов (*табл. 2*). Видно, что каждый третий мужчина и каждая третья женщина Бурятии положительно воспринимают китайцев (35,76 и 34,21% соответственно составили суммарные оценки вариантов «очень хорошо» и «скорее хорошо»).

Таким образом, проведённое исследование обнаружило преобладание положительных и нейтральных образов китайцев в массовом сознании населения Бурятии. Благожелательные установки имеет примерно треть жителей Бурятии. У групп местного населения, выделенных по разным социальным и демографическим критериям (полу, возрасту, месту проживания, национальности и уровню образования), восприятие китайцев очень схоже.

Таблица 2

Сравнительное распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к китайцам?»
в зависимости социально-демографических признаков
(в % от числа ответивших по столбцам)

Варианты ответов	Пол		Возраст					Образование		
	муж.	жен.	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и ст.	основное/среднее общее	начал. профес./сред. специал.	высш.
Очень хорошо	19,27	18,42	23,29	11,94	17,8	19,67	18,42	20,54	16,8	18,88
Скорее хорошо	16,21	15,79	16,89	19,4	11,02	14,75	16,67	17,44	13,28	18,37
Нейтрально	38,53	38,16	40,18	45,52	42,37	22,95	38,6	38,37	40,62	34,69
Скорее плохо	13,46	11,58	7,76	14,18	16,1	18,85	8,77	12,02	12,5	12,76
Очень плохо	6,73	5,53	6,39	4,48	6,78	5,74	7,02	4,65	7,42	6,21
Затрудняюсь ответить	4,59	8,42	5,02	4,48	5,08	13,11	7,02	5,43	6,64	8,16
Нет ответа	1,22	2,11	0,46	0	0,85	4,92	3,51	1,55	2,73	1,02

Источник: расчёты автора.

Несмотря на присутствие в российском контенте СМИ сообщений о «китайской угрозе», экономической экспансии и её экологических последствиях, результаты массового опроса демонстрируют спокойное отношение населения к пребыванию туристов и мигрантов из Поднебесной. С учётом низкого уровня жизни в регионе вряд ли произойдёт массовый приток граждан Китая. Неформализованные мнения опрошенных свидетельствуют об отсутствии неприязни, враждебности к китайцам и одобрении их трудовых ценностных ориентаций. Диспозиционное положение «образа китайцев» в общественном мнении принимающего общества демонстрирует приемлемость семейно-брачных стратегий по отношению к ним. Вместе с тем, именно акцент на стратегию семейного благополучия и регулярные «вбросы» о «китайской угрозе» являются свидетельствами нестабильности, обращения к решению внутренних проблем с помощью внешних источников и поиска причин неблагополучия извне.

Представленные в работе данные отражают некоторые тенденции в отношениях местного населения и китайцев. Для более полного прогноза требуется детализация социологического инструментария и мониторинг ситуации.

Список литературы

1. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.
2. Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. DOI: 10.17759/chp.2018140206
3. Кубарский Д.В. Психологические особенности восприятия китайских мигрантов русским населением Хабаровска // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 106–124.

4. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян (часть первая) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 111–123.
5. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5–19.
6. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 5–33. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00017
7. Ли У. Ценностные ориентации китайской молодёжи: сравнительная характеристика приоритетов столичного и регионального студенчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2009. № 4. С. 40–46.
8. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. № 2. С. 347–358.
9. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Образы стран-соседей в восприятии студенческой молодёжи (по результатам социологических исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 4. С. 109–117.
10. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 240 с.
11. Трофимова Е.Л., Терехова Т.А. Межэтническое взаимодействие студентов из стран АТР как условие психологической безопасности // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).5
12. Янков А.Г. Синофобия – русофобия: реальность и иллюзии // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 65–71.

References

1. Gelbras V.G. *Russia in the Context of Global Chinese Migration*. Moscow, 2004. 203 p. (In Russian)
2. Grigoriev D.S., Batkhina A.A., Dubrov D.I. Assimilationism, Multiculturalism, Colorblindness and Polyculturalism in the Russian Context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 53–65. DOI: 10.17759/chp.2018140206 (In Russian)
3. Kubarsky D.V. Psychological Features of the Perception of Chinese Migrants by the Russian Population of Khabarovsk. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2005. No. 2. Pp. 106–124. (In Russian)
4. Larin A.G. Russian-Chinese Relations and Chinese Migrants in the Assessment of Russians (Part 1). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2008. No. 5. Pp. 111–123. (In Russian)
5. Larin V.L., Larina L.L. East Asia in the Public Opinion in Russia's Pacific (According to the Survey in 2013). *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. 2014. No. 2. Pp. 5–19. (In Russian)
6. Larin V.L., Larina L.L. Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia toward China (According to Survey 2017). *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. 2018. No. 2. Pp. 5–33. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00017 (In Russian)
7. Lee W. Value System of Chinese Youth: The Comparative Analysis of Metropolitan and Regional Students' Priorities. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2009. No. 4. Pp. 40–46. (In Russian)
8. Maksimov S.G., Morkovkina A.G. Civil and Ethnic Identities as Markers of Inter-Ethnic Relations in the Russian Border Regions. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2016. No. 2. Pp. 347–358. (In Russian)
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Images of Neighboring Countries in the Perception of Students (Results of

Sociological Studies). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2011. No. 4. Pp. 109–117. (In Russian)

10. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. *Methods of Ethnic and Cross-Cultural Psychology*. Moscow, 2011. 240 p. (In Russian)

11. Trofimova Ye.L., Terekhova T.A. Interethnic Interaction of Students from the APR Countries as a Condition of Psychological Security. *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. No. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).5 (In Russian)

12. Yankov A.G. Sino Phobia vs. Russo Phobia: Realities and Illusions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010. No. 3. Pp. 65–71. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Дашибалова И.Н. Отношение населения Бурятии к гражданам Китая: представления, взгляды, социальная дистанция // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 80–88. DOI: [10.14530/reg.2019.3.80](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.80)

■ ■ ■
For citing:

Dashibalova I.N. Attitude of the Residents of Buryatia to the Citizens of China: Views, Attitudes, Social Distance. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 80–88. DOI: [10.14530/reg.2019.3.80](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.80) (In Russian)

УКРАИНСКИЙ**Вадим
Николаевич**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

UKRAINSKY**Vadim
Nikolaevich**

Ph.D. in economics,
research fellow
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

УДК 332.1 + 316 + 91

**ДОСУГ В ТЕНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА:
ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ВОПРОСОВ**

В работе рассматриваются вопросы, которые связаны с разработкой исследовательской программы, посвящённой изучению досуга горожан в пригороде. Внимание акцентируется на проблемах понятийно-терминологического характера, определении исследовательского фокуса и использовании сравнительно нового аналитического инструментария.

Досуг, досуговые практики, дачи, вернакулярные районы, конкуренция мест

**LEISURE IN THE SHADOW OF BIG CITY:
RESEARCH QUESTIONS**

The article is concerned the issues that are related to the development of a research program devoted to the study of leisure of citizens in the suburbs. Attention is focused on the problems of conceptual and terminological nature, the definition of research focus and the use of relatively new analytical tools.

Leisure, leisure practice, dachas, vernacular areas, competition of places

Экономическая жизнь человека состоит не только из работы, но и из досуга; и досуг ... в некотором смысле более важен для рассмотрения, чем работа; ведь не досуг существует для работы, а скорее работа для досуга.

Г. Тард, «Экономическая психология» [38, р. 119]

Введение

Город, особенно если он крупный, «обязан» предоставить людям, в нём проживающим, не только разнообразные рабочие места – источник доходов, но и разнообразные способы проведения досуга. Казалось бы, всё просто. Дихотомия «работа – досуг» подкупает своей простотой.

Однако при ближайшем рассмотрении соответствующего исследовательского поля под названием «досуг горожан» картина перестаёт быть такой контрастной и наполняется массой полутонов. Многие занятия людей не могут быть отнесены ни к работе как источнику дохода, ни к досугу как свободному времени. Ярлык «городской досуг» становится не таким уж уместным, если учитывать то обстоятельство, что город активно вовлекает в свою «досуговую» орбиту прилегающие территории. Горожане в пригородной зоне среди прочих форм досуга активно занимаются тем, что традиционно связывается с сельской местностью: работают «на земле». Что, впрочем, не превращает их, пусть и временно, в сельских жителей, а соответствующие территории вместе с тем вряд ли можно называть сельскими (даже если таковой статус они продолжают формально сохранять).

Перечень таких «неопределённостей» можно было бы продолжать очень долго. В настоящей работе мы постараемся чуть более подробно остановиться на некоторых из них и обозначить те важные методологические вопросы, которые, как представляется, должен перед собой ставить исследователь, стремящийся изучить более частную проблему – «досуг горожан в пригороде».

Неуловимый досуг

Первый вопрос, с которым сталкиваешься: а что же такое досуг? Как уже было отмечено выше, простого ответа здесь нет. И то, что существует проблема адекватного понятийного аппарата, отражено в одной из свежих отечественных работ, посвящённых «досуговой» тематике: «кажется принципиально важным собрать другую оптику, другую систему различений, для которой отправной точкой будут конкретные «формы времяпрепровождения» конкретных людей. А значит, нужен другой – не экономикоцентричный и не марксистский – словарь» [3, с. 7].

Досуговая проблематика в научном дискурсе актуализировалась после Второй мировой войны, когда граждане в первую очередь ведущих экономических держав (а затем и многих других, не таких развитых) столкнулись с ростом свободного времени. Уже в 1950-е гг. зарубежные исследователи сформулировали ряд положений, которые можно считать фундаментом современной «теории досуга».

В первую очередь, конечно, обозначилась проблема дефиниции, обусловленная многообразием конкретных форм досуга. Как в своё время писал Дж. Соул, «досуг – это слово, которое часто используется, но редко определяется. Под ним может рассматриваться отдых, безделье, игра или рекреация. Любое или все эти занятия могут иногда составлять досуг, но, конечно,

они не идентичны ему. Люди во время досуга могут сосредоточиться на занятиях спортом или занятиях интеллектуальной деятельностью. Они могут быть заняты в производстве чего-либо для себя или для других, например, в садоводстве, строительстве или ремонте дома, полезных социальных мероприятиях, рисовании, театре, музыке» [35, р. 16].

В том же 1957 г. Ж. Дюмазедье опубликовал работу, в которой в качестве маркера для отграничения времени досуга использовал факт наличия/отсутствия у человека тех или иных обязательств: «...Досуг определяется не сам по себе, но в первую очередь по отношению к профессиональным обязанностям ..., а также по отношению к обязанностям домашней, семейной, социальной, гражданской, духовной жизни» [33, р. 79].

В конечном счёте Дюмазедье сформулировал следующее определение досуга: «Досуг – это изменчивый и сложный ансамбль занятий, которым человек добровольно посвящает себя, чтобы расслабиться или развлечься, усилить своё социальное участие, развить свои вкусы, свои знания или способности, освободившись от всех обязанностей¹, профессиональных, семейных или социальных» [33, pp. 79–80].

Конечно, все вопросы обозначенный выше подход не решил. Уже в 1960-е гг. Э. Хьюз писал: «Досуг, или время, свободное от работы, разнится в порядке, обратно пропорциональном рабочему времени. Но, кроме обязанности работать за плату, люди, безусловно, имеют другие обязанности, которые также разнятся в зависимости от возраста, пола, положения в семье, места в обществе и других обстоятельств. ... Дорога на работу и с работы, домашние дела, забота о детях, другая деятельность различного рода, а также развлечения, отдых и заботы об аксессуарах отдыха – всё это требует времени. Существуют разные мнения о том, какие из этих видов деятельности заслуживают названия «досуг»» [29, с. 71–72].

В куда более близкой по времени публикации к настоящему моменту работе С. Ловелл, по сути, был вынужден «развёрнуто прокомментировать» столь дискуссионный термин: «Досуг – это не работа, однако кроме этого он включает массу других вещей. ... По мнению большинства людей, досуг предполагает определённую степень индивидуального выбора и самостоятельности в том, как использовать нерабочее время. Он представляет собой свободу от обязанностей, связанных с зарабатыванием на жизнь, и психофизиологических императивов, таких как еда, сон, покой, а также освобождение от обременительных и практически неизбежных нетрудовых обязательств (домашние дела, забота о детях, ... посещения зубного врача и т.д.). Отсюда можно исключить и определённые публичные, в высшей степени ритуализованные, обременённые условностями и de facto принудительные формы культуры развлечений, вроде балов, парадов и других празднеств подобного типа². Таким образом, досуг часто представляется одним из важнейших атрибутов современной западной цивилизации» [12, с. 141]. Другими словами, речь опять-таки идёт о многоаспектном, сложном феномене, к которому много что можно отнести и, вместе с тем, из которого много что нужно исключить.

Казалось бы, вышеприведённые описания досуга должны уменьшить «степень свободы» исследователя, приступающего к изучению соответствующей проблематики. Однако во многих современных отечественных публикациях, посвящённых рассмотрению досуга, часто можно обнаружить понятийно-терминологическую чехарду. То свободное время (время досуга) оказывается эго-сфокусированным «временем, которое человек посвящает себе любимому (любимой)» [2, с. 83], то досуг, по сути, редуцируется исключительно до отдыха, поскольку

¹ Здесь, пожалуй, требуется уточнение: досуг, тем не менее, может предполагать выполнение обязательств, которые человек, по сути, сам возлагает на себя

² Как тут не вспомнить, по контрасту, вебленовский «праздный класс», который в такой современной трактовке досуга, как оказывается, может быть весьма загружен выполнением различных обязанностей, не являющихся банальным ничегонеделанием.

он меняет свою «ориентированность в зависимости от существующей моды на отдых» [16, с. 245], и т.д.

Пожалуй, особого внимания заслуживают попытки типологизации досуга, предпринятые в стенах Института социологии РАН и нашедшие своё отражение в целом ряде работ¹. При этом, правда, соответствующим типологиям² существует широко представленная в зарубежных публикациях альтернатива, во многом базирующаяся на наработках Роберта Стеббинса, известного канадского исследователя досуговой проблематики³.

Однако предложенные Стеббинсом генерализованные типы досуга, основными из которых являются «обычный» досуг (*casual leisure*) и «серьёзный» досуг (*serious leisure*), не устроили отечественных исследователей. В частности, приводится следующая аргументация в пользу использования именно «доморощенной» отечественной типологии: «...Привлекательная с содержательной точки зрения типология мало применима к российской действительности, поскольку масштабы вовлечённости в «серьёзный» досуг в России, как показывают исследования, в целом невелики и сильно уступают по масштабам распространённости «несерьёзному» досугу. «Несерьёзный» же досуг охватывает слишком большую группу населения, «размывает» её, делает «неподъёмной» для анализа» [22, с. 62].

Данные аргументы представляются малоубедительными⁴, особенно в свете того, что в рамках регулярных опросов россиян, результаты которых демонстрируются в указанных отечественных работах, с одной стороны, постоянно фигурируют способы проведения досуга, которые ни в коей мере не противоречат тем разновидностям досуга, которые Стеббинс отнёс к «обычному» досугу, с другой стороны, в качестве ординарных досуговых практик в «общем ряду»⁵ фигурируют, по сути, целые классы досуговых форм [7, с. 259; 17, с. 220; 25, с. 86], выделенные Стеббинсом в рамках «серьёзного» досуга. В частности, к таковым можно отнести хобби, которое, среди прочего, включает в себя такую крайне разнообразную в содержательном плане досуговую деятельность, как коллекционирование⁶. Сложно представить, что в России так мало коллекционеров, а тем более больших любителей садоводства или, например, вязания, что при проведении полевых исследований соответствующие вариации просто не учитываются и скидываются в одну недифференцированную «большую кучу», называемую «хобби».

Подытоживая настоящий параграф, отметим следующее: попытки «изобретения велосипеда» в деле изучения досуга на отечественной почве при игнорировании вполне опера-

¹ См., в частности, соответствующие главы в серии монографий [7; 17; 25].

² Справедливости ради нужно отметить, что появившееся позже типологии в этом ряду не вносили радикальных новшеств в предшествующие версии.

³ См., в частности, [24; 36; 37].

⁴ Аргументы же Стеббинса, предлагающего достаточно простой отличительный критерий для отделения серьёзного досуга от обычного (последний – это «относительно недолгая приятная деятельность, требующая незначительного или не требующая никакого специального обучения» [24, с. 68]), вполне понятны и не вызывают больших вопросов.

⁵ С инструментально-методических позиций попытки использования при анкетировании закрытых вопросов, посвящённых предпочитаемым респондентами досуговым формам (при фантастическом количестве и разнообразии последних) и в то же самое время не предполагающих выделения как раз таки укрупнённых (генерализованных) категорий, могут вызывать только недоумение. Но такое в отечественных публикациях встречается очень часто. Более того, в перечни предлагаемых респондентам досуговых форм регулярно попадают, например, работа по дому и уход за детьми. Хотя, казалось бы, ещё несколько десятилетий назад советские социологи, нисколько не чужаясь такой формы солидарности со своими коллегами из капиталистических стран, не относили соответствующие занятия к свободному времени (см., например, [19, с. 244–245]).

⁶ Как отмечает А.Н. Малинкин, «списки видов и предметов коллекционирования в принципе не могут быть ни полными, ни тем более исчерпывающими» [13, с. 103].

циональных понятий, типологий и т.п., используемых за рубежом, представляются малоперспективными. Нужно всего лишь внимательно изучать чужой опыт и применять его в рамках соответствующих исследований, лишь в случае реальной необходимости адаптируя имеющиеся наработки.

Детские болезни «дачеведения»

Безусловно, одно из самых первых слов, приходящих на ум при рассмотрении связки «досуг – окрестности современного российского города», – дача. Что, в принципе, неудивительно в свете тех эпитетов, которыми часто сопровождается социальный феномен, скрывающийся за этим словом. Чего стоят, например, следующие «черты к портрету»: «дачу можно рассматривать как один из основополагающих институтов, важную составляющую образа социальной жизни современных россиян» [21, с. 76].

Зарубежные исследователи здесь, наверное, ни в чём не уступают отечественным авторам в оценках значимости феномена. Например, М. Колдуэлл свою последнюю из посвящённых российским дачам работу резюмирует так: «В конечном счёте то, что раскрывает мир дачи с его акцентом на еду, семью и будущее, которое всегда несёт с собой прошлое, – это внутренние парадоксы и сложности, которые формировали повседневную жизнь россиян на протяжении последних двух столетий. ... Возможно, самое важное, что в качестве микрокосма противоречий, присущих повседневной российской жизни, дачный мир показывает, что русское наследие никогда не исчезает, а всегда переделывается, как и личности и роли людей, которые создают это наследие» [32, р. 189].

Собственно, вклад зарубежных учёных в постижение феномена именно российских дач¹ оказался более чем заметным на фоне (будем надеяться, пока что) достаточно небольшого пласта отечественных работ. Как отмечает А.И. Трейвиш, «мы, как водится, слишком долго дремали и попросту проспали феномен, развивавшийся буквально на наших глазах, часто с нашим личным практическим участием» [27, с. 30].

Ввиду относительной молодости отечественного дачеведения ему присуща вполне понятная и простибельная несбалансированность исследовательского интереса. О чём идёт речь? Дело в том, что во многих работах соответствующей тематики, начиная с относительно недавних, но всё-таки «пионерных», до совсем свежих², акценты смещены в сторону изучения (описания, типологизации³ и т.д.) дач и дачных участков как физических объектов. Это усиливается ещё и постоянным подчёркиванием «жилищной функции», выполняемой дачами (как вторым жилищем).

Возьмём в качестве примера пассаж, в котором И. Браде описывает текущее состояние и перспективы «дачного дела» в России: «Пространственная структура постсоветских пригородов крупных городов с начала 1990-х гг. значительно изменилась. Она стала более разнообразной и всё ещё находится в процессе изменений. В частности, социальная дифференциация субурбий российских городов пока не завершена. Но основные функции современных дачных посёлков отчётливо выражены и в будущем не будут существенно меняться – дачи и в дальнейшем будут использоваться как часть общей городской и сельской жилплощади, то есть в качестве второго жилища, но всё более и более круглогодично. С повышением уровня жизни

¹ В частности, здесь можно отметить целый ряд работ, в том числе весьма объёмных [11; 12; 28; 31; 32].

² Приведём лишь небольшой перечень: [9; 14; 15; 27].

³ Получение «всеобщей типологии дач (вторых жилищ)» [27, с. 30] – именно таким образом может восприниматься конечная, но пока недостижимая цель «дачеведческих» изысканий. Что, конечно же, будет сильным заужением их потенциала.

отдых в собственном доме на природе будет оставаться важной потребностью, в то время как выращивание овощей всё больше превращается в хобби, нежели необходимость» [1, с. 37].

В приведённом фрагменте обратим внимание на два момента. Во-первых, это указанный выше упор на «жилищную» функцию дач как основную. В отношении последнего есть некоторые сомнения: действительно ли в массе своей современные российские горожане (неважно, актуальные это дачевладельцы или потенциальные) рассматривают дачи в качестве пусть и второстепенного, но «настоящего» жилья, того самого «второго дома» (second home), фигурирующего в соответствующей зарубежной литературе? Во-вторых, за изменением «продовольственной» роли дач скрываются, как представляется, более значимые трансформации – изменения в социальных практиках тех самых дачников, в данном случае – усиление интересующей нас досуговой составляющей.

Конечно, проведение параллелей с зарубежным массивом исследований, посвящённых «вторым домам», может быть полезным и даже само по себе составлять отдельное направление «дачеведческих» изысканий компаративистского характера¹. Действительно, «структура площади садовых участков граждан по видам использования позволяет судить об их современных функциях» [14, с. 64]. Однако, будучи, по сути, результатом осуществления разнообразных дачных практик, «артефактами», дачи и дачные участки являются пусть и более удобным, но всё-таки не идеальным индикатором изменений в тех самых «формах времяпрепровождения» людей. Пока же «всеобщая типология» дачников, позволяющая исследовать глубинные характеристики (структурные, динамические) дачного феномена в России, ещё не появилась. Во всяком случае, автору настоящей работы таковая не известна.

О вернакулярных районах и не только

Безусловно, дачи являются лишь одной из форм «интервенции» города в окружающее его пространство. Помимо дачного досуга существует разнообразие (может быть и не такое широкое, как в самом городе, но всё-таки достаточно большое) досуговых (но не только) практик, которые горожане осуществляют в непосредственной близости от города. В результате в пригородах происходят значительные трансформации². Вот как К.В. Григоричев характеризует подобного рода изменения применительно к Иркутску: «Собственно сельского пространства в ближайших к городам агломерации селах уже не осталось. Субурбанизация как новый способ взаимодействия Города и Села активно преобразует иркутские пригороды, уже не формируя отдельные локусы иного социального пространства, а задавая масштабный тренд развития пригорода в целом, создавая качественно новую модель развития его пространства и сообществ» [5, с. 50].

Итогом вторжения горожан в пригороды становятся как положительные, так и отрицательные эффекты весьма широкого спектра: экономические, экологические и т.д. В частности, многие досуговые практики в пригородах предполагают использование различных услуг, предоставляемых соответствующими экономическими агентами (неважно, фирмами или отдельными гражданами). При росте числа горожан, проводящих своё свободное время вблизи

¹ Например, некоторую «пищу для размышлений» можно получить из такого рода данных: «История показывает, что богатым удавалось совмещать город с деревней за счёт двух домов. ... И всё же эта модель не получила широкого распространения, поскольку строительство двух домов – крайне дорогой для горожан способ приобщения к природе. Из общего жилого фонда Америки, насчитывающего 128 млн объектов, немногим более трёх миллионов являются вторыми домами, предназначенными исключительно для отдыха» [4, с. 301–302].

² Литература, посвящённая современным российским пригородам, достаточно обширна. Сошлёмся лишь на один коллективный труд, по которому можно получить представление о широте и разнообразии исследуемых проблем [30].

города, бурный расцвет «белого» бизнеса, вместе с тем, отнюдь не гарантирован, поскольку сфера услуг «предоставляет значительно больше возможностей для реализации деловой активности в сфере неформальной экономики» [6, с. 55]. И это нужно учитывать в современных российских реалиях.

Приступая к изучению досуга горожан в современных российских пригородах, исследователю важно уделить внимание не только богатому спектру проблем, важных для рассмотрения. Вопрос исследовательского инструментария также важен. И здесь, как представляется автору, есть возможности для расширения области применения такого концепта, как «вернакулярный район».

Пока объём отечественной литературы, посвящённой вернакулярным районам, достаточно невелик¹. Основной акцент в описании сути этого «импортированного» понятия делается, как правило, на идентификаторах (в том числе наименованиях), присваиваемых жителями тем или иным территориям: «под вернакулярным районом понимается район, который осознан самими жителями, но у него нет автора-районолога, а есть (может быть) лишь географ, который изучит артефакты, отражающие сознание местных жителей, опросит их и на этом основании оконтурит район и даст ему характеристику как району, а его жителям – как территориальной общности людей, сплочённых проживанием на единой территории» [23, с. 45]. Другими словами, в качестве вернакулярных фигурируют районы проживания.

Однако рассматриваемое понятие без каких-либо видимых затруднений может быть применено и к местам (во всяком случае типичным) концентрации досуговых практик горожан, причём как внутригородским, так и загородным: «физическое место – это пространство, которое наделено общим пониманием соответствующих форм поведения и культурных ожиданий» [34, р. 32]. На практике, собственно, мы и можем часто наблюдать использование соответствующих обозначений применительно к тем или иным местам пригородного досуга (дачам, пляжному отдыху, рыбалке и т.д.): в ответ на вопрос о местоположении своей дачи горожанин, скорее всего, назовёт не точный адрес, а устоявшееся в народных кругах название «района».

Впрочем, рассмотрение вернакулярных районов в рамках исследования проблем пригородного досуга представляется важным с точки зрения отнюдь не только удовлетворения любопытства учёного, но и решения исключительно прикладных вопросов территориального управления. Дело в том, что в случае вернакулярных досуговых районов именно они выступают основным объектом в конкуренции мест². Как представляется, введение «в оборот» вернакулярных досуговых районов не только позволит решать чисто академические задачи, но и будет способствовать принятию более эффективных решений, связанных с использованием потенциала соответствующих мест досуга, вопросами межмуниципального и даже межрегионального взаимодействия.

Заключение

Как пишет М. Сторпер, «изучение роста и изменений регионов и городов – одна из важнейших задач общественных наук. Города и регионы, как любые другие географические измерения экономических систем, – это сложные процессы экономического развития, движимые бесчисленными взаимодействующими силами. ... Не стоит надеяться, что какая-либо определённая область научных знаний сможет дать исчерпывающие ответы на все вопросы, особенно в такой сложной сфере взаимодействия человека и технологий, как пространственная эконо-

¹ Сошлёмся лишь на некоторые из работ такого рода [10; 18; 20; 23].

² Некоторое представление о взглядах автора на последнюю можно получить из [8].

мика. ... Развитие городов и регионов – сложное и многослойное явление. В большинстве случаев оно не может быть объяснено с помощью одной научной дисциплины или теории» [26, с. 20].

В частности, А.И. Трейвиш следующим образом описывает складывающееся в России «дачеведение»: «Не как хорошо оформленная и вполне признанная дисциплина, а на стыке разных отраслей знания: истории, географии, демографии, социологии, экологии, экономики, архитектуры, теории и методов планирования вообще и территориального особенно, многих иных ветвей и веточек гуманитарных и естественных наук» [27, с. 30].

Дачи – лишь одним из локусов досуговых практик горожан. «Пригородное досуговедение», по всей видимости, нуждается не в меньшем наборе дружащих между собой дисциплин. Что повышает требования к исследователю, поставившему перед собой задачу по изучение этого сверхсложного феномена.

Список литературы

1. Браде И. Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с Запада // Известия РАН. Серия: Географическая. 2014. № 4. С. 33–38.
2. Бутенко И.А. Свободное время богатых и бедных // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 82–89.
3. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия // Логос. 2019. № 1. С. 1–26.
4. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 432 с.
5. Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2–2. С. 44–51.
6. Григоричев К.В. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска // Идеи и идеалы. 2013. № 4. С. 51–61.
7. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
8. Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Конкуренция на рынке местоположений // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 70–76. DOI: 10.14530/reg.2017.6
9. Казаков С.Г. Экономико-географические особенности курских дач // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 1. С. 92–102. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-1-92-102
10. Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
11. Ловелл С. Дачники: история летнего жилья в России, 1710–2000. СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.
12. Ловелл С. Досуг в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136–173.
13. Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 192 с.
14. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 4. С. 60–68.
15. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 204–216.

16. Нуксунова А.М. Досуговое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 2. С. 231–246.
17. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
18. Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира. М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 46–56.
19. Патрушев В.Д. Образ жизни: тенденции развития свободного времени // Социология и проблемы социального развития. М.: Наука, 1978. С. 241–252.
20. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
21. Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9. № 2. С. 63–79. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.063-079
22. Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.
23. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М. – Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
24. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.
25. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.
26. Сторнер М. Ключи от города: Как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018. 368 с.
27. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
28. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. 384 с.
29. Хьюз Э. Работа и досуг // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 68–81.
30. Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.
31. Caldwell M.L. Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside. Berkeley: University of California Press, 2011. 222 p.
32. Caldwell M.L. Dacha Labors: Preserving Everyday Soviet Life // Gender and Food in Late Soviet Everyday Life. Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2019. Pp. 165–192.
33. Dumazedier J. Ambiguïté du loisir et dynamique socio-culturelle // Cahiers internationaux de sociologie. 1957. Vol. 22. Pp. 75–96.
34. Elkington S. Disturbance and Complexity in Urban Places: The Everyday Aesthetics of Leisure // Landscapes of Leisure: Space, Place and Identities. Ed. by S. Gammon, S. Elkington. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 24–40.
35. Soule G. The Economics of Leisure // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1957. Vol. 313. Pp. 16–24. DOI: 10.1177/000271625731300106
36. Stebbins R.A. Casual Leisure: A Conceptual Statement // Leisure Studies. 1997. Vol. 16. № 1. Pp. 17–25. DOI: 10.1080/026143697375485
37. Stebbins R.A. Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2016. 197 p.
38. Tarde G. Psychologie économique. Tome premier. Paris: Felix Alcan, 1902. 383 p.

References

1. Brade I. Between Dacha and Fashionable Residence. View from the West. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Series: Geographical]. 2014. No. 4. Pp. 33–38. (In Russian)
2. Butenko I.A. Quality of Leisure Time among the Poor and the Rich. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1998. No. 7. Pp. 82–89. (In Russian)
3. Vakhshayn V., Maiatsky M. Contingent Labor – Forced Leisure. A Discussion. *Logos*. 2019. No. 1. Pp. 1–26. (In Russian)
4. Glaeser E. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Moscow, 2014. 432 p. (In Russian)
5. Grigoriev K.V. From Settlement to Suburb: Outskirts of Irkutsk in the Last Third of the XXth – the Early XXIth Century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]. 2012. No. 2–2. Pp. 44–51. (In Russian)
6. Grigoriev K.V. Transformation of the Economic Field of the Suburb of Irkutsk. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2013. No. 4. Pp. 51–61. (In Russian)
7. *Twenty Years of Reforms through the Eyes of Russians: The Experience of Long-Term Sociological Measurements*. Moscow, 2011. 328 p. (In Russian)
8. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Competition in the Market of Places. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 70–76. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.6
9. Kazakov S.G. Economic-Geographical Features of Dachas near Kursk. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Natural Sciences]. 2019. No. 1. Pp. 92–102. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-1-92-102 (In Russian)
10. Kazakova G.M. «The Vernacular Area» as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. № 9. Pp. 57–65. (In Russian)
11. Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. S.-Petersburg, 2008. 347 p. (In Russian)
12. Lovell S. Leisure in Russia: Free Time and Its Uses. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2005. No. 2. Pp. 136–173. (In Russian)
13. Malinkin A.N. Collector. Essay on Research in the Sociology of Culture. Moscow, 2011. 192 p. (In Russian)
14. Makhrova A.G. Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2015. No. 4. Pp. 60–68. (In Russian)
15. Nefedova T.G. Citizens and Dachas. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. 2012. No. 3. Pp. 204–216. (In Russian)
16. Nuksunova A.M. Leisure Behavior of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. 2010. No. 2. Pp. 231–246. (In Russian)
17. *What the Russians Dream about: The Ideal and the Reality*. Moscow, 2013. 400 p. (In Russian)
18. Pavlyuk S.G. Key Issues of the Study of Vernacular Areas. In: *Territorial Structure of the Economy and Society of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2009. Pp. 46–56. (In Russian)
19. Patrushev V.D. *Lifestyle: Trends in the Development of Free Time*. In: *Sociology and Problems of Social Development*. Moscow, 1978. Pp. 241–252. (In Russian)
20. Puzanov K.A. Territorial Borders of Urban Communities. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2013. No. 3. Pp. 27–38. (In Russian)
21. Rozmainsky I.V., Lozhnikova A.V., Kichko N.I., Khloptsov D.M. Dacha in Post-Soviet Russia: Institutional Analysis. *Journal of Institutional Studies*. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 63–79. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.063-079 (In Russian)

22. Sedova N.N. Leisure-Time Activities of Russian Citizens. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009. No. 12. Pp. 56–69. (In Russian)
23. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)
24. Stebbins R.A. Free Time: Toward the Optimal Style of Leisure (A Look from Canada). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2000. No. 7. Pp. 64–72. (In Russian)
25. *The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later*. Moscow, 2018. 312 p. (In Russian)
26. Storper M. *Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development*. Moscow, 2018. 368 p. (In Russian)
27. Treyvish A.I. «Dachevedenie» as the Science of the Second House in the West and in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the RAS. Series: Geographical]. 2014. No. 4. Pp. 22–32. (In Russian)
28. Humphrey C. *Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Sketches*. Moscow, 2010. 384 p. (In Russian)
29. Hughes E.C. *Work and Leisure*. In: *American Sociology: Perspectives, Problems, Methods*. Moscow, 1972. Pp. 68–81. (In Russian)
30. *What Do We Know about Contemporary Russian Suburbs?* Ulan-Ude, 2017. 220 p. (In Russian)
31. Caldwell M.L. *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley: University of California Press, 2011. 222 p.
32. Caldwell M.L. *Dacha Labors: Preserving Everyday Soviet Life*. In: *Gender and Food in Late Soviet Everyday Life*. Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2019. Pp. 165–192.
33. Dumazedier J. Ambiguity of Leisure and Socio-Cultural Dynamics. *Cahiers internationaux de sociologie* [International Notebooks of Sociology]. 1957. Vol. 22. Pp. 75–96. (In French)
34. Elkington S. Disturbance and Complexity in Urban Places: The Everyday Aesthetics of Leisure. In: *Landscapes of Leisure: Space, Place and Identities*. Ed. by S. Gammon, S. Elkington. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 24–40.
35. Soule G. The Economics of Leisure. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1957. Vol. 313. Pp. 16–24. DOI: 10.1177/000271625731300106
36. Stebbins R.A. Casual Leisure: A Conceptual Statement. *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. № 1. Pp. 17–25. DOI: 10.1080/026143697375485
37. Stebbins R.A. *Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2016. 197 p.
38. Tarde G. *Economic Psychologie. Vol. I*. Paris: Felix Alcan, 1902. 383 p. (In French)

■ ■ ■
Для цитирования:

Украинский В.Н. Досуг в тени большого города: постановка исследовательских вопросов // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 89–99. DOI: [10.14530/reg.2019.3.89](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.89)

For citing:

Ukrainsky V.N. Leisure in the Shadow of Big City: Research Questions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 89–99. DOI: [10.14530/reg.2019.3.89](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.89) (In Russian)

**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис****Хананович**

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Khananovich**

Doctor in economics, professor, chief researcher
Economic Research

Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com

**АРКТИКА – ТЕРРИТОРИЯ ДИАЛОГА
И ОКЕАН ВОЗМОЖНОСТЕЙ****THE ARCTIC – TERRITORY OF DIALOGUE
AND AN OCEAN OF POSSIBILITIES**

Первая половина нынешнего 2019 года явилась весьма «урожайной» на экономические конференции, посвященные исследованиям как национальных проблем развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), так и международных проблем развития арктической зоны мира.

Только краткий перечень этих конференций выглядит весьма внушительно:

– Международная конференция «Ушаковский форум», посвященная проблемам развития Арктики (21 февраля 2019 г., Финуниверситет, Москва);

– XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (9–12 апреля 2019 г., ВШЭ, Москва), включавшая специальную секцию «Арктические исследования»;

– V Санкт-Петербургский международный экономический Конгресс (СПЭК–2019) «Форсайт «Россия»: Будущее технологий, экономики и человека» (3 апреля 2019 г., ИНИР им. С.Ю. Витте, Санкт-Петербург), который включал круглый стол, посвященный арктическим проблемам;

– Всероссийская конференция с международным участием II Юдахинские чтения «Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий» (24–28 июня 2019 г., Архангельск).

Венчал этот список конференций по Арктике первой половины текущего года крупнейший V Международный арктический форум «Арктика – территория диалога», который состоялся 8–10 апреля 2019 г. в Санкт-Петербурге.

Последнее мероприятие требует особого комментария в связи с его масштабностью, широчайшим охватом арктической тематики и научной и прикладной значимостью рассматриваемых на этом форуме проблем.

Нынешний форум собрал на своей площадке более 3 600 представителей российских и международных политических, научных и деловых кругов, общественности, ведущих средств массовой информации. Это в полтора раза

больше, чем во время прошлого форума, состоявшегося в 2017 г. Выросло количество стран, принимающих участие в мероприятии: в 2017 г. – 31 страна, в 2019 г. – 52 государства. Самыми многочисленными стали делегации из Китая, Норвегии, Финляндии, Швеции, США, Дании, Исландии, Канады и Японии.

Архитектура деловой программы была разделена на три основных трека: «Прибрежные территории», «Открытый океан» и «Устойчивое развитие». За три дня работы в формате сессий, обсуждений, питч-сессий, лекций было проведено 49 мероприятий. В форуме приняли участие 129 глав российских и 12 глав иностранных компаний.

Также в форуме приняли участие Президент Российской Федерации Владимир Путин, Президент Финляндии Саули Ниинистё, Президент Исландии Гудни Торлациус Йоханнессон, Премьер-министр Норвегии Эрна Сульберг, Премьер-министр Швеции Стефан Левен, Министры иностранных дел Дании и Норвегии Андерс Самуэльсен и Ине Мари Эриксен-Сёрэйде. На форум прибыли представители по вопросам Арктики министерств иностранных дел 8 иностранных государств, а также Европейского союза. Россию представляли семь федеральных министров, 10 руководителей федеральных агентств и служб, а также главы 15 субъектов Российской Федерации.

Ключевым событием деловой программы форума стало пленарное заседание «Арктика. Океан возможностей». В своём выступлении Владимир Путин подчеркнул, что уже в этом году в России намерены подготовить и принять новую стратегию развития российской Арктики до 2035 г. Она должна объединить мероприятия национальных проектов и государственных программ, инвестиционные планы инфраструктурных компаний, программы развития арктических регионов и городов. Президент РФ особо отметил, что по ключевым социально-экономическим показателям, по качеству жизни людей все арктические регионы необходимо вывести на уровень не ниже среднероссийского.

Несколько секций форума было посвящено текущим проблемам и перспективам развития Северного морского пути (Севморпути). Специалисты и эксперты обсудили предложения по повышению эффективности организации плавания судов, совершенствованию мониторинга ледовой обстановки и навигационно-гидрографического обеспечения в акватории Севморпути, развитию инфраструктуры морских портов, а также по формированию грузовой базы и созданию ледокольного флота.

Несколько секций форума было посвящено и такой весьма важной проблеме, как наличие и экологически контролируемые возможности использования богатейших запасов природных ресурсов Арктики. Прежде всего речь шла о перспективах и проблемах освоения нефтегазовых месторождений. В силу истощаемости ресурсов нефти и газа в традиционных районах добычи в будущем Арктику стоит рассматривать как один из главных объектов пополнения запасов углеводородов. В связи с чем интерес арктических стран к освоению данного региона будет только расти. Россия имеет огромный потенциал в части пополнения запасов и ресурсов углеводородов за счёт ввода в эксплуатацию шельфовых месторождений Арктики. Однако для реализации данного потенциала необходима грамотная и продуманная государственная политика, нацеленная на создание условий, стимулирующих инвестиции со стороны ресурсодобывающих компаний.

Не обошли вниманием участники форума и такую проблему, как инфраструктурное развитие в условиях Крайнего Севера. Хорошо известно, что одной из целей государственной политики по развитию транспортной инфраструктуры в Арктике должно быть полноценное и опережающее обеспечение портов и Севморпути подъездными путями. В настоящее время в полярных регионах идёт формирование сети железнодорожных и автомобильных дорог. Важ-

нейшие из проектов: Белкомур, железная дорога Бованенково – Сабетта, Северный широтный ход, строительство пускового комплекса Томмот – Якутск. Обеспечение судоходства по внутренним водным путям для арктических регионов является важнейшим условием «северного завоза», хозяйственной и продовольственной безопасности удалённых районов.

Несколько секций Форума было связано обсуждением проблем создания рациональной социальной модели проживания и обеспечения жизнедеятельности в регионе коренного и пришлого населения. Представляется разумным на нынешнем цикле освоения Арктики сделать ставку на осмысленное и мотивационно прозрачное сочетание долговременной осёдлости и «длинной вахтовки» как принципа кадровой политики.

С Арктическим регионом, который уже в ближайшие десятилетия может стать крупной кладовой энергоресурсов и ключевой транспортной артерией планеты, связаны интересы многих стран – как собственно арктических, так и более отдалённых. Важную роль играет и фактор безопасности – военными приготовлениями в той или иной степени занимаются все арктические государства, а также державы, заинтересованные в экспансии на север. Поэтому в рамках нескольких сессий форума обсуждались подходы стран, входящих в Арктический совет, к расширению возможностей сотрудничества по снижению латентной напряжённости, конфронтационной риторики и концентрации внимания на позитивной повестке дня. Особое внимание было уделено трансграничному межрегиональному сотрудничеству в экономической и гуманитарной сферах.

В контексте развития единой транспортной инфраструктуры в Арктике, её внешних и внутренних элементов большое значение приобретает транспортная взаимосвязь (transport connectivity) как инструмент региональной интеграции и удовлетворения потребностей местного населения, бизнеса, поисково-спасательных служб, исследовательских экспедиций, туризма и др. Развитие внутренних, периферийных транспортных коммуникаций повысит транспортную доступность населённых пунктов и обеспечит возможности для транспортировки промышленной продукции, в том числе иностранных грузоотправителей. Развитие внешних транспортных связей между Арктической зоной, Сибирью, Уралом и Дальним Востоком становится важной задачей в рамках формирования новой модели стимулирования экономического роста России и обеспечения качества жизни и коренного, и пришлого населения.

Внимание участников форума было также сосредоточено на самом процессе и механизмах проведения исследовательских работ как фундаментального, так и прикладного характера. Для достижения эффективных результатов процесс освоения Арктики должен проводиться на принципиально новой научной основе. Одним из эффективных механизмов этого процесса является международное «Соглашение о научном сотрудничестве в Арктике», которое было обновлено на заседании Арктического совета в 2017 г.

Также хотелось бы остановиться на Совещании комитета региональных координаторов Северного форума и II Встрече губернаторов Северного форума, с которыми связаны предложения ИЭИ ДВО РАН, переданные в эту международную организацию накануне Арктического форума. Указанные предложения предполагают усиление внимания научных организаций и деловых кругов к Дальневосточной Арктике.

Хорошо известно, что взаимодействие в западной части арктической зоны России – Баренцевом/Евроарктическом регионе отличается уникальной степенью кооперации как на межправительственном, так и на региональном уровнях. С момента своего учреждения Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) утвердился в качестве эффективной структуры межгосударственного взаимодействия. Здесь естественно возникает вопрос: а почему в тихоокеанском арктическом сегменте, в котором расположен крупнейший перекрёсток морских

дорог Арктики – Берингов пролив на развилке Севморпути и Северо-Западного прохода в Европу вдоль побережья Аляски и Канады – не существует международных структур, близких по миссии к СБЕР, которые осуществляли бы координацию международной деятельности в этом секторе Арктики. А ведь здесь накопились далеко не только геополитические и геоэкономические, но и острейшие экологические проблемы, которые требуют немедленного решения. Конечно, здесь играет определённую роль конфронтация США и Канады, двух крупнейших членов Арктического совета, с Россией, их неоправданные санкции против нашей страны.

И в данном случае возникает предложение, предполагающее организацию структуры, схожей по миссии со СБЕР, в тихоокеанском арктическом сегменте, которую можно условно назвать «Совет Тихоокеанского арктического региона и Берингова пролива». В состав последнего, кстати, могли бы войти не только арктические страны – Россия, США и Канада, но и другие государства, имеющих интерес к этому арктическому сектору, например, Китай, Япония, Южная Корея и др.

■ ■ ■
Для цитирования:

Краснопольский Б.Х. Арктика – территория диалога и океан возможностей // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 100–103. DOI: [10.14530/reg.2019.3.100](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.100)

For citing:

Krasnopolski B.K. The Arctic – Territory of Dialogue and an Ocean of Possibilities. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 100–103. DOI: [10.14530/reg.2019.3.100](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.100) (In Russian)

ЗАОСТРОВСКИХ**Елена****Анатольевна**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

ZAOSTROVSKIKH**Elena****Anatolyevna**

Ph.D. in economics,
research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

zaost@ecrin.ru

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И ЕГО XXIV ЕЖЕГОДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

RUSSIAN-AMERICAN PACIFIC PARTNERSHIP AND ITS 24TH ANNUAL MEETING

В настоящее время сотрудничество России и США по многим вопросам заморожено. В условиях действующих санкций РАТОП остаётся одной из немногих действующих площадок для установления деловых и гуманитарных контактов между Россией и Америкой. Поэтому не исключено, что в будущем РАТОП может стать платформой для развития межгосударственных отношений.

Инициативная рабочая группа «Дальний Восток России – Западное побережье США» была создана решением российско-американской Межправительственной комиссии в 1994 г. для содействия коммерческому сотрудничеству между двумя странами. Первое заседание состоялось в 1995 г. в Сиэтле (штат Вашингтон). На нём обсуждались вопросы совершенствования таможенной и административной политики и расширения возможностей для финансирования совместных проектов, меры по снижению барьеров на пути торгового сотрудничества, а также вопросы инвестиционного сотрудничества. В 2002 г. эта рабочая группа была переименована в «Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство» (РАТОП).

В настоящее время РАТОП – это двусторонний форум между Дальним Востоком России и Западным побережьем США, который объединяет частный сектор и представителей правительств двух стран для выявления барьеров в бизнесе и торговле. В состав РАТОП входят: с российской стороны – 11 регионов (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Приморский, Хабаровский, Камчатский, Забайкальский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ); с американской стороны – 8 штатов (Аляска, Калифорния, Колорадо, Гавайи, Айдахо, Орегон, Техас и Вашингтон).

Ключевыми темами для совместного обсуждения в рамках РАТОП являются энергетика, международное сотрудничество, торговля, рыбный промысел, туризм, экология, спорт, технологии, транспорт, а также наука и образование. Заседания РАТОП проходят поочередно на территории США и России один раз в год.

© Заостровских Е.А., 2019

География проведения заседаний РАТОП преимущественно охватывает прибрежные города Дальнего Востока России и Западного побережья США (рис. 1).

Рис. 1. География проведения заседаний РАТОП

Источник: картография выполнена В.Д. Хижняком на основе данных РАТОП (<http://www.usrussia.org>).

Ежегодно на площадке РАТОП собирается около 100 лидеров в коммерческой и правительственной сферах. Наибольшее число участников заседания РАТОП пришлось на 2011 г. – 186 человек. Это заседание проводилось в г. Петропавловск-Камчатский, когда на повестку дня был впервые вынесен вопрос о восстановлении воздушного пассажирского и морского транспортного сообщения между Соединёнными Штатами и Дальним Востоком России (рис. 2). Наименьшее число участников (69 человек) было отмечено в 2014 г. Причиной послужило ухудшение двусторонних отношений между Россией и США, в результате чего представители американских органов власти не участвовали в заседании.

Всего с 2011 по 2019 гг. на тематических сессиях РАТОП было представлено 155 докладов (рис. 3). Традиционными тематическими сессиями являются «Энергетика», «Транспорт и туризм» и «Торговля и экономическое развитие». На сессии «Энергетика» ежегодно освещаются вопросы развития проекта «Сахалин-1», который реализуется американской компанией «Эксон-Нефтегаз Лимитед» и прочие вопросы в области ТЭК. На сессии «Транспорт и туризм» обсуждаются вопросы российско-американского сотрудничества в области технологий, безопасности перевозок, оптимизации транспортных маршрутов и т.д. В 2014 г. была образована дополнительная сессия «Арктика», на которой ведутся горячие споры о безопасном судоходстве по Северному морскому пути, береговой охране, совместном научном сотрудничестве в области охраны окружающей среды и т.д. Арктика постепенно становится одной из основных тем для обсуждения на заседаниях РАТОП.

Рис. 2. Количество участников РАТОП, человек

Источник: составлено на основе данных РАТОП (<http://www.usrussia.org>).

Рис. 3. Количество докладов, представленных на тематических сессиях РАТОП

Источник: составлено на основе данных РАТОП (<http://www.usrussia.org>).

В целом за время своего существования РАТОП достигло следующих результатов:

- была запущена инициатива «CLEAR-PAC» – пилотный проект с Российской таможней, который позволяет сократить время таможенного оформления грузов в порту (1998 г.);
- было организовано многостороннее изучение торгового маршрута «Коридор Восток – Запад» между Северным Китаем и Северо-Западом США через российские морские порты Приморского края;
- было возобновлено регулярное авиасообщение между Петропавловском-Камчатским и Анкориджем (2013 г.).

26–27 июня 2019 г. состоялось 24-е ежегодное заседание РАТОП, которое впервые прошло в г. Хабаровск. Организатором форума выступили секретариат РАТОП и Правительство Хабаровского края.

С приветственными словами к участникам заседания обратились *С.И. Фургал*, Губернатор, Председатель Правительства Хабаровского края, и *С.А. Кравчук*, мэр города Хабаровска.

На пленарной сессии выступили: *П.Г. Плихин*, заместитель директора Департамента Северной Америки Министерства иностранных дел Российской Федерации; *М. Кийс*, Генеральный консул США во Владивостоке; *Дж. Хантсман*, Посол США в Российской Федерации; *Д.Н. Сажин*, заместитель директора Департамента стран Европы, Северной Америки и международных организаций Министерства экономического развития Российской Федерации; *Б.В. Ступницкий*, директор секретариата РАТОП в Российской Федерации, президент союза «Приморская торгово-промышленная палата»; *Д. Норберг*, исполнительный директор РАТОП; *Г.Д. Никонов*, постоянный представитель Республики Саха (Якутия) в Дальневосточном федеральном округе; *А.С. Мишенин*, заместитель Председателя Правительства Республики Бурятия по экономическому развитию; *Д.А. Коростелёв*, министр экономического развития и торговли Камчатского края; *А.Ю. Старичков*, руководитель департамента международного сотрудничества Администрации Приморского края; *А.В. Бутуханов*, заместитель министра экономического развития Сахалинской области.

На форуме было представлено 4 сессии:

Сессия 1 – «Сотрудничество в сфере энергетики». Модератор: *М.А. Тарасов*, заместитель министра экономического развития Хабаровского края, начальник управления внешнеэкономических связей и поддержки экспорта. Участники сессии: *Ш. Бир*, президент компании «Эксон Нефтегаз Лимитед»; *Е. Фадеева*, директор по развитию бизнеса и руководитель московского филиала компании «Флуор Дэниел Евразия инк».

Сессия 2 – «Развитие торгово-экономических и туристских связей между регионами Дальнего Востока России и западного побережья США». Модератор: *И.А. Суханов*, руководитель центра поддержки и развития экспорта Хабаровского края. Участники сессии: *Г. Вулф*, президент Всемирного торгового центра Аляски; *А.А. Степашико*, президент «Международной ассоциации туристической индустрии стран АТР»; *Д. Хада*, директор «Inter Aviation Japan/InterPacific Aviation & Marketing»; *М. Дадли*, директор «InterPacific Aviation & Marketing»; *Б.Д. Дымбрылов*, директор Фонда регионального развития Республики Бурятия «Бурятия – земля бесконечной тайны».

Сессия 3 – «Сотрудничество в Арктике и северной части Тихого океана». Модератор: *А.Л. Вороненко*, заведующий Центром исследований Шанхайской организации сотрудничества и Азиатско-Тихоокеанского региона Хабаровского государственного университета экономики и права. Участники сессии: *Д. Радгоуский*, атташе береговой охраны США в Российской Федерации; *А.А. Сорокин*, ВРИО директора Вычислительного центра ДВО РАН; *П. Фуз*, президент компании «Марин Эксчэйндж Аляска»; *Б.Х. Краснопольский*, д.э.н., проф. ИЭИ ДВО РАН; *А.С. Важова*, научный сотрудник Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО); *Е.А. Заостровских*, научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН.

Сессия 4 – «Развитие научных и общественных связей между регионами Дальнего Востока России и западного побережья США». Модератор: *С.Л. Жукова*, председатель совета НКО Союз деловых женщин. Участники сессии: *М. Врублевский*, директор программ западной части Тихого океана Центра дикого лосося; *П.Е. Осипова*, директор Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF) в России; *Л.А. Одзял*, президент РОО «Ассоциация

коренных малочисленных народов севера Хабаровского края»; *П. Ли*, член совета директоров Ассоциации городов-побратимов Портленд-Хабаровск; *В.О. Сидорова*, председатель президиума совета хабаровского краевого отделения общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы».

На тематических сессиях было представлено 17 докладов.

Ш. Бир представила проект международного консорциума «Сахалин-1». Была показана историческая ретроспектива проекта. Отмечено, что в рамках проекта «Сахалин-1» были возвращены ведущие отраслевые технологии в регионе и установлены многочисленные рекорды для горизонтального бурения, а в бюджеты РФ и Сахалинской области поступили значительные налоговые и лицензионные платежи. Было также отмечено, что за время реализации проекта «Сахалин-1» корпорации «Эксон-Нефтегаз Лимитед» удалось реализовать сотни благотворительных проектов на общую сумму около 28 млн долларов.

М. Дадли в своём выступлении о пассажирских авиаперевозках между Западным побережьем США и Дальним Востоком России отразил ключевые проблемы развития, особенности и перспективы. Докладчик изложил основные условия, необходимые для развития туризма в этом регионе. Кроме того было предложено стратегическое решение по развитию авиаперевозок на Дальнем Востоке России.

Д. Радгоуский в своём выступлении отразил следующие вопросы: современные действия по охране правопорядка и законности на море; нерегулируемый промысел; повышение уровня качества информационного взаимодействия. Основной акцент в докладе был сделан на проведение операций по защите морских биоресурсов.

П. Фуз в своём выступлении отразил ключевые вопросы безопасного судоходства в Беринговом проливе и Арктике. Было отмечено, что с увеличением судоходства необходимо разрабатывать вопросы совместного сотрудничества между США и Россией в области мониторинга судоходства, повышения уровня безопасности на море и готовности к чрезвычайным ситуациям.

Б.Х. Краснопольский предложил создать Рабочую группу экспертов РАТОП по изучению возможностей создания международного российско-американского Совета по региону Берингова пролива и Тихоокеанской Арктики (The Council of the Bering Strait and Pacific Arctic region – CBSPAR). Основная цель – обеспечение устойчивого развития региона, расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, окружающей среды и развития транспортной инфраструктуры. Данное предложение было рекомендовано включить в итоговое решение заседания РАТОП.

А.С. Важова представила доклад о международной лососевой экспедиции в заливе Аляска, которая прошла впервые за несколько десятилетий. По результату экспедиции ожидается получить новые данные, которые позволят эффективнее и рациональнее сохранить тихоокеанского лосося в тренде меняющихся экосистем. В ходе экспедиции происходил обмен методиками и способами обработки материала и данных между участниками экспедиции. Было отмечено, что полученные результаты позволят восполнить важный пробел в знаниях о жизненном цикле лосося.

Заостровских Е.А. в своём докладе «Особенности и перспективы развития морских портов Восточной Арктики» отметила, что современный период развития портов основан на принципе единства с прилегающей территорией. В этом ключе были представлены основные задачи, которые предстоит решить в ближайшей перспективе. Кроме того, в докладе были озвучены основные направления совместного сотрудничества между Россией и США в области морского транспорта.

На второй день участники заседания РАТОП работали в рамках сессии, посвящённой вопросам и выработке рекомендаций по улучшению сотрудничества между российским Дальним Востоком и западным побережьем США. Сессию возглавили со-модераторы *М. Дадли* и *Т.В. Конко*.

Итоговый отчёт по результатам работы 24-го заседания РАТОП предназначен в том числе для распространения по российским и американским министерствам, департаментам и другим заинтересованным органам власти. Рекомендации отчёта также послужат для постановки приоритетов в работе РАТОП в текущем году.

■ ■ ■
Для цитирования:

Заостровских Е.А. Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство и его XXIV ежегодное заседание // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 104–109. DOI: [10.14530/reg.2019.3.104](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.104)

For citing:

Zaostrovskikh E.A. Russian-American Pacific Partnership and Its 24th Annual Meeting. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 3. Pp. 104–109. DOI: [10.14530/reg.2019.3.104](https://doi.org/10.14530/reg.2019.3.104) (In Russian)

Regionalistica [Regionalistics]

2019 Vol. 6 No. 3

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2019

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
K.V. Grigorichev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)
M.Yu. Urnov, Doctor of Political Science (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.V. Sevastianov, Doctor of Political Science (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)